

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

ежемесячный научный журнал

LA RELIGIEUSE.

ENCYCLOPÉDIE,
OU
DICTIONNAIRE RAISONNÉ
DES ARTS ET DES MÉTIERS,
PAR UNE SOCIÉTÉ DE GENS DE LETTRES.

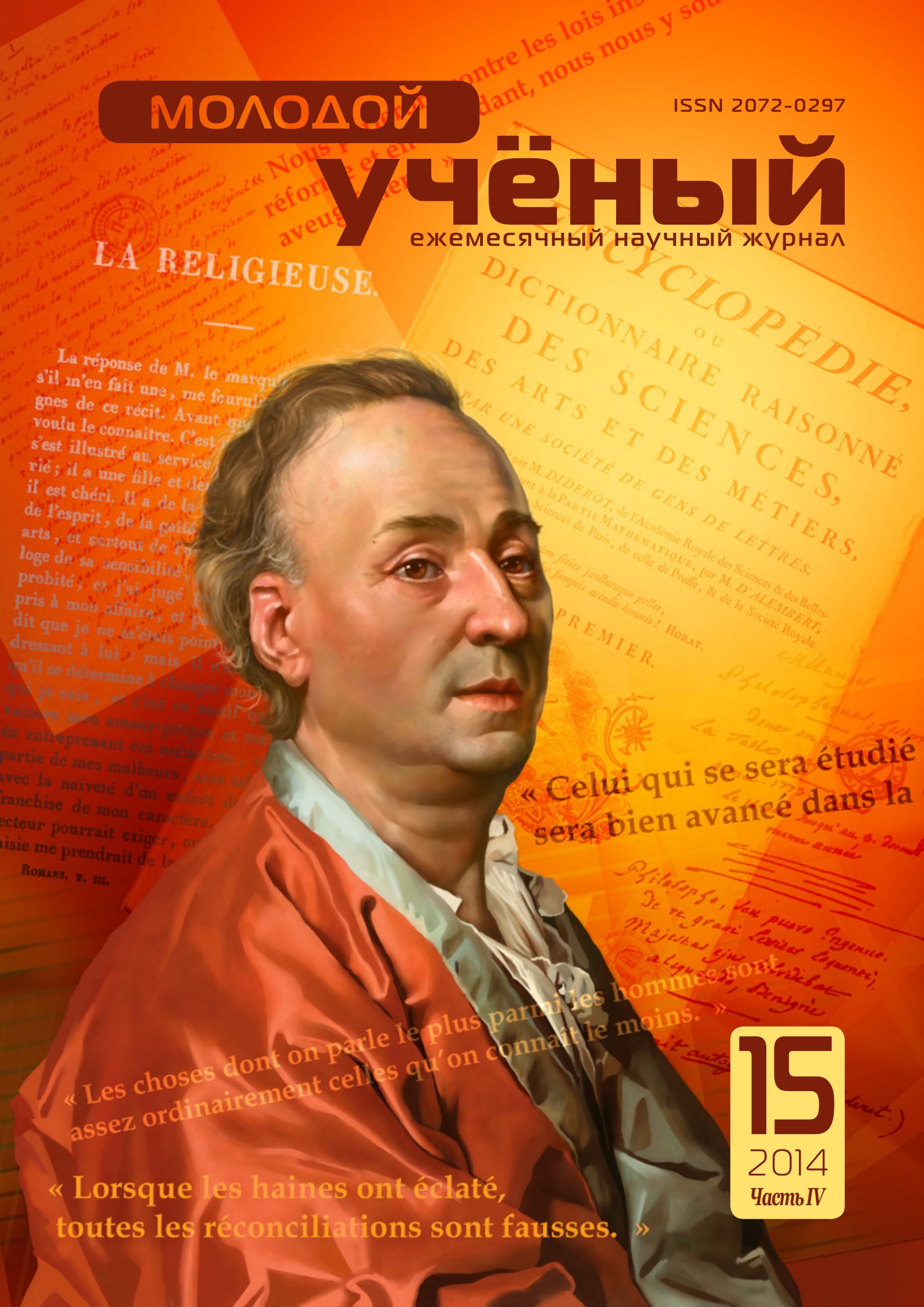
PREMIER.

« Celui qui se sera étudié
sera bien avancé dans la

« Les choses dont on parle le plus parmi les hommes sont
assez ordinairement celles qu'on connaît le moins. »

« Lorsque les haines ont éclaté,
toutes les réconciliations sont fausses. »

15
2014
Часть IV

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Ежемесячный научный журнал

№ 15 (74) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Дени Дидро (1713–1784) — французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Евгений Шишков

Верстка: Павел Бурьянов

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Зверев П. Г.**
«Традиционное» и «расширенное»
миротворчество и принуждение к миру 319
- Кнороз А. И.**
Смерть опекуна или попечителя либо
подопечного как основание прекращения
опеки и попечительства 321
- Прохорова Е. Н.**
Некоторые вопросы понятия и сущности
правоохранительных правоотношений
в современной России 323
- Пурге А. Р., Дрозд И. Е.**
Особенности правоприменительной практики
по спорам, возникающим
из договора дарения 326
- Рахматуллин Р. Ю.**
Место иджитхада в мусульманском праве 330
- Солдатова О. Е.**
К вопросу о соотношении понятий «юридический
процесс» и «юридическая процедура» 332
- Солдатова О. Е.**
Некоторые подходы к выделению оснований
классификации юридического процесса 335
- Хадисов С. В.**
Исторические этапы развития Чечни
в составе Российской Федерации 338
- Ходжалиев С. А.**
Методика криминологического прогнозирования
в сфере назначения и исполнения
наказаний 340
- Ходжалиев С. А.**
Особенности криминологического
прогнозирования назначения и исполнения
наказаний в виде ограничения свободы 344

ИСТОРИЯ

- Батдыева О. Д.**
Национально-государственное становление
Карачаево-Черкесской Республики 348
- Вьюнов В. Н., Бузлов А. А., Пискарева Ю. Е.,
Кесслер Е. С., Пискарев А. Е.**
Хрущев Никита Сергеевич как лидер
и реформатор советского государства 351
- Гапликов Н. В.**
Дореволюционная историография
Отечественной войны 1812 года 353
- Мустафин А. Р.**
Нормальное распределение хлебных цен
в России в XVIII в. 355
- Самородов Д. П., Матвеева В. Р.**
Некоторые аспекты повседневной жизни
работников сферы общественного транспорта
Башкирской АССР в 1950–1991 гг. 359

СОЦИОЛОГИЯ

- Крупчина Е. В.**
История социальной службы в России 362
- Полина В. Л.**
Миграционная политика Скандинавских стран
как фактор трансформации современного
скандинавского общества 364
- Узакова С. А., Шергалиева М. Т.**
Влияние национального менталитета казахов
на формирование (конструирование)
семейных ценностей 369

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Бубенкова М. В.**
Кто такой сценарист? 372

Иванникова А. Г., Хоречко У. В. Концепт «чай» в русской и китайской картинах мира	374
Ласькова А. Е. «Здесь историческое воспоминание соединилось с памятью веры...» (К. С. Аксаков о Радонежском крае. К 700-летию Преподобного Сергия Радонежского).....	376
Суворкина Е. Н. Роль наблюдения в приобретении экологического опыта в субкультуре детства (на материале произведений русской литературы XIX–XX вв.).....	379
Шаброва А. Д. Деньги первых лет Советской власти	381

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Амангельдина Д. Ш. Восприятие искусства и формирование предметного образа на визуальной основе....	385
Миронов Б. Б. Любительское народно-инструментальное исполнительство в России второй половины XX столетия. История и развитие	388

ФИЛОЛОГИЯ

Боровская А. В., Казарян А. А., Ручина А. В. Семантическая дифференциация словарного состава на материале терминов генеалогического родства китайского и русского языков.....	391
Волкова Е. В. Методы и принципы изучения фразеологии в вузе и школе	394

Козлов А. А., Суван-оол Е. С. Особенности перевода терминологических сочетаний горнодобывающей промышленности с китайского языка на русский.....	397
--	-----

Комарова Е. В. Стихотворение А.-Ч. Суинберна «В саду» как часть «садовой трилогии», объекта наивысшего интереса русских переводчиков (XIX–XXI вв.)	399
--	-----

Кугультинова А. С. Теккерей глазами викторианского читателя в сравнении с Диккенсом	402
---	-----

Савина Ю. А. Методологические основы исследования когнитивных механизмов и языковых средств создания комического в художественном тексте (на материале произведений Джером К. Джерома и О. Генри)	404
---	-----

Тан И. Х., Матназаров Т. У., Ручина А. В. An Analysis of the poetic qualities of Bunin's short story «Light breathing».....	408
---	-----

Хасан-заде Р., Валипур А. К вопросу об изафетных конструкциях (существительное — существительное) в персидском языке.....	410
---	-----

Ярошкевич М. А. Языковая картина мира (на примере текстов букваря разных лет издания).....	413
--	-----

ФИЛОСОФИЯ

Малинин С. А. И. А. Ильин — философ и эссеист	417
---	-----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

«Традиционное» и «расширенное» миротворчество и принуждение к миру

Зверев Петр Геннадьевич, кандидат юридических наук
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Термин «традиционное» миротворчество обычно используется для обозначения операций Организации Объединенных Наций (ООН) по поддержанию мира с участием развернутых воинских контингентов, задачей которых является наблюдение, контроль и проверка соблюдения соглашений о прекращении огня, линий прекращения огня, вывода войск, буферных зон и иных соответствующих соглашений в военной сфере. После завершения своей относительно ограниченной роли по осуществлению перемирия или мирного урегулирования, такие миссии обычно в кратчайшие сроки свортываются, продлившись, как правило, непродолжительное время. Впрочем, иногда они буквально «замораживаются», порой — на десятилетия, в ожидании заключения мирного договора. Но как бы ни сложилась ситуация, миротворцы ни при каких обстоятельствах не должны изменять политическую или военную обстановку вокруг себя с использованием военных средств или без обращения к таковым. Классическими примерами традиционных операций по поддержанию мира стали Группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане (ГВНООНИП/UNMOGIP), развернутая в Кашмире в 1949 г. [1], а также Орган ООН по наблюдению за выполнением условий перемирия (ОНВУП/UNTSO) [3] и Силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР/UNDOF) [4], развернутые на Ближнем Востоке соответственно в 1948 г. и 1974 г. Практика проведения традиционных операций по поддержанию мира продолжилась и на рубеже веков. В качестве примера можно привести Миссию наблюдателей ООН в полосе Аозу (ГНООНПА/UNASOG), которая контролировала передачу Ливией приграничных территорий Чаду в 1994 г., а также Миссию наблюдателей ООН на Превлакском полуострове (МНООНПП/UNMOP), учрежденную в 1996 г. для наблюдения за соблюдением режима прекращения огня между Хорватией и Союзной Республикой Югославия на полуострове Превлака.

После окончания «холодной войны» возникла новая форма миротворчества, которая получила широкое распространение, хотя ее предтечей послужили некоторые

ранее развернутые миротворческие операции, например Миссия ООН в Конго в 1960-х гг. [2; 6]. На смену «сдерживающим» миссиям ООН внезапно пришли многофункциональные операции, тесно связанные со всем мирным процессом и интегрированные в него. Там, где раньше миротворцы старательно избегали разрешения коренных причин вооруженных конфликтов, ограничиваясь сдерживанием и действиями по деэскалации, теперь возникла новая для них обязанность по поиску справедливого и прочного мирного урегулирования. Такого рода операции имели своей целью создание или воссоздание демократического, ответственного правительства, содействие укреплению гражданского общества и послужили толчком к возобновлению экономической реконструкции и развития. И в ряде случаев это действительно привело к оживлению несостоявшихся государств или к национально-государственному строительству. При этом для некоторых государств — членов ООН, в том числе для Китая и ряда ключевых развивающихся стран, тревожным звонком стало то, что такие миссии в некоторых случаях напрямую увязывались с очевидной повышенной готовностью самой Организации нарушить жесткое толкование права государств на невмешательство в их внутренние дела (нормы *ius cogens*) либо допустить применение ее миротворцами силы за рамками обычной самообороны.

Вдобавок к вооруженным силам стала часто развертываться гражданская полиция ООН и различные компоненты, отвечающие за целый спектр вопросов: от проведения выборов и защиты прав человека до реализации программ социальной и экономической реконструкции. Примерами таких миссий стали Временный орган ООН в Камбодже (ЮНТАК/UNTAC), Операция ООН в Мозамбике (ЮНОМОЗ/UNOMOZ), Силы ООН по охране (СООНО) в бывшей Югославии, Операция ООН в Сомали II (ЮНОСОМ II/UNOSOM II), Миссия ООН в Гаити (МООНГ/UNMIH) и Временная администрация ООН в Восточном Тиморе (ВООНВТ/UNTAET). Жаркие споры разгорелись между теми, кто видел в «расширенном» миротворчестве просто линейное расширение

устоявшейся техники, и теми, кто верил, что для него может потребоваться адаптация «традиционной» концепции миротворческой деятельности с уделением меньшего внимания получению согласия всех сторон, переосмыслением понятия беспристрастности и большей гибкостью в вопросах применения силы (то есть, по сути, с неизбежным ее применением). Те, кто выступал за описание более широкого спектра миротворческой деятельности, называли такие миссии операциями «второго поколения», «расширенными», «более широкими», «продвинутыми» или «более обширными» операциями. Те же, кто желал подчеркнуть новое отношение или тенденцию к применению силы в некоторых таких миссиях, называли их «операциями по защите», «усиленными», «принудительными» или «мускульными». Также частью «расширенного» миротворчества считаются гуманитарные операции, основной целью которых является облегчение человеческих страданий.

Несмотря на то, что термин «принуждение к миру» используется в самых разных контекстах и пересекается с «активным (*robust*) расширенным» миротворчеством, речь о котором идет выше, с его помощью все же следует, на наш взгляд, обозначать операции в пользу мира, санкционированные Советом Безопасности ООН и нацеленные на побуждение одной или нескольких сторон конфликта присоединиться к мирному договору или к соглашению, по которому стороны пришли к согласию ранее, при помощи таких средств, как применение или угроза применения военной силы. По мнению Д. Дэниела, существует несколько вариантов принуждения к миру: «побуждение к миру», «принудительное побуждение», «восстановление мира», «внедрение мира», «мускульное миротворчество», «усиленное миротворчество», «операции серой зоны», «операции золотой середины», «гибридные операции» и «многофункциональное миротворчество» [5, р. 2]. Именно в этом контексте данные операции преследуют цель «принуждения к миру». Они не пытаются одержать верх над стороной конфликта в военном отношении, их задачей является принудить эту сторону выполнить волю международного сообщества и ранее согласованные с ней обязательства. Как правило, они стремятся действовать беспристрастно в отношении всех сторон конфликта, выступая в роли арбитра, однако, поступая таким образом, они могут оказаться перед необходимостью наказать одну или несколько сторон, в том числе путем применения силы. Обычно они не просто участвуют в операциях по принуждению к миру, но также осуществляют мероприятия, связанные с «расширенным» миротворчеством, в том числе оказание гуманитарной помощи и национально-государственное строительство. Как и операции по поддержанию мира, они используют и положительные, и отрицательные

стимулы (общеизвестный метод «кнута и пряника»), но в то же время могут воспользоваться применением силы и угрозой ее применения, что является наивысшим отрицательным стимулом. На сегодняшний день довольно трудно найти пример таких операций в чистом виде, но ряд миссий ООН, в том числе ЮНОСОМ II, СООНО, ВАО-ОНБТ и Миссия ООН в Сьерра-Леоне (МООНСЛ/UN-AMSIL), в определенный момент уже продемонстрировали некоторые их характеристики. В этой связи важно как можно более четко определить, какие именно элементы указанных и иных миссий могут квалифицироваться как принуждение к миру.

Термины «принуждение» и «принудительные операции», в отличие от понятий «принуждение к миру» и «операции по принуждению к миру», используются для обозначения военных действий, санкционированных Советом Безопасности ООН прямо или косвенно, в соответствии с главой VII Устава ООН, с применением силы или угрозой ее применения для реализации воли международного сообщества в отношении «заблудившегося» государства или стороны происходящего на его территории конфликта. В таких миссиях нет даже видимости нейтральности или непредвзятости. При необходимости такие силы имеют право нанести военное поражение предположительному «противнику». В этом и состоит ключевая разница между «принудительными операциями» и «операциями по принуждению к миру». Исходя из этого, «принудительные силы» будут изначально организованы и нацелены на ведение войны против указанных сторон, хотя само понятие «войны» может различаться по целям и интенсивности. За всю свою историю Совет Безопасности ООН еще ни разу не брал на себя командованием такого рода принудительными операциями, санкционируя на осуществление этих действий государства — члены Организации. Яркими примерами являются операция ООН во время Корейской войны 1950–1954 гг., целью которой было отражение военного вторжения Северной Кореи в Южную Корею, а также операция международной коалиции государств в войне в Персидском заливе, с помощью которой удалось вытеснить иракские войска из Кувейта в начале 1991 г.

Безусловно, акцент на применение силы не предполагает, что это самая важная проблема, возникающая при трансформации операций в пользу мира в более эффективный инструмент укрепления международного мира и безопасности. Применение силы не должно пропагандироваться как средство решения проблем, с которыми так или иначе сталкиваются миротворческие операции. Однако, чем больше миротворческие силы ООН готовы к применению силы, тем, очевидно, меньшей будет вероятность необходимости ее применения.

Литература:

1. Зверев, П. Г. Индо-пакистанский конфликт и Группа военных наблюдателей ООН в Индии и Пакистане: история и современность // Историческая наука. — 2013. — № 4 (7), октябрь-декабрь. — с. 9–15.

2. Зверев, П. Г. Конголезский кризис 1960–1966 гг. и Операция ООН в Конго (ОНУК, 1960–1964): история конфликта и процесса его урегулирования // Вестник гуманитарного научного образования. — 2014. — №2 (40). — с. 12–17.
3. Зверев, П. Г. Конфликт на Ближнем Востоке и первая миротворческая операция ООН (ОНВУП): история и современность // Вестник гуманитарного научного образования. — 2013. — №11 (37). — с. 11–16.
4. Зверев, П. Г. Оккупация Израилем Голанских высот 1974 г. и Силы ООН по наблюдению за разъединением (СООННР): история и современность // Историческая наука. — 2014. — №2 (9), апрель-июнь (не опубликована).
5. Daniel, D. C. Wandering out of the void? Conceptualizing practicable peace enforcement/Eds. A. Morrison, D. Fraser and J. Kiras. Peacekeeping with Muscle: The Use of Force in International Conflict Resolution. — Clementsport: Canadian Peacekeeping Press, 1997.
6. James, A. Is there a second generation of peacekeeping? // International Peacekeeping, Vol. 1, №. 4 (Sep./Nov. 1994). — P. 110–113.

Смерть опекуна или попечителя либо подопечного как основание прекращения опеки и попечительства

Кнороз Андрей Иванович, доцент
Международный славянский институт (г. Москва)

В действующем российском законодательстве (ст. 39, 40 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ст. 29 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее — Закон об опеке и попечительстве) [1]) в качестве самостоятельных оснований прекращения опеки и попечительства выделяются следующие обстоятельства: истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя; освобождение и отстранение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей; прекращение опеки и попечительства в случаях, предусмотренных ст. 40 ГК РФ; прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей по достижении такими родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

Кроме того, в качестве основания прекращения опеки и попечительства относительно детей, оставшихся без попечения родителей, предусмотрено в п. 3 ст. 148.1 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) — отстранение опекуна или попечителя за неисполнение решения суда.

Особое место среди указанных оснований занимает смерть опекуна или попечителя либо подопечного. Указанное обстоятельство в качестве основания отсутствовало в ГК РФ и впервые получило закрепление в п. 1 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве — опека или попечительство могут быть прекращены в случае смерти опекуна или попечителя либо подопечного.

Указанное основание прекращения опеки и попечительства обусловлено тем, что данные отношения являются по своей природе фидуциарными и поэтому в случае смерти опекуна (попечителя) правопреемство недопу-

стимо. Смерть опекуна или попечителя является относительным основанием прекращения опеки и попечительства, а смерть подопечного абсолютным. Оба основания относятся к обстоятельствам субъективного характера, прекращающим правоотношения автоматически, т. е. непосредственно в силу самого права (*ipso jure*).

Обращает на себя внимание логическая незавершенность нормы содержащейся в п. 1 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве. Очевидно, что с выходом из правоотношений одной из сторон по независящим от нее обстоятельствам такие правоотношения должны быть прекращены. В таких случаях законодатель может использовать два варианта нормативной регламентации оснований прекращения таких правоотношений: либо вообще не указывать на события, которые не вызывают сомнений в прекращении правоотношений, либо указывать полный перечень таких событий.

Первый вариант регламентации был последовательно применен в ГК РФ (ст. 40), но при формулировании п. 1 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве законодатель все же отошел от ранее избранного подхода, включив смерть опекуна (попечителя) и подопечного в качестве оснований прекращения опеки и попечительства. При этом такие обстоятельства как признание опекуна или попечителя либо подопечного безвестно отсутствующими или объявлении их умершими упомянуты не были.

Отсутствие в действующем законодательстве данных оснований прекращения опеки и попечительства вызвало неоднозначную реакцию в юридической литературе. Так, например, А. Н. Чашин утверждает, что к смерти попечителя (опекуна) следует приравнивать вступившее в силу решение суда о признании гражданина умершим. Кроме

того, отмечает автор, при формулировке текста ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве законодатель, указав, что одним из оснований прекращения опеки (попечительства), является смерть опекуна (попечителя) не упомянул о том, что таким же основанием является признание опекуна (попечителя) безвестно отсутствующим [2. с. 121].

А. Н. Борисов также предполагает, что в данной норме законодатель подразумевает очевидность наступления при объявлении гражданина умершим тех же последствий, что и при смерти гражданина [3. с. 195].

С указанной точкой зрения, на наш взгляд, согласиться нельзя. В соответствии со ст. 45 ГК РФ гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение пяти лет, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, — в течение шести месяцев. Таким образом, в случае исчезновения опекуна, попечителя по неизвестным причинам объявление лица умершим возможно только по истечении длительного срока. Учитывая то, что исполнение обязанностей опекуна, попечителя должно быть постоянным, органу опеки и попечительства достаточно будет информации о том, что опекун, попечитель оставил подопечного без надзора и необходимой помощи (т. е. не дожидаясь истечения какого-либо срока отсутствия), чтобы отстранить опекуна, попечителя, место нахождения которого неизвестно. Поэтому объявление опекуна или попечителя умершим не является самостоятельным основанием прекращения опеки или попечительства и приравнивать его к смерти не следует.

Так же не является самостоятельным основанием признание опекуна или попечителя безвестно отсутствующим, поскольку для такого признания должно пройти определенное время. Согласно ст. 42 ГК РФ суд может признать гражданина безвестно отсутствующим, если в течение одного года в месте его нахождения нет сведений о его месте пребывания. Следовательно, решение об отстранении такого опекуна или попечителя произойдет значительно раньше, нежели чем признание судом гражданина безвестно отсутствующим.

Таким образом, расширительное толкование п. 1 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве относительно смерти опекуна или попечителя как основания прекращения опеки или попечительства использоваться не может. Только смерть опекуна или попечителя, а не признание указанных лиц безвестно отсутствующими или объявление их умершими, является основанием прекращения опеки или попечительства.

Несколько иная ситуация складывается относительно прекращения опеки или попечительства в случае смерти подопечного. При таких обстоятельствах положение п. 1 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве подлежит расширительному толкованию, поскольку опека и попечительство могут быть прекращены как в случае смерти подопечного, так и при объявлении его умершим. Указанная точка зрения высказывалась в советской и совре-

менной отечественной цивилистике (Ю. С. Червоный [4. с. 101], С. М. Попова [5. с. 32], В. А. Ершов [6. с. 37]).

Возникает вопрос, а можно ли к такому основанию приравнять признание подопечного безвестно отсутствующим? Думается, что нет. При таком признании констатируется лишь факт невозможности решения вопроса о жизни или смерти подопечного, т. е. по сути, речь идет о пограничном состоянии. Следует отметить, что в теории гражданского права существует три взгляда относительно оснований признания гражданина безвестно отсутствующим. Одни авторы основой такого признания полагают презумпцию смерти гражданина, что не совсем убедительно, так как стирается, по сути, грань между основанием признания лица безвестно отсутствующим и основанием объявления лица умершим [7. с. 21]. Другие авторы считают основой признания безвестного отсутствия презумпцию жизни, так как нет достаточных оснований предполагать, что гражданина нет в живых [8. с. 98]. Но наиболее обоснованной представляется позиция тех авторов, которые полагают, что при признании гражданина безвестно отсутствующим не заложена ни та, ни другая презумпция, а констатируется лишь факт невозможности решения вопроса о жизни или смерти лица [9. с. 102]. Соответственно при таких обстоятельствах (неопределенности статуса подопечного) решение вопроса о прекращении опеки или попечительства представляется, по крайней мере, преждевременным. Таким образом, расширительное толкование положения п. 1 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве возможно в отношении прекращения опеки или попечительства в случае смерти подопечного, а в случае смерти опекуна (попечителя) только буквальное.

Для устранения отмеченных выше разночтений представляется целесообразным использовать один из принятых в действующем законодательстве подходов: вообще не указывать смерть опекуна (попечителя) и подопечного в качестве основания прекращения опеки и попечительства, как это сделано в ст. 40 ГК РФ, либо указать все события, которые не вызывают сомнения в прекращении правоотношений, как например, это было сделано в п. 1 ст. 16 СК РФ, в соответствии с которым брак *прекращается вследствие смерти* или вследствие *объявления судом* одного из супругов *умершим* (курсив наш. — А. К.).

Таким образом, в целях установления единообразного правоприменения рассматриваемой нормы предлагается внести изменения в гражданское законодательство, для чего, либо исключить пункт 1 части 1 статьи 29 Закона об опеке и попечительстве, либо (с учетом предложенных выше изменений содержания указанной статьи) изложить его в следующей редакции:

«1) в случае смерти подопечного либо при объявлении судом его умершим;».

Данные основания прекращения опеки или попечительства следует признать исчерпывающими, что позволит исключить необоснованное расширительное толкование оснований прекращения ч. 1 ст. 29 Закона

об опеке и попечительстве относительно смерти опекуна или попечителя.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что в целом в действующем российском законодательстве сложилась определенная система оснований пре-

ращения опеки или попечительства, позволяющая эффективно применять нормы в сфере отношений опеки и попечительства, однако некоторые вопросы правового регулирования указанных оснований все же требуют своего дальнейшего разрешения.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. №17. Ст. 1755.
2. Чашин, А. Н. Комментарий к Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ (постатейный научно-практический). — М.: Дело и сервис, 2009.
3. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (постатейный). — М.: Юстицинформ, 2009.
4. Червонный, Ю. С. Граждане как субъекты гражданского права // Советское гражданское право: Учебник в 2-х частях. Ч. 1/под ред. В. А. Рясенцева — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. лит., 1986.
5. Попова, С. М. Граждане (физические лица) как субъекты гражданского права // Гражданское право: Учебник/под ред. С. П. Гришаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2003.
6. Ершов, В. А. Опека и попечительство: юридический статус и защита прав и законных интересов детей, лишенных родительской опеки, недееспособных ограниченно дееспособных граждан. — М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2008.
7. Юрченко, А. К. Безвестное отсутствие по советскому гражданскому праву. — М., 1954.
8. Советское гражданское право. Ч. 1. — Л., 1982.
9. Гражданское право/под ред. Ю. К. Толстого. Ч. 1. — Л., 1996.

Некоторые вопросы понятия и сущности правоохранительных правоотношений в современной России

Прохорова Евгения Николаевна, кандидат юридических наук, преподаватель
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Кардинальное реформирование всех сторон общественной жизни современной российской действительности ставит на повестку дня проблему качественного правового регулирования деятельности правоохранительных органов. При этом следует отметить, что процессы преобразования общественно-политической жизни в России происходят на фоне высокого уровня преступности, появлении новых способов преступных посягательств и активного проникновения коррупции в органы государственной власти и управления.

В этой связи одним из важнейших направлений государственной деятельности является укрепление правопорядка, прежде всего, путем реализации положений федеральных законов «О полиции» [1], «О службе в органах внутренних дел» [2], которые, наряду с указами Президента России, постановлениями Правительства Российской Федерации, приказами МВД России, составляют организационно-правовую основу деятельности органов внутренних дел.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г.

№537, главными направлениями государственной политики на долгосрочную перспективу определены усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, экстремизмом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере [3]. Воплощение на практике указанных выше принципов призвано способствовать не только обеспечению открытости и прозрачности деятельности правоохранительных органов, но и формированию доверия к такой деятельности у граждан.

В последние два десятилетия в науке и юридической практике широко распространен подход, основанный на признании прав и свобод человека главным целевым началом, ценностно-смысловым основанием правоохранительных правоотношений. Однако отождествление правоохранительных правоотношений с деятельностью по охране и защите прав и свобод человека не вполне отвечает современным реалиям и вызовам XXI века. Разумеется, права и свободы человека выступают компо-

нением правопорядка с законностью, то данный вывод теряет необходимость в развернутой аргументации.

При этом охрана прав и интересов граждан осуществляется вне конкретных правоотношений, тогда как защита уже нарушенных прав всегда происходит в рамках конкретных деликтных правоотношений, возникновение которых нежелательно с точки зрения интересов, как человека, так и государства.

Правоохранительные правоотношения возникают между уполномоченными государством органами и лицами в пределах их компетенции и в порядке, определенном законами. Правозащитные правоотношения имеют свои специфические особенности, связанные с основаниями ее наступления, целями осуществления, с субъектным составом, участвующим в правозащитной деятельности, с распределением их полномочий, с особенностями процессуального порядка их реализации.

В юридической литературе отмечается, что правоохранительная деятельность должна обеспечивать охрану законности и правопорядка, прав и свобод человека, бороться с преступлениями и иными правонарушениями, осуществлять безопасность, защищать от противоправных действий государства и самих правоохранительных органов, преодолевая акцент на применении карательных мер в деятельности правоохранительных органов государства, а также претворяя в жизнь права граждан (в том числе без обращения в судебные органы) [7 с. 29].

Правоохранительные правоотношения определяются охранительной функцией правовой системы и правоохранительной функцией государства. Любые органы государства в той или иной мере осуществляют правоохранительную деятельность. Вместе с тем, существуют и такие органы государства, для которых эта деятельность является основной.

В условиях расширяющейся практики участия общественности в охране правопорядка и обеспечения общественной безопасности, проявления сравнительно большого числа общественных формирований правоохранительной направленности должен преобладать широкий подход к пониманию содержания правоохранительной деятельности. Эта деятельность должна включать как государственные, так и общественные начала и представлять собой взаимосвязь государственной и общественной форм правоохранительной деятельности, осуществляемой государственными и негосударственными субъектами правоотношений.

В целом правоохранительная деятельность проявляется в охране государством прав и законных интересов личности, в организации охраны правопорядка и обеспечения законности, в предупреждении правонарушений и борьбе с ними. Эти задачи решаются с помощью созданной государством системы правоохранительных органов.

Таким образом, правоохранительные органы, это учреждения, органы, охраняющие совокупность уста-

новленных государством норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе. В свою очередь правоохранительные органы являются полицейскими, к каковым относятся: МВД России (полиция и внутренние войска), ФСКН России, ФТС России, ФСБ России, ФСО России, ФССП России, ФСИН России, природоохранные органы (Росприроднадзор, Ростехнадзор, Россельхознадзор, ГФС России).

В ряде случаев конкретно указывается на принадлежность того или иного органа к правоохранительной системе, например, прокуратуры, органов государственной службы, Счетной палаты Федерального Собрания, Государственной контрольной службы Президента, Федеральной службы по валютному и экспертному контролю, налоговой службы, таможенные органы, Министерство внутренних дел Российской Федерации. В ряде случаев, называют правоохранительными те органы, в которых осуществляется правоохранительная служба: в частности, это прокуратура, органы внутренних дел, органы государственного контроля за распространением наркотических средств, таможенные органы, налоговые органы, служба судебных приставов, силы обеспечения безопасности Российской Федерации. Относительно суда распространено мнение, что он не является правоохранительным органом, но всей своей деятельностью обеспечивает правоохрану.

В последние годы система органов, осуществляющих правоохранительную функцию государства, претерпела значительные изменения: таможенные органы были наделены статусом правоохранительных органов, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы были выведены из состава МВД России, произошло обособление и реформирование службы судебных приставов, также поставлен вопрос о самостоятельности федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

Правоохранительной службой, в широком смысле слова, можно считать любую государственно-служебную деятельность органов исполнительной власти, так как вся их деятельность направлена на исполнение законов и на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Но позитивная государственная деятельность российских гражданских служащих традиционно не считается правоохранительной деятельностью, несмотря на то, что в известном смысле, всякая государственная гражданская служба является правоохранительной службой. Исходя из такого подхода, можно определить сущность государственной правоохранительной службы как деятельности по обеспечению функционирования правовой системы государства, понимаемой в данном контексте как «юридический механизм государства, с помощью которого устанавливается правопорядок общества [4 с. 266]».

В этой связи концепция сегодняшних преобразований должна заключаться в обеспечении эффективного функционирования правоохранительной системы в соответствии с принципами строгой ответственности, когда неправомерные и неэффективные действия и решения

в обязательном порядке должны влечь за собой отстранение от должности соответствующих должностных лиц.

Освещая вопрос о структуре правоохранительной системы государства, некоторые авторы обращают внимание на понятие, структуру и специфику функционирования в современных условиях правоохранительной системы. Чаще всего анализу подвергаются правоохранительная деятельность и правоохранительные органы без упоминания того, что и правоохранительная деятельность, и правоохранительные органы одного государства являются структурно-функциональными элементами правоохранительной системы этого государства. Неразрывная связь понятий «правоохранительная деятельность» и «правоохранительные органы», характеризуется также содержанием необходимых признаков, позволяющих отнести тот или иной орган к правоохранительной системе. К таким признакам можно отнести следующие: организация охраны правопорядка; обеспечение законности, правовая защита; претворение в жизнь прав граждан; предупреждение и борьба с правонарушениями [8, с. 72].

По мнению автора, можно выделить ряд правоотношений, в которые вступают только сотрудники правоохранительных органов и в зависимости от вида правоотношений, в которые они вступают отнести эти органы к правоохранительным или нет.

Основная сфера взаимодействия правоохранительных органов с иными субъектами — обеспечение законности и безопасности. Эти органы образуют единую систему противодействия коррупции и организованной преступности в современных условиях, которая способна эффективно действовать в информационном обществе. Хотелось бы отметить, что ни одна общественная и государственная структура не может существовать независимо от правоохранительных органов.

Поскольку правоохранительные органы, являясь одним из основных субъектов государственной деятель-

ности и осуществляя функции по защите жизни, здоровья, собственности от противоправных посягательств, по охране общественного порядка и законности, участвуют в реализации воли государства, следовательно, они постоянно становятся участниками тех или иных процессуальных правоотношений [5, с. 186].

Между тем следует отметить, что *правоотношения в деятельности правоохранительных органов* — это обеспеченные государством социальные связи, складывающиеся как на основе норм административного, уголовного, уголовно-процессуального, трудового, гражданского и других отраслей права, так и до их правового регулирования, в которых в качестве одной из сторон участвуют подразделения и сотрудники указанных органов [6, с. 29].

Необходимо определить критерии отнесения государственных органов к правоохранительным в зависимости от правоотношений в которые они вступают. Указанные органы обязаны своевременно и эффективно осуществлять выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений; задержание лиц, их совершивших; розыск лиц, скрывающихся от следствия, суда или отбывания наказания, а также без вести пропавших лиц; сбор информации о различных правонарушениях. Они вправе: производить опрос; наводить справки; обследовать помещения, здания и сооружения, участки местности, транспортные средства; прослушивать телефонные и иные переговоры; производить оперативное внедрение; производить сбор образцов для сравнительного исследования, контрольные закупки; осуществлять иные действия, предусмотренные законодательством. Другая сторона возникающих правоотношений обязана выполнять все законные требования уполномоченных органов.

Таким образом, если органы государственной власти, в качестве субъектов права вступают в подобные правоотношения, то, следовательно, такие органы относятся к правоохранительным.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О полиции» // Рос. газ., № 28, 10.02.2011.
2. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 21.03.2014) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.
3. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (ред. от 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 18.05.2009, № 20, ст. 2444.
4. Раянов, Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции). М., 2003. с. 266.
5. Крамской, И. С. Соотношение материальных и процессуальных правоотношений (на примере деятельности органов внутренних дел). Дис...канд. юрид. наук. — Москва, 2006. с. 186.
6. Прохорова, Е. Н. Объекты правоотношений, возникающих в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. Калининград.: «Смартбукс», 2014. с. 43.
7. Степанов, О. А., Борисов А. В., Лялякин Ю. А. Права и свободы человека и гражданина: история и современность. М., 2014. с. 72.

Особенности правоприменительной практики по спорам, возникающим из договора дарения

Пурге Анна Роландовна, старший преподаватель;

Дрозд Ирина Егоровна, студент

Институт права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Договор дарения входит в число самых распространенных договоров в гражданском праве. Совершая дарение в повседневной жизни, стороны зачастую даже не осознают, что передача дара имеет четкую законодательную регламентацию, а отношения, связанные с дарением, носят сложный и, нередко, спорный характер, в связи с чем, несоблюдение требований гражданского законодательства может привести к негативным последствиям как для дарителя, так и для одаряемого. Договор дарения представляет собой двухстороннюю сделку, для заключения которой необходимо не только желание собственника передать свое имущество, но и желание одаряемого, принять дар. В качестве дара могут быть переданы не только вещи, но и имущественные права, а также освобождение от обязанности перед дарителем или третьими лицами.

Многообразие судебной практики по делам, связанным с заключением и реализацией договора дарения, а также с дальнейшим развитием гражданских правоотношений, в основе которых лежит договор дарения, свидетельствует о необходимости ее обобщения.

С целью выявления особенностей правоприменительной практики по спорам, возникающим из договора дарения, проанализировано 23 судебных постановления судов Приморского края, других субъектов Российской Федерации и Верховного суда за последние пять лет. Из общего числа судебных постановлений 12 решений, приняты судами первой инстанции и 11 постановлений судов апелляционной и кассационной инстанций.

Согласно ч. 1 ст. 572 ГК РФ по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или третьими лицами. [1] В силу вышеприведенной нормы, договор дарения является безвозмездным и не должен содержать каких-либо условий об имущественных обязанностях одаряемого, а сама сделка включает в себя как добровольное волеизъявление дарителя, так и согласие одаряемого принять дар. Указанные характерные признаки выделяют дарение в системе гражданско-правовых договоров и позволяют отграничить от ряда схожих обязательств. Так, передачу имущественных прав по договору дарения нередко соотносят с договором об уступке права требования (цессией). В связи с тем, что в законе не указано, что договор цессии должен быть возмездным, и не установлен запрет на безвозмездность такого дого-

вора, высказывается предположение, что он может быть как возмездным, так и безвозмездным. Следовательно, заключенный на безвозмездной основе договор цессии, может быть признан дарением. [2] Вместе с тем, в каждом отдельном случае, необходимо определить правовую природу обязательства. Приведем пример из судебной практики.

Истец ООО «Росса-К» обратился в суд с иском к ответчику Ненашевой И. М., Комитету земельных ресурсов администрации Волгограда о признании договоров недействительными, возложении обязанности освободить земельный участок. В феврале 2010 г. ООО «Росса-К» и Ненашева И. М. (индивидуальный предприниматель) заключили договоры уступки прав и обязанностей (цессии) по договору аренды земельного участка от 28.04.07 г. №3/863 и договор уступки прав и обязанностей (цессии) по договору аренды земельного участка от 28.04.07 г. №3/864. Согласно п. 2.1 договоров цессии уступка прав является безвозмездной, в связи с чем истец полагал, что данные договоры являются ничтожными на основании ст. 168 ГК РФ, так как не соответствуют положениям ст. 575 ГК РФ, которой запрещено дарение между коммерческими организациями. По настоящему делу суд не согласился с доводами истца, указав следующее. Из материалов дела следует, что в правоотношениях, возникших между ООО «Росса-К» и Ненашевой И. М. как относительно земельных участков, так и относительно расположенных на них торговых павильонов, ответчик действовала как физическое лицо. В этой связи ссылка истца на нарушение при заключении договоров цессии требований п. 4 ч. 1 ст. 575 ГК РФ несостоятельна, ввиду иного состава субъектного состава лиц в оспариваемых сделках. В соответствии со ст. 572 ГК РФ дарением признается лишь безвозмездная передача имущественного права, либо освобождение от имущественной обязанности. Экономический и правовой смысл дарения заключается в том, что даритель взамен не приобретает никаких экономических (имущественных) выгод, включая экономию, а одаряемый, приняв дар, не предоставляет дарителю никакого встречного экономического (имущественного) возмещения, включая освобождение дарителя от каких-либо имущественных обязанностей, в том числе связанных с принятым в дар имущественным правом. Таким образом, в случае передачи по договору уступки (цессии) только прав пользования земельным участком по договору его аренды без передачи цессионарию обязанностей по арендной плате по тому же договору, то есть при оставлении цедентом за собой имущественной обязанности

уплачивать арендную плату за земельный участок вместо цессионария, такая сделка могла бы быть квалифицирована как дарение. Однако в случае передачи по договору уступки (цессии) прав и обязанностей по договору аренды земельного участка, включающих возложение на цессионария имущественной обязанности уплачивать арендную плату за земельный участок, такая сделка навстречу передаваемому цедентом праву пользования земельным участком освобождает его от имущественной обязанности по арендной плате за этот же земельный участок за счёт цессионария, то есть экономическим и юридическим составом сделки дарения не обладает, поскольку одновременно с передачей (утратой) права цедент получает (приобретает) встречную экономическую (имущественную) выгоду — освобождение от имущественной обязанности уплачивать арендную плату. Такая сделка — «перенаём» прямо предусмотрена действующим гражданским и земельным законодательством, не содержащим условия о возмездности в качестве квалифицирующего признака такой сделки. Таким образом, в рассматриваемом случае, договор уступки (цессии) прав и обязанностей по договору аренды земельного участка является по своей правовой природе договором перенайма земельного участка, по которому передаётся не только право аренды земельного участка, но и все обязанности, обеспечивающие такое право, в том числе, обязанность уплаты арендной платы за арендуемый участок, поэтому не может являться дарением по определению. В иске компании было отказано. [3]

Дарение в форме освобождения от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом нередко соотносят с таким способом прекращения обязательств, как прощение долга. Следует указать на отсутствие единого подхода в решении данного вопроса, как в теории, так и в практике. Дарение в форме освобождения от имущественной обязанности предполагает полное отсутствие встречного удовлетворения, поскольку при наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением и его следует считать притворной сделкой в соответствии с п. 2 ст. 170 ГК РФ. В качестве правового основания проблемы соотношения договора дарения и прощения долга называется достаточно скупое регулирование последнего, а также наличие в норме, посвященной договору дарения, упоминания о возможности освобождения лица от лежащей на нем имущественной обязанности в качестве дара. [4, с. 155] Согласно законодательству, прощение долга выражается в форме освобождения кредитором должника от лежащей на нем имущественной обязанности. В результате, прощение долга становится одним из видов дарения, в этой связи оно должно быть основано на соглашении сторон. Из смысла статьи 154 ГК РФ следует, что для совершения сделки должна быть выражена воля стороны. Более того, исходя из положений статей 415 и 432 ГК РФ, прощение долга считается состоявшимся при определении предмета сделки, то есть размера прощаемой задол-

женности, если предмет сделки определяется в денежном выражении. Суды указывают на то, что дарение в форме освобождения от имущественной обязанности перед дарителем представляет собой ни что иное, как прекращение обязательства путем прощения долга. Так, в одном из решений мирового судьи, оставленном без изменения судом апелляционной инстанции, указано, что задолженность по договору займа была прощена посредством составления договора дарения. [5]

Таким образом, соглашение о прощении долга может быть квалифицировано как договор дарения. Для этого необходимо, чтобы действия кредитора по освобождению должника от возложенных на него обязательств не имели никакого встречного предоставления, т. е. носили безвозмездный характер. Кроме того, такие действия должны явно свидетельствовать о намерении кредитора одарить должника в рамках существующих правоотношений. Вместе с тем, несмотря на явное сходство указанных обязательств, для совершения договора дарения в отличие от прощения долга всегда требуется волеизъявление двух сторон — дарителя и одаряемого, в то время, как прощение долга представляет собой одностороннюю сделку, для совершения которой достаточно волеизъявления одной стороны. [6]

Исходя из материалов судебной практики, следует отметить, что безвозмездность как главный квалифицирующий признак договора дарения не означает, что одаряемый абсолютно свободен от любых имущественных обязанностей. Кроме того, безвозмездность дарения не предполагает его беспричинности, однако во всех случаях мотив (благодарность, ответный дар), как правило, лежит за рамками самого договора дарения и не может влиять на его действительность. Если же мотив включен в содержание договора, т. е. дарение или обещание подарить формально обусловлено совершением каких-либо действий другой стороной, это, как правило, ведет к признанию договора дарения ничтожным. В этой связи, на практике немало споров вызывает довольно распространенная ситуация, связанная с включением в договор условия о сохранении права пользования имуществом за бывшим собственником (дарителем). Такое условие, включается, прежде всего, в договор дарения жилого помещения дарителя, пожелавшего распорядиться им в течение своей жизни, при этом, обезопасив себя сохранив право проживания в нем. Однозначного ответа на вопрос о том, следует ли рассматривать возложение на одаряемого обязанности по сохранению за дарителем права пользования, как встречное предоставление по договору дарения, нет ни в теории, ни в судебной практике. Высказывается предположение, что в данном случае есть риски признания указанного договора притворной сделкой. [7] Схожая позиция, до недавнего времени, отражалась и в судебных постановлениях. Так, в 2009 году Советский районный суд г. Омска, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по иску К. к Ф. о выселении, а также встречному иску Ф. к К. о признании сделок недействи-

тельными, применении последствий недействительности сделок, удовлетворил встречное требование дарителя о признании дарения недействительным, указав следующее. Из материалов дела следует, что сделка дарения Ф. заключалась под условием сохранения права пользования и проживания в спорной квартире, другого жилья Ф. не имел и не имеет. При совершении указанной сделки дарения, судом усматривается встречное обязательство одаряемого К. в виде предоставления дарителю Ф. права проживания в спорном жилом помещении. При наличии встречной передачи вещи или права либо встречного обязательства договор не признается дарением. К такому договору применяются правила, предусмотренные п. 2 ст. 170 ГК РФ. Рассматриваемый договор, по мнению суда, не может быть признан договором дарения. Таким образом, сделка, совершенная между Ф. В. В. и К. С. В. притворна (совершена с целью прикрыть другую сделку, отношения сторон по данному договору сходны с договором пожизненного содержания с иждивением), так как здесь имеет место встречное обязательство одаряемого — предоставить дарителю право пользования жильем после его отчуждения, а также предоставление освобождения от уплаты коммунальных платежей. [8]

Однако, как показал анализ судебных постановлений последних трех лет, наметился определенный единообразный подход в правоприменительной практике, который сводится к следующему. Включение в договор пункта о сохранении права проживания дарителя в жилом помещении является допустимым и не свидетельствует о встречном предоставлении, которое противоречило бы сущности договора дарения. Договор не становится возмездным от встречного предоставления, которое носит символический характер. При этом, право дарителя на проживание в отчуждаемом им по договору дарения жилом помещении может являться встречным предоставлением, если сама по себе передача жилого помещения в дар поставлена в зависимость от этого предоставления. Вместе с тем, стороны могут заключать смешанный договор, когда в одном договоре содержатся элементы двух договоров, а поэтому договор дарения, содержащий спорное условие, не противоречит требованиям действующего законодательства. [9, 10] Таким образом, в настоящее время указание в договоре дарения условия о сохранении за дарителем права безвозмездного пользования и проживания в жилом помещении, судами не признается встречным обязательством, свидетельствующим о возмездном характере сделки. Наличие многочисленных споров, связанных с включением в договор дарения рассматриваемого условия, свидетельствует о необходимости внесения в такой договор ряда уточнений при его заключении. В частности, следует указывать, что после перехода права собственности даритель сохраняет за собой не просто право пользования, а пожизненного проживания в жилом помещении на безвозмездной основе, а также то, что данное право сохраняется и в случае последующей реализации имущества в пользу третьих лиц. Несмотря на то, что суды при толковании

условий договора принимают во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, дополнительные уточнения не позволят полностью избежать судебных разбирательств по данному вопросу. Изменение ситуации видится во внесении изменений в гражданское законодательство. Так, часть 1 ст. 572 ГК РФ следует дополнить абзацем следующего содержания: «Включение в договор дарения жилого помещения условия о сохранении за дарителем права пользования, наделяет дарителя правом пожизненного безвозмездного пользования данным жилым помещением. Право пользования сохраняется за дарителем и в случае смены собственника жилого помещения».

Правоприменительная практика содержит примеры, когда условие о сохранении за дарителем права пользования (проживания) имуществом толкуется заинтересованной стороной как обстоятельство, предусматривающее передачу предмета дарения после смерти дарителя, что противоречит гражданскому законодательству и является основанием для признания договора дарения недействительным. Суды в приведенной ситуации отказывают в исках, указывая на ошибочное толкование истцами данного условия договора дарения. [11]

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что основная масса судебных постановлений по делам, вытекающим из договора дарения, связана с требованием о признании недействительным как самого договора дарения, так и дальнейших сделок с подаренным имуществом. При этом, в качестве истцов выступают не только дарители и одаряемые, но и иные заинтересованные лица, чьи права и законные интересы затрагиваются заключенными сделками — наследники дарителя; лица, рассчитывающие на свое преимущественное право покупки; стороны предварительных договоров, заключенных в отношении подаренного имущества и другие. Лица, не участвующие в договоре, при обращении в суд должны доказать наличие своего материально-правового интереса в удовлетворении иска, указав, какие их права или охраняемые законом интересы нарушены лицами, к которым предъявлен иск, а также каким образом эти права и интересы будут восстановлены в случае реализации избранного способа судебной защиты.

Следует отметить, что не предоставление или отсутствие необходимой совокупности доказательств является основной причиной отказа в удовлетворении заявленных исковых требований. Так, в судебном заседании заинтересованная сторона должна достоверно доказать факты, с которыми закон связывает соответствующие юридические последствия — признание договора недействительным (ничтожным), незаключенным и прочее. Отметим, что из пятнадцати проанализированных дел о признании договора дарения недействительным (незаключенным), лишь четыре требования удовлетворены судом.

В качестве другого распространенного основания отказа в удовлетворении исковых требований по делам, воз-

никающим из договора дарения, является неверно избранный истцом способ защиты нарушенного права. Заинтересованные лица при обращении в суд неверно указывают предмет иска, либо в качестве основания приводят доводы, с которыми норма права не связывает правовые последствия, соответствующие предмету иска. Довольно часто в мотивировочной части судебных решений суды указывают, что в рамках заявленного предмета и основания иска требования истца не подлежат удовлетворению. При этом, исходя из материалов дела, усматриваются нарушения, которые можно устранить, если верно избрать способ защиты, заявив, например, вместо требования о признании договора недействительным, требование о признании его незаключенным, либо об истребовании вещи из чужого незаконного владения (виндикационный иск), либо об отмене дарения.

Несмотря на то, что правило о государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом не подлежит применению к договорам, заключаемым после 01.03.2013 г. [12], число указанных судебных постановлений в 2013–2014 годах остается довольно высоким. Объясняется это тем, что к договорам, заключенным

до внесения изменений в гражданское законодательство, применяются нормы, действовавшие на момент возникновения спорных правоотношений. Так, в судебной практике отсутствует единство в вопросе государственной регистрации договора дарения после смерти дарителя. В судебных постановлениях содержатся противоположные позиции: 1) государственная регистрация договора дарения после смерти дарителя невозможна, даже в случае его нотариального удостоверения, а договор дарения нельзя считать заключенным; 2) факт смерти дарителя в процессе государственной регистрации не является основанием для признания недействительным договора дарения, поскольку, заключив договор, даритель выразил при жизни свою волю на отчуждение принадлежащего ему имущества. Для устранения данного противоречия и обеспечения единообразия судебной практики требуется разъяснение Пленума Верховного суда РФ. Кроме того, представляется целесообразным, в соответствии с вступившими в силу изменениями гражданского законодательства в части государственной регистрации сделок с недвижимым имуществом исключить ч. 3 из статьи 574 ГК РФ, указав на утрату ее силы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 21.07.2014 г. № 224-ФЗ) [Электронный ресурс]/СПС «Консультант плюс»
2. Евангелевская, Л. В. Уступка права требования (цессия) как скрытая форма дарения // Л. В. Евангелевская // Закония. — 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nauka.zakonia.ru/?p=68>
3. Решение Дзержинский районный суд г. Волгограда (Волгоградская область) от 25 сентября 2012 г. по делу № 2–4318\2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>
4. Матвиенко, С. В. Прощение долга и договор дарения: проблемные вопросы правоприменения // С. В. Матвиенко // Закон. — 2012. — № 11. — с. 155–156
5. Апелляционное определение Благодарненского районного суда (Ставропольский край) по делу № 11–30/2010 от 19 октября 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>
6. Эрделевский, А. Прощение долга и договор дарения // А. Эрделевский, 2000 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_1985.html
7. Музыченко, С. Договор дарения часто используется в незаконных целях // С. Музыченко // Жилищное право. — № 3. — 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.top-personal.ru/estatelawissue.html?324>
8. Решение Советского районного суда г. Омска от 24.06.2009 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://sovetsky.oms.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=516
9. Определение Приморского краевого суда (Приморский край) по делу № 33–9690/2013 от 19 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>
10. Решение Советского районного суда г. Владивостока (Приморский край) № 2–343/2014 от 22 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>
11. Определение Пензенского областного суда (Пензенская область) по делу № 33–2098 от 13 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/>
12. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2012 № 302-ФЗ (в ред. от 04.03.2013 № 21-ФЗ) [Электронный ресурс]/СПС «Консультант плюс»

Место иджтихада в мусульманском праве

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

Мусульманское право имеет богатую историю, тесно связанную с решением противоречий, возникавших при применении коранических норм в реальной жизни [1]. Подобные коллизии возникали и возникают и в европейском праве, где они известны как противоречия между естественным и позитивным правом [2].

Известно, что корни мусульманского права находятся в Коране. Однако Коран не дает прямых ответов на многочисленные вопросы, возникающие в повседневной жизни верующих. Уже при жизни Мухаммада возникает проблема соотношения коранических предписаний с традиционными нормами жизни арабских племен — адатом, т. е. обычным правом. К примеру, Коран, в отличие от Торы, никак не оценивает принятую среди многих семитских народов традицию обрезания мальчиков, а с кончиной Мухаммада остро встал вопрос о праве наследования власти в государстве и в религиозной сфере, на который Коран не давал ясного ответа, что и привело к первому расколу в исламе — появлению шиизма и суннизма. Проблемы обострились в связи с расширением географических границ ислама: принявшие ислам новые народы жили до этого по нормам обычного права, зачастую не совпадающими с законами жизни мусульман.

В конечном счете, возникшие правовые проблемы привели к зарождению такой формы законотворчества, как вывод новых норм из коранических предписаний. Большинство существующих ныне норм мусульманского права возникли именно таким путем: они являются производными от отдельных положений Корана. Такая практика исходила от самого Мухаммада, который, став главой первого исламского государства, принимал политические и правовые решения, руководствуясь не только буквой, но и духом Священного писания. Благодаря этой практике складывается второй по значимости источник мусульманского права — Сунна. В исламе Сунна рассматривается в качестве толкования Корана, принадлежащего посланнику Бога Мухаммаду [3]. О необходимости такого толкования говорит сам Бог: «И послали мы тебе (Мухаммаду — Р. Р.) упоминание, чтобы ты разъяснил людям, что им ниспослано — может быть, они подумают!» [4]. Но Сунна в значительной своей части содержит не столько толкования Корана Мухаммадом, сколько описания его действий в тех или иных жизненных ситуациях, а также рекомендации, которые он давал единоверцам. Микротемами Сунны являются хадисы (в шиитском исламе их называют хабарами) — переданные родственниками и сподвижниками Мухаммада слова и примеры из его жизни. Поскольку Мухаммад в исламе считается личностным образцом, его слова и поступки рассматриваются в качестве важных норм жизни мусульман. Эти нормы называются

«суннат», а их отличие от коранических норм (фарза) заключается в том, что их выполнение поощряется, а невыполнение не наказывается. Они желательны, но не обязательны. Но это вовсе не означает, что они не имеют отношения к праву: генезис исламских правовых норм происходит под их сильным влиянием.

Таким образом, уже появление Сунны как источника права, дает основание говорить о возможности творения закона человеком (заметим, что субъектом коранических норм является Бог). Получается, что автором норм Сунны является Мухаммад, который по своему разумению истолковывал кораническое предписание и применял его для разрешения той или иной ситуации. Со смертью Мухаммада количество субъектов правотворчества начинает расти. С одной стороны, появляется проблема истолкования самих хадисов, проверки их подлинности. Указанная проблема порождает новую богословскую дисциплину — хадисоведение [5]. С другой стороны, возникает такой источник права как фетвы (фатвы) — богословско-правовые заключения, сделанные авторитетными учеными для разъяснения и применения какого-либо религиозного предписания, включая и религиозно-правовые нормы. Заметим, что этот источник права актуален и сейчас, когда возникают ситуации, неизвестные средневековым богословам и правоведам, создавшим, казалось бы, полную и незыблемую систему права (речь идет о таких явлениях, как донорство спермы, эвтаназия, трансплантация органов, клонирование и т. п., которые не были известны в средневековом исламе). Во всех перечисленных случаях имеет место или истолкование коранических предписаний или же комментарии к их истолкованию — «истолкование истолкования». Сам процесс вывода новых норм из имеющихся получил название «иджтихад».

Слово «иджтихад» происходит из того же корня, что и слово «джихад» и переводится с арабского как усердие, большое старание, прилежание, настойчивость. В энциклопедическом словаре по исламу иджтихад толкуется как «деятельность богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых им при этом исследовании, а также степень авторитетности самого ученого (муджтахид) в знании, интерпретации и комментировании богословско-правовых источников» [6, с. 91]. Статья из этого авторитетного источника позволяет делать вывод, что под иджтихадом понимается и определенный вид деятельности, и оценка личности того, кто этой деятельностью занимается. В текстах по мусульманскому праву в основном речь идет об иджтихаде в первом его значении. В нашей статье

мы также будем придерживаться такого понимания иджтихада.

В исламском праве считается, что в Коране и в его толковании Мухаммадом — Сунне — имплицитно содержится решение любого правового вопроса. Проблема лишь в том, как его оттуда извлечь. Поскольку этим занимается человек, то, в первую очередь, это зависит от его личностных качеств. В связи с этим возникает потребность в разработке критериев оценки личности субъекта иджтихада. Современный богослов Юсуф аль-Кардави замечает, что «недопустимо оставлять положение дел таким, когда каждый желающий имел бы доступ к иджтихаду, ибо это приведет к анархии и смуте» [7, с. 67]. Человека, занимающегося иджтихадом, в исламе называют муджтахидом. Это «ученый-богослов, имеющий право выносить самостоятельные решения по важным вопросам фикха (*права — P. P.*)» [6, с. 168]. К нему предъявляются следующие требования:

1. Хорошие знания арабского языка и всех его грамматических и лексических особенностей. Это связано с тем, что Коран, Сунна и другие важные исламские источники написаны на арабском языке. Поэтому для их адекватного толкования требуется очень хорошее знание этого языка.

2. Знание Корана наизусть.

3. Знание обстоятельств появления всех сур (*глав — P. P.*) и аятов (*стихов — P. P.*) Корана. Знание того, как понимали Коран сподвижники Мухаммада и как они выполняли коранические предписания. Также муджтахид должен быть знаком со всеми имеющимися толкованиями Корана (тафсирами).

4. Хорошее знание Сунны и имеющихся комментариев к хадисам, цепочку имен передатчиков каждого хадиса (иснад), степень надежности каждого передатчика в этой цепочке. Он также должен знать обстоятельства появления каждого хадиса, уметь согласовывать между собой внешне противоречащие друг другу хадисы.

5. Знание обстоятельств появления не вызывающих и вызывающих сомнения мусульманского сообщества юридических норм и предписаний.

6. Владение методикой интерпретации источников права и правовых документов.

7. Умение критично оценивать и ясно излагать полученные выводы.

8. Соблюдение всех норм шариата, преданность исламу.

Таковыми качествами обладал сам Мухаммад и его сподвижники — ансары (числом примерно сорок человек), а также основатели религиозно-правовых школ (мазхабов). Но как быть с остальными муджтахидами?

Существует мнение, что в суннитском исламе «ворота иджтихада» закрылись еще в XI веке, поэтому потребность в муджтахиде исчезла. Это объясняют тем, что основы права были в достаточной мере разработаны в мазхабах, и теперь свобода правоведа заключается лишь в выборе того варианта решения, который имеется

в том или ином мазхабе. Поэтому иджтихад должен уступить место таклибу — подражанию известному в истории права решению, т. е. прецеденту. Однако сторонники ханбалитского мазхаба, принадлежащего к суннизму, а также последователи шиитского ислама так не считают. Они полагают, что иджтихад, возникший еще во времена Мухаммада, актуален всегда. При этом ссылаются на случай, имевший место в исламе, когда Мухаммад инструктировал своего сподвижника Муазу ибн Джабала назначенного на должность наместника в Йемене. Он спросил его: «Что ты предпримешь, если будешь решать возникший перед тобой вопрос?». Муаз ответил: «Приму решение согласно Корану». «А если там не найдешь ответа?» — спросил Мухаммад. «Буду руководствоваться Сунной» — ответил Муаз. «А если и там нет ответа?» — продолжил Мухаммад. «Тогда вынесу решение по собственному усмотрению» — сказал Муаз. Услышав этот ответ, Мухаммад положил руку на грудь Муазу и произнес: «Слава Аллаху, наставившего моего сподвижника на истинный путь».

Думается, сторонники «открытия ворот» иджтихада правы: современные мусульмане живут в условиях кардинальных изменений в области экономической, политической, научной, социальной и духовной жизни, породивших потребность их осмысления и нормативного регулирования. А это невозможно без «открытия ворот» иджтихада. В пользу этого утверждения говорит и существование в столице суннитского ислама — Мекке — исламской академии правоведения, в работе которой участвуют известные исламские правоведы. Решения, принимаемые Советом этого учреждения, основываются на иджтихадах этих ученых-правоведов.

Если ныне и можно говорить о «закрытии ворот» иджтихада, то это касается лишь запрета на изменения выработанных в «золотой век» развития мусульманского права требований к муджтахиду и к методологии иджтихада: если их игнорировать, то такую законотворческую деятельность нельзя называть иджтихадом. Например, таким важным требованием является соблюдение границ иджтихада: его предметом не могут быть основания веры и вопросы, на которые существуют ясные ответы в Коране и Сунне. Т. е. муджтахид не должен заниматься вопросами правомерности или неправомерности пятикратной молитвы, поста, признания единства Бога, кражи, убийства, обмана, прелюбодеяния т.п. Предметом иджтихада были и остаются два вида феноменов: а) до конца не отрегулированные предшественниками проблемы права, имеющие разные толкования. К ним, например, относится проблема предопределения и её правовые последствия: если все определяется Богом (коранический тезис), то возникает вопрос о допустимости наказания за преступление; б) никак не отраженные в Коране и Сунне новые явления, имеющие правовой характер. Ныне, например, к ним относятся отключение врачом прибора, поддерживающего жизнь безнадежного больного или нарушение правил перевозки грузов, ставшее причиной ДТП.

Незыблемой осталась и методология иджтихада. Муджтахид при принятии решения прежде всего должен ориентироваться на предписания Корана и Сунны: по вопросам, прямо урегулированным Кораном или Сунной, права на иджтихад никто не имеет. После Корана и Сунны следуют нормы, исходящие от ансаров, затем — доктрины основателей мазхабов и иджма (единодушное мнение авторитетных богословов по тому или иному вопросу). При этом основными методами получения выводного знания выступают дедукция и аналогия (кийас). Правда, кийас, как способ решения правовой коллизии,

признают не все исламские правоведы: в религиозно-правовой школе ханбалитов его не считают приемлемым средством правового решения. Некоторые муджтахиды относят кийас к источникам права, а некоторые — нет [8, с. 118–119]. Думается, кийас как метод иджтихада можно применять, но при этом нужно помнить, что аналогия позволяет сделать только вероятностные выводы, ибо абсолютно тождественных ситуаций не бывает [9, с. 139–143]. Отсюда следует, что при иджтихаде кийас должен быть дополнен другими методами вывода нового предписания.

Литература:

1. Рахматуллин, Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4 (43).
2. Рахматуллин, Р. Ю. Естественное и позитивное право как единство противоположностей // Молодой ученый. 2013. № 12 (59).
3. Рахматуллин, Р. Ю. Мусульманские правовые школы суннитского толка // Правовое государство: Теория и практика. 2009. № 16.
4. Коран. 16: 44.
5. Бёртон Дж. Мусульманское предание: Введение в хадисоведение. СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2006.
6. Ал-иджтихад // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
7. Аль-Кардави, Ю. Современный иджтихад: от беспорядка к порядку. Казань: Иман, 2001.
8. Мамиргов, М. З. Книга исламских сект и вероучений. М.: Телевидеокомпания «Исламский Мир», 2007.
9. Рахматуллин, Р. Ю., Исаев А. А., Линкевич А. Е. Логика: учебное пособие. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010.

К вопросу о соотношении понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура»

Солдатова Ольга Евгеньевна, аспирант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Вопрос о материальном и процессуальном праве, как структурных подразделениях системы права, их содержании, сходстве и различии в настоящее время не утратил своей актуальности. В контексте соотношения материальных и процессуальных правовых норм необходимо обратить внимание и на соотношение понятий «процесс» и «процедура».

В настоящее время в юридической литературе по вопросу соотношения правовых категорий «процесс» и «процедура» сложилось немало учений и концепций, однако, для того, чтобы правильно соотнести указанные категории, полагаем необходимым рассмотреть понятие и основные признаки «процесса» и «процедуры».

Определяя филологическое значение понятий «процесс» и «процедура», данные толковых словарей под процессом понимают — ход, развитие (включая последовательную смену состояний) какого-либо явления, под процедурой — официальный порядок поведения [1, с. 89].

Процесс — (от лат *processus* — продвижение) представляет собой порядок рассмотрения дел в суде или административном органе, судопроизводство, судебное дело. С точки зрения философии процесс — прохождение, продвижение — закономерное, последовательное изменение явления, его переход в другое явление.

Процедура (от лат. — обеспечивать продвижение чего-либо, установленный порядок) как общесоциальное явление представляет собой систему, которая: а) ориентирована на достижение конкретного социального результата; б) состоит из последовательно сменяющихся друг друга актов поведения, ступеней деятельности; в) создает модель развития, движения какого-либо явления, закрепляемую на нормативном уровне; г) иерархически построена; д) находится в динамике, развитии; е) имеет сложный характер.

Характеризуя признаки юридического процесса, В. М. Горшенев указывал, что юридический процесс: 1) это рассмотрение определенного юридического дела,

то есть такого обстоятельства, которое бы рассматривалось по закону, а его последствия реализуются во имя исполнения закона; 2) это деятельность по совершенствованию операций с нормами права; 3) это правовая форма деятельности уполномоченных на то органов и должностных лиц; 4) это деятельность, результаты которой обязательно оформляются в соответствующих процессуальных документах; 5) это деятельность, которая вызывает объективную потребность в процедурно-процессуальной регламентации; 6) это деятельность, которая непосредственно связана с необходимостью использования методов и средств юридической техники [2, с. 101].

В научной литературе выделяются следующие характерные черты, присущие юридической (правовой) процедуре как специфическому правовому явлению: 1. Правовая процедура — это особая процедура, которая четко изложена и закреплена в законах и подзаконных нормативных актах. 2. Правовая процедура представляет собой нормативно установленный порядок осуществления юридической деятельности. 3. Нормативный режим правовых процедур предполагает их охрану от нарушений правовыми санкциями, представляющими собой вид и меру юридической ответственности. 4. Процедура в праве имеет ориентирующее значение для достижения определенной правовой цели, тем самым гарантируя правомерность и результативность юридической деятельности [3, с. 19].

В юридической литературе по вопросу соотношения понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура» сложились три основные научные позиции.

Согласно первой из них юридический процесс и юридическая процедура сопоставляются как синонимичные категории, второй — юридическая процедура рассматривается в более широком значении, и, согласно, третьей — юридический процесс с точки зрения объема содержательного наполнения превалирует по отношению к юридической процедуре.

Согласно первой из названных правовых позиций, процесс и процедура отождествляются в праве (по крайней мере с точки зрения практического значения). Представители данного подхода рассматривают оба понятия без разграничения смысловой нагрузки в отношении одних и тех же явлений.

Так, отдельные сторонники широкого понимания юридического процесса (В.М. Горшенев, А.И. Ким, Ю.И. Мельников, П.Е. Недбайло, В.С. Основин и др.) иногда отождествляют процесс и процедуру и доводят юридический процесс до границ всякого правоприменения, однако некоторые последователи юрисдикционной концепции юридического процесса понимают под процессом урегулированный правом порядок юрисдикционной деятельности, а правовой процедурой предлагают именовать процесс в широком его понимании, то есть дают понять, что, по сравнению с процессом, процедура — юридическая деятельность иного уровня. Используя близость значений процесса и они приходят к выводу о том, что любые формы упорядоченности, закреплённой правом

последовательности совершаемых действий можно именовать процессуальными. Указанными авторами отстаивалась точка зрения о существовании «единой процессуальной формы», процессуального права, нормы которого регулируют отношения не только в области юрисдикционной, но и при рассмотрении государственными органами и должностными лицами разнообразных дел положительного характера.

Ярким представителем, поддерживающим данную концепцию, следует назвать Лучина В.О., который полагает, что «процесс» практически равнозначен «процедуре» и между ними невозможно провести какую-нибудь раздельную грань» [4, с. 20].

Ю.И. Мельников также уравнивал процесс и процедуру, указывая, что «процесс «и «процедура» являются понятиями юридическими, определяющими порядок деятельности по применению норм материального права, следовательно и «процесс» должен быть практически тождественен, то есть равнозначен процедуре [5, с. 19].

Отождествление двух представленных категорий, на наш взгляд, не представляется правильным и адекватным, исходя из их отличительных черт и этимологии слов «процесс» и «процедура».

Согласно второму подходу юридический процесс выступает разновидностью процедуры. По мнению Е.И. Бутенко, процесс представляет собой особую разновидность юридической процедуры, рассчитанную на борьбу с правовыми аномалиями, экстраординарными юридическими явлениями, возникающими в результате нарушения субъектами прав других лиц и неисполнения возложенных на них обязанностей [7].

Согласно третьему подходу, и на наш взгляд более адекватному, понятие процесс по своей широте превалирует над процедурой, и, соответственно, процедура рассматривается в качестве части процесса.

Юридическая процедура не совпадает с понятием юридического процесса, даже в широкой трактовке последнего [8, с. 18]. Широкая трактовка юридического процесса предполагает объединение законодательно обособленных процессуальных норм и норм материальной процедуры.

Так, сторонники «широкого» подхода относят к процессу наряду с юрисдикционной деятельностью и позитивную деятельность управленческих органов, не связанных с наличием спора о праве. По существу данная трактовка основывается на представлении о том, что процесс состоит из совокупности процедур и по отношению к последним является наиболее общим понятием. Смысл данного подхода состоит в том, что деятельность органов управления сводится к двум основным правовым формам, в рамках которых она реализуется — к нормотворчеству и правоприменению. А.Г. Пауль трактует юридическую процедуру как такой структурный элемент (компонент, часть) одноименного процесса, который представляет собой совокупность процессуальных правовых отношений, выделяемых в рамках какого-либо определенного корреспондирующего производства на основании специфики «материн-

ских» материальных правовых нормативных установлений и отношений [9, с. 32]. Отрицательным аспектом данного похода является то, что процедура связывается с сектором процессуального права и выходит за пределы материально-структурного элемента системы права.

В отечественном правоведении сложился «широкий» и «узкий» подходы к пониманию юридического процесса.

Сущность «широкого» подхода юридического процесса заключается в том, что функция процессуального права не ограничивается только регламентацией принуждения и разрешения гражданско-правовых споров, что помимо уголовного и гражданского процессов в системе материальных отраслей права имеются многочисленные процессуальные нормы и институты, на основе которых осуществляется деятельность по применению материально-правовых норм любых отраслей.

Сторонники «узкого» подхода ограничивают процесс либо только судебной деятельностью, либо включают в него все виды (юрисдикционной) правоохранительной деятельности независимо от того, каким образом она осуществляется.

Среди высказанных в литературе подходов к вопросу о соотношении понятий «процесс» и «процедура» не нашла отражения позиция, согласно которой процедура могла бы предшествовать процессу. Так, в качестве примера могут быть представлены предварительные обеспечительные меры в арбитражном процессе. На основании статьи 99 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд по заявлению организации или гражданина вправе принять предварительные обеспечительные меры, направленные на обеспечение имущественных интересов заявителя до предъявления иска. Заявление об обеспечении имущественных интересов до предъявления исковых требований по существу может быть подано в арбитражный суд по месту нахождения заявителя, по месту нарушения его прав, а также по месту нахождения денежных средств или иного имущества, в отношении которых заявитель ходатайствует о принятии обеспечительных мер. В случае подачи заявителем искового заявления, обеспечительные меры продолжают действовать как меры по обеспечению иска. Арбитражный суд вправе заменить предварительные обеспечительные меры встречным обеспечением ответчика. Таким образом, процедура подачи в суд заявления о принятии предварительных обеспечительных мер в данном случае будет предшествовать принятию основного искового заявления к производству и рассмотрению дела по существу [10].

На основании сказанного можно выявить сходство юридического процесса и процедуры, которое заключается в том, что и первый и вторая представлены в виде уста-

новленной в правовых нормах последовательности смены фаз развития. Между юридическим процессом и правовой процедурой существует ряд отличий: 1) Процедура осуществляется как непосредственно, так и опосредованно. Процесс только опосредованно; 2) Процедурные нормы могут закрепляться как на нормативном, так и на индивидуальном уровне. Процессуальные нормы, напротив, могут закрепляться только в централизованном, как правило, законодательном порядке. Более того, для юридического процесса характерна более детальная регламентация последовательности протекания. 3) Юридический процесс, в отличие от процедуры, регламентирован императивными правовыми нормами, тогда как процедура определяется чаще всего диспозитивными нормами; 4) Правовая процедура может осуществляться каждым дееспособным субъектом права. Юридический процесс осуществляется специально уполномоченными субъектами, которые обладают особым правовым положением.

Юридический процесс выступает как высшая степень конкретизации правовой процедуры, а процедурно-процессуальный механизм права включает в себя: правовые процедуры и юридический процесс. Однако, в данном случае правовые процедуры выступают более широкой по объему своего логического содержания категорией и включают в себя юридический процесс в качестве особого элемента, что не является верным. Безусловно, как для юридического процесса, так и для процедуры характерны порядок и последовательность действий, но присутствие в обеих категориях алгоритма действий не означает включения в состав процедуры юридического процесса.

Высказанные в теории права подходы к соотношению понятий «процесс» и «процедура» имеют право на самостоятельное существование. Думается, что юридический процесс необходимо относить к целому, а процедуру только лишь к «включенному» в него действию или бездействию (к элементу целого). Процедура обслуживает юридический процесс, осуществляет его организационное обеспечение. Без императивных начал юридической процедуры процесс не сможет достичь своих целей.

Подводя итог, отметим, что юридический процесс представляет собой дальнейшее развитие правоотношения, не нашедшего окончательного урегулирования в рамках процедуры и осуществляется реализацией процессуальных норм права, которые вступают в действие только в тех случаях, когда применением норма процедурного характера не приносит необходимого правового результата. Понятие юридического процесса в соотношении с юридической процедурой представляется более объемным. Оно охватывает не только официальные, но и иные срезы правовых явлений, в том числе такие, что не исключают наличия материального компонента.

Литература:

1. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV. с. 89; Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 18. М., 1986. с. 585.

2. Горшенев, В. М. Теория юридического процесса/В. М. Горшенев. — М.: Юрид. лит., 1985. — 179 с.
3. Николина, К. В. Юридична процедура: поняття, ознаки, види, місце в системі правових категорій: автореф. дис... канд. юрид. наук/К. В. Николина. — К.: Б. в., 2011. — 19 с.
4. Лучин, В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. с. 25.
5. Мельников, Ю. И. Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе. автореф. дисер. к. ю. н. — М., 1976. — 22 с.
6. Е. И. Бутенко О соотношении понятий «процедура» и «процесс» на современном этапе развития юридической науки (статья) Право третьего тысячелетия. Материалы I Международной заочной научно-практич. конф. студентов и аспирантов (17 апр. 2009 г., г. Ставрополь). Вып. I. Ставрополь, 2009. с. 57–61.
7. Лукьянова, Е. Г. Теория процессуального права. — М.: Изд. НОРМА, 2003. — 240 с
8. Горшенев, В. М. Процессуальная форма и ее назначение в советском праве/В. М. Горшенев // Советское государство и право. — 1973. — № 12. — с. 18–24.
9. Пауль, А. Г. Процессуальные нормы бюджетного права/Под ред. М. В. Карасевой. СПб., 2003. — 208 с.
10. Арбитражный процессуальный кодекс РФ: закон Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп. на 15.01.2010) // Собр. законодательства (далее СЗ РФ). — 29.07.2002. — № 30. — Ст. 3012.

Некоторые подходы к выделению оснований классификации юридического процесса

Солдатова Ольга Евгеньевна, аспирант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Юридический процесс как правовая категория представляет собой динамическую систему последовательно совершаемых процессуально-правовых действий, совершаемых субъектами права и направленных на достижение конкретного юридически значимого результата. Важным вопросом к пониманию данной категории служит рассмотрение классификации юридического процесса. Необходимо отметить, что любые классификации всегда является условными и относительными.

В юридической науке проблема классификации процесса впервые была сформулирована в дореволюционных трудах И. Я. Фойницкого, Н. Н. Розина, П. И. Люблинского и других ученых [1, с. 150]. С девяностых годов двадцатого века о типах и формах процесса активно отстаивается идея состязательности, появляются специальные исследования состязательной формы и типа процесса. Однако работой, которая охватила полностью эту проблему стала докторская диссертация А. В. Смирнова, результаты которой увидели свет в двух монографиях: «Модели уголовного процесса» [2, с. 210] и «Состязательный процесс» [3, с. 51]. С помощью данных работ были систематизированы все разновидности юридического процесса.

Рассмотрим основные классификации юридического процесса.

На наш взгляд, применима классификация процессов на легальные и иные юридические процессы. Легальный юридический процесс отвечает требованиям законности, то есть урегулирован нормами права, закреплен в нормативно-правовом акте. Так, статья 41 ГПК РФ закрепляет право истца на стадии подготовки дела или во время су-

дебного разбирательства в суде первой инстанции ходатайствовать о замене ненадлежащего ответчика [4].

Иные юридические процессы не находят своего отражения в законе. В качестве примера может служить закрепленный в статье 5 Гражданского кодекса Российской Федерации обычай (обычай делового оборота), под которым следует понимать сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности правило поведения [5], то есть достаточно определенное в своем содержании, широко применяемое (например, традиции исполнения тех или иных обязательств и т. п.), не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе (опубликовано в печати, изложено во вступившем в законную силу решении суда по конкретному делу, содержащему сходные обстоятельства, и т. п.).

Обычаи широко используются во внешнеторговом обороте. До принятия Гражданского кодекса Российской Федерации это объяснялось в значительной мере тем, что прямые отсылки к ним включали акты, регулирующие порядок разрешения внешнеторговых споров, а также некоторые другие международные акты.

Так, ст. 9 Конвенции ООН о договорах международной купли — продажи товаров предусматривает связанность сторон с любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой отношений, которые они установили в своих взаимных отношениях. Не ограничиваясь этим, Конвенция устанавливает: «При отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая,

о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли» [6].

Также в качестве примера могут служить преддоговорной процесс, процесс единоличного принятия решения с предварительными согласованиями или без таковых. Так, стороны могут урегулировать возникший процесс во время переговоров, подписать международное соглашение или хозяйственный договор с предшествующим преддоговорным процессом.

В литературе интересной является позиция по вопросу об отнесении судебной процедуры примирения к процессуальному институту. Так, Дегтярев С.Л. указывает, что «мировое соглашение представляет собой договор сторон о прекращении производства по делу в суде...» [7, с. 28], однако упоминает о том, что договор включает в себя «определенные условия», каковыми являются и материально-правовыми обязательствами сторон. Данные обязательства могут быть определены сторонами, но в соответствии с ГК РФ и иными законами, должны соответствовать материально-правовым нормам законодательства. С точки зрения гражданского законодательства, они могут быть новацией, прекращением обязательств, прощением долга и т. п.

Классифицируя юридический процесс на легальный и иной следует затронуть институт медиации, как один из методов взаимовыгодного разрешения конфликта при содействии третьей незаинтересованной и независимой стороны (медиатора).

В Российской Федерации Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» был принят в июле 2010 года и вступил в силу с 1 января 2011 года. В законе дано определение медиации, сфера ее применения, порядок проведения процедуры медиации, порядок заключения соглашения о проведении процедуры медиации и медиативного соглашения, а также разрешен ряд других вопросов. Медиация — новый элемент предпринимательских, корпоративных, семейных, жилищных и иных отношений, тем или иным образом затрагивающих всех граждан и юридических лиц. В отличие от западных стран (где процедура медиации достаточно распространена и эффективна) в России мало кто прибегает к помощи независимых посредников, предпочитая судебное рассмотрение спора.

Существенное различие между медиацией и другими видами посредничества заключается в том, что посредники часто обладают экспертными знаниями в области, являющейся предметом спора (конфликта). В некоторых видах споров посредник обязан предоставлять правовую информацию. Это помогает заключать сторонам любое соглашение в соответствии с нормативными рамками, регулирующими предмет спора, поэтому согласительная процедура может включать в себя консультативный аспект.

Дискуссия по вопросу правовой природы мирового соглашения имеет истоки в дореволюционной юридической литературе. Ранее выделялось два вида мировой сделки: внесудебная и судебная. Внесудебная мировая сделка регулировалась гражданским законодательством и рассматривалась как гражданско-правовой договор. Судебная мировая сделка регулировалась гражданским процессуальным законодательством и выступала как особое процессуальное отношение. Большинство дореволюционных юристов рассматривали ее как совокупность гражданско-правовых и процессуальных элементов. При этом если сравнивать соотношение этих элементов, то гораздо больший удельный вес имеют материальные компоненты.

Принципиально важным является деление юридических процессов в зависимости от органа, который их осуществляет на: судебные и несудебные. Правосудие в Российской Федерации осуществляется судами Конституционными и уставными; судами общей юрисдикции и арбитражными.

Юридические процессы можно систематизировать в зависимости от отраслевой принадлежности. В системе российского права есть две процессуальные отрасли: гражданское процессуальное и уголовно-процессуальное право, регулирующие соответственно гражданское судопроизводство и предварительное расследование и судопроизводство по уголовным делам. Существует также производство по административным делам, связанным с применением мер юридической ответственности, мер пресечения, предупредительных и иных мер государственного принуждения.

В отечественной юридической науке высказано мнение о том, что формируется новая отрасль — административное процессуальное право. С этим следует согласиться, если учесть, что совершенствование процессуального законодательства укрепляет правовые основы деятельности должностных лиц и органов Российского государства, способствует формированию административной юрисдикции. Таким образом, по отраслевому признаку выделяются гражданский, уголовный и административный процесс.

По признаку субъекта властной деятельности можно выделить процессы: 1) непосредственной власти народом (посредством голосования при выборах Президента, депутатов, проведения референдумов); 2) представительной властью (правотворческие, бюджетные и другие процессы); 3) исполнительной государственной властью; 4) судебной государственной властью; 5) муниципальной властью.

По объему процессуальной деятельности процессы следует выделять следующие производства: упрощенные, обычные (в частности, гражданское судопроизводство); особые (суд присяжных).

Принципиально важным является деление юридических процессов в зависимости от органа, который их осуществляет на судебные и несудебные, по предметному

содержанию юридические процессы делятся на: правотворческий и правоприменительный юридический процесс. В свою очередь правоприменительный юридический процесс складывается из юрисдикционного процесса и неюрисдикционного процесса.

Правотворческий процесс представляет собой организационно оформленную, установленную процедурную деятельность компетентных органов государства по подготовке, обсуждению, утверждению и опубликованию нормативных актов.

Правоприменительный процесс представляет собой часть вид правовой материальной процедуры по реализации позитивного применения права.

При классификации юридического процесса на юрисдикционный и неюрисдикционный виды, важным является понимание термина «юрисдикция», как лежащего в основании деления. В большинстве случаев термин используется в значении «судебная деятельность по рассмотрению дел». Однако, при всей «традиционности», представляется, что единства в понимании значения правового понятия «юрисдикция» до сих пор нет. Термин «юрисдикция» употребляется в юриспруденции двояко. В широком понимании — это понятие, описывающее круг любых полномочий какого-либо органа (а не только суда). В более узком смысле он понимается и широко применяется, в частности в общепроцессуальной теории, как термин, определяющий круг полномочий суда или административного органа по разрешению какого-либо правового спора.

Так, С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова определяют юрисдикцию — как правомочие производить суд, решать правовые вопросы [8, с. 895]. Похожее определение содержится и в энциклопедических изданиях: там «юрисдикция» определяется как круг полномочий судебного или административного органа по правовой оценке конкретных фактов, в том числе по разрешению споров и по применению предусмотренных законом санкций. Другими словами, во-первых, в такой интерпретации главным «квалифицирующим» юрисдикцию признаком является не действующий орган, а существо производимого действия. И, во-вторых, эта «юрисдикционная» деятельность не ограничивается решением какого-либо правового спора, что в соответствии с представленными определениями представляет лишь частный случай ее.

Отсутствует однозначность понимания и в иных словарях. А. П. Шергин пишет: «Юрисдикция чаще всего отождествляется с судопроизводством, правосудием...; с подведомственностью, подсудностью разрешаемых дел; с полномочиями разрешать дела и применять санкции. Наконец, данным термином обозначается система соответствующих юрисдикционных органов» [9, с. 9]. Важным выводом автора приведенного мнения является невозможность сведения исследуемого понятия ни к правосудию, ни к судебной деятельности, поскольку «подобная конструкция означала бы «pars pro toto» — рассмотрение части вместо целого» [10, с. 11].

А. А. Павлушина наряду с понятием «юрисдикция» рассматривает категорию «спор», полагая, что рассмотрение правового спора — есть всегда юрисдикционная деятельность, юрисдикционный процесс.

Так, по ее мнению, «юрисдикция» и «спор» представляют собой два самостоятельных, различных по содержанию признака видовой классификации юридического процесса. Процедуры рассмотрения спора могут присутствовать и в частном правореализационном процессе, и быть представлены как различными способами самостоятельного разрешения спора, так и разрешением его (участием в разрешении) третьим органом без властных (юрисдикционных) полномочий [11, с. 53].

Таким образом, рассмотрев различные классификации юридического процесса следует отметить, что виды юридических процессов — сложные, недостаточно изученные общеправовые явления, которые с одной стороны, едины по своей природе, а, с другой, их можно классифицировать по ряду оснований: 1) по отраслевой принадлежности на: административные, гражданские и т.п.; 2) по предметному содержанию на: правотворческие, правоприменительные, юрисдикционные; 3) по признаку субъекта властной деятельности выделяются процессы осуществления: а) непосредственной власти народом (посредством голосования, проведения референдумов); б) представительной властью (правотворческие, бюджетные и другие процессы); 4) по объему процессуальной деятельности на: упрощенные, ускоренные; обычные; особые (суд присяжных). Принципиально важным является деление юридических процессов на легальные и иные виды процесса, в зависимости от органа, который их осуществляет на судебные и несудебные.

Литература:

1. Уголовный процесс: учебник/А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова: КНОРУС, 2008. — 704 с.
2. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса/А. В. Смирнов. — СПб.: «Наука», ООО «Издательство «Альфа»», 2000. — 224 с.
3. Смирнов, А. В. Состязательный процесс/А. В. Смирнов. — СПб.: Альфа, 2001. 320 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: закон Российской Федерации от 14.11.2002 года № 138-ФЗ (с изм. и доп. на 05.03.2010)// СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

6. Венская Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий./Отв. ред. А. С. Комаров М., 1994
7. Арбитражный процесс: Учебник/Отв. ред. проф. В. В. Ярков — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2003.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 3-е изд./С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1996. — с. 903.
9. Шергин, А. П. Административная юрисдикция/А. П. Шергин. — М., 1979. — 144 с.
10. Шергин, А. П. Административная юрисдикция/А. П. Шергин. — М., 1979. — 144 с.
11. Павлушина, А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития/А. А. Павлушина. — Самара: Изд-во Самар. гос. экон. акад., 2005. — 478 с.

Исторические этапы развития Чечни в составе Российской Федерации

Хадисов Сайхан Вахаевич, студент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье рассматривается историко-культурный аспект вхождения Чечни в состав Российской империи, существования в составе Советской России, Российской Федерации: основные этапы данного процесса. Исследуются ключевые проблемы, без разрешения которых невозможно эффективное взаимодействие различных народов и прогрессивное сосуществование их в рамках единого государства.

Ключевые слова: Кавказская война, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация.

Историческое развитие Чечни в составе России представляет собой противоречивый процесс взаимоотношений, сопровождавшийся периодами военного противостояния и мирными периодами сосуществования и развития.

Противоречивость этого процесса заключалась в столкновении абсолютно естественных с исторической точки зрения интересов чеченского народа и Российской империи.

Российская империя в начале XIX века, столкнувшись с необходимостью обеспечения безопасности южных границ своей территории, развернула активную экспансионистскую деятельность. Завоевание Кавказа было стратегическим и переломным моментом в достижении исторических целей империи. Экспансия происходила, в основном, в военной форме и представляла собой насильственное присоединение территорий.

Имперская политика, детерминированная существовавшими внешними и внутренними факторами, была направлена на скорейшее присоединение Кавказа и проводилась всеми доступными методами, часто носившими насильственный характер.

Стремления империи, претворяемые в жизнь в таких формах, порождали естественное сопротивление и противодействие коренных народов, проживавших на присоединяемых территориях. Для этих народов, в частности, чеченцев борьба с колониальными устремлениями империи являлась формой защиты национальных интересов и сохранения национальной свободы.

Конфликт противостоящих друг к другу интересов вылился в Кавказскую войну, которую можно обозначить как первый этап процесса развития Чечни в составе

России, так как именно в этот период интересы чеченского народа и Российской империи оказались в одной плоскости координат, тесно соприкоснувшись в различных точках взаимодействия.

Кавказская война длилась более полувека, переживая спады и подъемы активного противостояния. Вследствие изнурительной длительности, ожесточенности военных действий, а также исчерпания людских, экономических и иных ресурсов чеченского и остальных народов, она закончилась фактическим их покорением. Кавказ стал частью Российской империи.

Однако установившаяся на завоеванной территории послевоенная ситуация была крайне нестабильной. Победа в Кавказской войне являлась для империи лишь результатом силового разрешения следствий, но не устранением причин, приведших к возникновению конфликта интересов и перенесению его в сферу военного противостояния. Российская империя, как и многие другие великие империи в истории, следуя принципу «горе побежденным», усложняла эти самые причины, усиливая процесс отчуждения земли у людей, отдавая их пришлому населению — казакам, постепенно выдавливая народ с его родных земель, лишая его возможностей нормального существования. Тем самым очаги потенциальной опасности новых восстаний и военных противостояний сохранялись.

Как пишет Х. В. Туркаев, «покорив горцев в ходе кровопролитной Кавказской войны, царская администрация была поставлена перед дилеммой: либо утолить земельный голод чеченцев, вернув им отобранные у них и переданные казакам земли, и тем самым снять проблему новых массовых восстаний, либо продолжать удержание

их и сохранять состояние постоянной войны с чеченцами, которые не могли с этим смириться» [1].

Крах Российской империи в 1917 году в результате Февральской революции и последовавшая за ней Великая Октябрьская революция, за опущением всех отрицательных последствий этих событий, знаменовали собой новый исторический шанс на возможность построения качественно иной, справедливой системы взаимоотношений Чечни с Россией, учитывавшей интересы и удовлетворявшей бы основные запросы обеих сторон.

Развитие Чечни в составе Советской России можно считать следующим этапом процесса интеграции, вернее, дезинтеграции. Советская власть, практически во всех ключевых узлах взаимодействия чеченского народа и государственной власти: в аграрной, культурной, идеологической, религиозной сферах проводила насильственную политику, радикально расходившуюся с интересами народа. Обе стороны пропустили еще одну возможность создания условий для прогрессивного сосуществования в рамках единой цивилизационной системы. Резкое противопоставление народа власти, отсутствие точек соприкосновения являлось следствием не учитывавшей опыта прошлого политики государства, направленной на стирание национальных особенностей, низвержение религиозных устоев, традиций, обычаев, как пережитков патриархального общества, что для чеченского народа являлось краеугольным камнем их национальной идентичности.

Все это снова порождало попытки очередного военного противостояния, которые благодаря мощному репрессивному аппарату государства подавлялись, не перерастая в большую войну. Произошло очередное погашение очага с отложением разрешения причин, его подпитывающих.

Крах Советского Союза привел к дестабилизации политической ситуации на всем постсоветском пространстве, которая на территории РСФСР приобрела форму объявления национальных суверенитетов, отделения субъектов от РСФСР, провозглашения независимости от центральной власти и т. д.

Рост национального самосознания чеченского народа означал одновременно и рост осознания существующих противоречий, своей угнетенности, формировалась национальная элита, ставившая вопросы о равноправии народа, о его праве на самоопределение, формирование своей политической элиты. На волне перестройки и других деструктивных процессов, происходивших тогда в государстве, росли националистические движения. Как отмечает видный специалист по межэтническим отношениям В. А. Тишков, «определяющим моментом движений был фактор политический — стремление гражданских обществ обрести суверенитет и оформить государствен-

ность, которой они не имели или были лишены в прошлом» [2].

Многовековой опыт построения отношений между Россией и Чечней предполагал лишь один вариант обретения независимости — через военное противостояние. Провозглашение и отстаивание своего суверенитета вылилось в две кровавые чеченские войны. И хотя в первую чеченскую войну, молодому самопровозглашенному государству удалось отстоять свой суверенитет, в итоге это все равно окончилось очередным в историческом плане поражением нации, пытающейся военным путем отстоять свою независимость. Чечня осталась в составе Российской Федерации. Однако, в этот раз военное поражение не привело к повторному подавлению и ущемлению проигравшей стороны.

Смена преступного политического руководства Российской Федерации и появление в Чечне государственного деятеля, в политических взглядах которого нашло концентрированное выражение осознание народом бесплодности вооруженных противостояний и необходимости качественно иного, мирного варианта построения взаимоотношений, дало Чечне и России еще один шанс, еще одну возможность выйти за порочный круг и пойти по иному пути взаимодействия и развития.

Именно поэтому данный этап — этап становления и развития чеченской государственности, имеет особую значимость для современной Чечни и ее будущего. По мнению председателя Комитета Парламента Чеченской Республики по вопросам экономической, инвестиционной политики и имущественных отношений Х. Кадырова, «современное общественно-политическое состояние, в котором находится Чеченская Республика, вне всякого сомнения, можно охарактеризовать одним из этапов той глобальной программы построения чеченской государственности в рамках федеративного государства, инициатором которой был в свое время именно А. А. Кадыров» [3].

История развития Чечни еще не знала таких условий для демократического сосуществования с другими народами в рамках единого многонационального государства. Народ, проголосовав на референдуме за Конституцию Чеченской Республики, выразил свое согласие на предложенные государством достойные условия добровольного вхождения Чечни в состав России. Будущие национальные элиты всех народов, составляющих Российскую Федерацию, должны четко осознавать, что основанный на равноправии и ценности каждого из народов союз — это единственная, доказанная многовековой историей возможность для их прогрессивного развития и сосуществования.

Литература:

1. Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. // Отв. Ред., Х. В. Туркаев. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М., Наука. — 2008. с. 631.
2. Тишков, В. А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. — 1993. № 4. — с. 4.

3. [Электронный ресурс] // <http://www.parlamentchr.ru/press-centre/analytics/411-vystuplenie-dokladchikov-na-nauchno-prakticheskoy-konferentsii-priurochennoj-vosstanovleniyu-chiassr>.

Методика криминологического прогнозирования в сфере назначения и исполнения наказаний

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Данная статья посвящена анализу основных методов, используемых в криминологическом прогнозировании. В статье предлагаются способы осуществления наиболее точного и эффективного прогнозирования системы исполнения и назначения наказаний в виде ограничения свободы.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование; ограничение свободы; система наказания; криминология; уголовная ответственность; методика расследования; методы прогнозирования; осужденные; уголовно-исполнительные инспекции; правоохранительные органы.

Криминология, являясь синтетической наукой, активно использует достижения других отраслей знаний и, соответственно, в ее рамках широко применяются методы других наук. Только совокупность различных методов познания позволяет получить достоверные знания о преступности, ее детерминантах, лицах, склонных к совершению преступлений, оптимальности и адекватности реагирования на процессы и явления, влияющие на нее.

Представляется важным отметить, что в ходе криминологического прогнозирования результат исследования, под которым подразумевается криминологически обоснованная и криминологически значимая информация, зависит от того, какой набор методов в них используется, то есть методики данных исследования.

Необходимо отметить, что при проведении криминологических исследований, направленных на изучение, оценку и прогноз преступности, процессов и явлений, влияющих на нее, используется богатый опыт криминологических знаний, накопленный за весь период существования криминологической мысли и науки криминологии в целом. Поэтому мы полагаем, что существующая методология, специально разработанные методики и методы криминологических познаний являются фундаментом, основой организации криминологического обеспечения предупреждения преступлений.

Наибольший эффект от результатов криминологических исследований достигается тогда, когда повышается эффективность в работе практиков. Поэтому при проведении криминологических исследований прежде всего необходимо учитывать интересы практической деятельности, направленной на противодействие преступности.

В последнее время появились хорошие перспективы развития направления криминологического прогнозирования благодаря объединению статистического прогноза с исследованиями в отрасли психиатрии и психологии, которые также получили название «клинические методы

прогнозирования». К дополнительным факторам следует отнести:

- 1) субъективный результат преступления,
- 2) данные психологического обследования,
- 3) постделиктное развитие личности,
- 4) социальные факторы риска.

Практическое применение криминологического прогноза осуществляется не только в целях профилактики, но и в целях назначения наказания. Так, принимая решение об ограничении свободы, судьи осуществляют криминологический прогноз поведения обвиняемого и делают вывод о возможности его исправления без реального отбытия наказания [1, с. 13].

Важно определить так называемые факторы риска, которыми являются обстоятельства или события в жизни человека, которые увеличивают вероятность того, что он начнет или продолжит преступную деятельность. Эти факторы могут быть статическими или динамическими. Статические факторы — это такие обстоятельства, которые являются событиями в жизни и не могут быть изменены. Динамические же факторы поддаются коррекции и могут быть использованы как направления для определенных профилактических мероприятий. Есть также группа защитных факторов, которые представляют собой обстоятельства или события в жизни человека, которые уменьшают вероятность совершения преступления.

Характеристиками, которые необходимо устанавливать в уголовном производстве, должны быть:

- 1) персональные данные подсудимого;
- 2) сведения о его семейной жизни;
- 3) сведения о социальных контактах подсудимого;
- 4) причины и обстоятельства совершенного преступления;
- 5) предыдущие судимости подсудимого;
- 6) степень восприятия подсудимым уголовной субкультуры;

7) поведение, свидетельствующее о возможности возникновения психических расстройств или пристрастия к алкоголю, наркотическим средствам, психотропным веществам;

8) способность подсудимого адаптироваться в условиях исправительного заведения;

9) результаты психолого-психиатрического обследования.

Совокупность обозначенных факторов также должна лечь в основу индивидуального плана исправления с целью эффективной коррекции личности и ее поведения, а также для назначения и исполнения наказания [2, с. 64–67].

Большинство современных прогнозных исследований, разных по степени сложности, используют, по существу, один и тот же метод. На первом этапе собираются данные об осужденных: криминальная история, социальная история, демография, образование, зависимости, семейная история и т.д. Собранный материал анализируется. На втором этапе данные рассматриваются с точки зрения возможного рецидива, с использованием двумерных или многомерных статистических методов. Факторы, которые сильно коррелируют с рецидивной преступностью, komponуются в виде прогностического инструмента, который затем проверяется на тестовом подмножестве. Окончательное тестирование инструмента должно показать, насколько хорошо прогнозируется совершение преступления, а не насколько хорошо преступность коррелирует с аномалиями осужденных, данные которых обрабатывались [3, с. 4–8].

Практическое использование криминологических прогнозов не ограничивается планированием мер профилактики преступлений. Так, прогноз данного вида имеет место при назначении наказания судом, а особенно при ограничении свободы или освобождении от отбывания наказания с испытанием. Нами предложен обоснованный перечень факторов, которые должны быть установлены в уголовном производстве, а результаты положены в основу решения об освобождении от отбывания наказания.

Исследуя составляющие методологии криминологического прогнозирования, следует отметить, что для разработки среднесрочных и долгосрочных прогнозов самыми известными и предпочтительными являются следующие методики [4, с. 58–63]:

— методика, сформированная на экспертных оценках прогнозируемого изменения преступных ситуаций в будущем;

— методика, сформированная на разработке моделей преступных ситуаций перспективного периода.

Путем применения первой методики можно определить при использовании экспертных оценок предположительные изменения тенденций и закономерностей в возникновении преступных ситуаций небольшой и средней тяжести в будущем и в то же время вносить нужные коррективы в прогнозируемые документы (справки, информационные документы и др.), подготовленные при помощи количественных методов. Данная методика

позволит определить и предположить порядок вариаций прогноза преступности исследуемой категории в пределах показателей от минимума до максимума, при этом любой из данных вариантов должен быть аргументирован с позиций количественного и качественного анализа.

Применение второй методики позволит составлять математические модели преступных ситуаций в настоящем времени, которые могут экстраполироваться в будущее по различным параметрам. Полученные результаты подлежат обработке с помощью качественных методов, в основном путем экспертизы. Основной задачей при разработке вышеописанных методов является поиск факторов, воздействующих на преступные ситуации исследуемой категории. Эта проблема решается при помощи социологических исследований.

Например, опрос сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний по регионам (в том числе прокуратуры, суда) позволяет более точно оценить не только статистическую, но и реальную картину преступности исследуемой категории, определить ее латентность, выявить криминогенные и антикриминогенные факторы.

Опросы сотрудников данных категорий играют важнейшую роль при определении состояния всей уголовно-исполнительной системы, а также системы назначения и исполнения наказаний, сложностей и недостатков в ее функционировании, отрицательно влияющих на предупреждение и пресечение преступлений и способствующих в дальнейшем самодетерминации преступности. Кроме того, подобные опросы дают непосредственную оценку преступности в конкретных регионах, ее тенденциям и качественным изменениям, облегчают ее прогноз на будущее [5, с. 54].

Создание конкретной методики прогнозирования связано с объемом и особенностями прогнозируемых показателей, то есть с объектом прогнозирования. Источники исходной информации при осуществлении прогнозирования условно могут быть разделены на три группы, различающиеся степенью достоверности, разнообразия, объемом и другими признаками.

Наиболее приемлемым при прогнозировании совершения преступлений небольшой и средней тяжести и эффективности назначения за них наказаний в виде ограничения свободы является построение модели-сценария для отдельного региона, с изучением криминологического портрета территории конкретного региона, анализом криминологическо-психологической характеристики осужденных и формированию их правопослушного поведения, к исследованию оптимизации целей наказания в контексте предупреждения преступности, а также эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде ограничения свободы.

Режим ограничения свободы, являясь установленным порядком исполнения и отбывания наказания, складывается из комплекса запретов и правовых обязанностей, к таковым относятся:

- запрет на оставление пределов жилого помещения;
- запрет на посещение мест проведения массовых мероприятий;
- запрет на изменение места жительства или пребывания, места работы без согласия надзорного органа.
- обязанность являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания.

Режим ограничения свободы не предусматривает обязательного привлечения осужденного к труду, а также содержания его в условиях ограниченной изоляции от общества в специализированном учреждении. Пересмотрев набор правовых ограничений, законодатель существенно ограничил комплекс мер принуждения, применяемых к осужденным, отбывающим ограничение свободы, вместе с этим сократил арсенал основных средств исправления осужденных. Все это позволяет утверждать, что тот объем правовых ограничений, который предусмотрен в ст. 53 УК РФ, едва ли содержит элементы ограничения личной свободы осужденного. Отсюда вполне оправдана констатация того, что карательная сущность данного наказания определяется ограничениями в передвижении [6, с. 83–86].

Таким образом, ограничение свободы, выступая в качестве уголовного наказания, объективно и обязательно причиняет осужденному определенные лишения и ограничения прав и свобод, состоящие в его правовом режиме.

Для получения достаточных данных при моделировании криминологического портрета территории необходимо в корне перестроить систему сбора и фиксации информации о событии преступления, так как нынешняя система учета неизбежно ведет к утере существенной части данных по группам преступлений. Так, в зависимости от специфики регистрации таких преступлений сотрудники правоохранительных органов получают возможность не регистрировать факты таких преступлений с целью улучшения показателей раскрываемости в своем структурном подразделении.

Вместе с тем, изучение личности осужденного позволяет, по мнению специалистов, выявить особенности каждого из них, их склонность к совершению правонарушений, получить иную информацию, необходимую для организации индивидуального профилактического воздействия [7, с. 10].

В основном осужденные к ограничению свободы в период отбывания наказания либо не склонны, либо склонны в средней степени к отрицанию общепринятых норм поведения и социальных ценностей. У них мало или в средней степени проявляется готовность к реализации деликтного поведения, а также агрессивных тенденций в поведении, и в большинстве случаев они способны контролировать свои эмоциональные реакции.

В целом можно предположить, что новый вид наказания снизит в ближайшие годы количество осужденных

в местах лишения свободы на несколько десятков тысяч и позволит успешно решать вопросы ресоциализации правонарушителей.

Анализ данных официальной статистики указывает на проблемы, возникающие у лиц, оказавшихся в сфере уголовно-правового воздействия. Особого внимания заслуживает увеличение показателя числа ранее судимых лиц, вновь совершивших преступления. Снижение эффективности деятельности, связанной с применением наказания, отражается на уровне предупреждения преступности и усугубляет сложившуюся криминальную ситуацию [8, с. 119–126]. Отсутствие специально-предупредительного эффекта создает условия для развития рецидивной преступности. Повторное совершение умышленного преступления ранее судимым лицом, как правило, исключает вероятность реализации наказанием основных функций и достижение предусмотренных законом целей. Соответственно, возникает закономерный вопрос относительно необходимости совершенствования механизма правового регулирования наказания в свете Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, с учетом того, что предполагаемым результатом реализации является повышение эффективности ее деятельности, направленной на достижение целей наказания и минимизацию отрицательных социальных последствий, связанных с изоляцией осужденных от общества [9].

Оптимизации правового регулирования наказания может способствовать внедрение предложений по совершенствованию законодательства и осуществляемой правоприменительной деятельности. Научно обоснованный подход к модернизации механизма уголовно-правового регулирования меняет представление относительно предназначения конкретных форм реализации уголовной ответственности. Поэтапное стимулирование посткриминального поведения обеспечивает дозированное ограничение или лишение прав, свобод и законных интересов на каждой стадии развития уголовного правоотношения с учетом индивидуальных особенностей личности. Реализация функций уголовного наказания обеспечивает достижение его целей, решая задачу предупреждения и прогнозирования преступности.

Большое значение, как мы считаем, при выборе мер воспитательно-профилактического воздействия на осужденных к ограничению свободы имеет наличие сведений о трудовой занятости, а также о количестве судимостей.

В настоящее время требуется принятие соответствующих мер организационно-правового характера, направленных на повышение эффективности деятельности УИИ.

Назрела также необходимость совершенствования правового регулирования использования системы электронного мониторинга подконтрольных лиц, в том числе подготовки дополнительных методических рекомендаций, связанных с организацией надзора за осужденными к ограничению свободы с применением аудиовизу-

альных, электронных и иных технических средств надзора и контроля.

Обеспечить результативность исполнения наказания в виде ограничения свободы можно лишь при условии совершенствования организационного обеспечения деятельности УИИ. Об этом, в частности, сигнализируют эксперты, которые уверены в том, что заложенный в этот вид наказания потенциал реализуется не полностью (это позволяет считать наказание в виде ограничения свободы недостаточно эффективным).

Недостаточное внимание на практике уделяется и организации воспитательной работы с осужденными к ограничению свободы. В филиалах ФКУ УИИ данному направлению деятельности придается небольшое значение, поскольку сотрудники не верят в результативность подобной работы. По этой причине в регионах отмечается формальный подход к проведению воспитательных мероприятий; кроме того, сотрудники филиалов обходятся разовыми мероприятиями воспитательного характера.

Таким образом, можно прийти к заключению, что необходимо внедрение полностью автоматизированной программы по системе учета преступлений, для регистрации преступлений и выявления локальных/регио-

нальных проблем, проблемных участков в городе/регионе и их особенностей, а также для оценки эффективности работы правоохранительных органов, которая включала бы в себя все заявленные нами составляющие модели криминологического прогнозирования.

Новая модель профилактической работы позволит создать реальный механизм по сбору достоверной информации о состоянии преступности в любой территориальной единице, а также по ее оценке с минимальным влиянием латентности статистики. Кроме того, такой подход позволит сделать работу правоохранительных органов прозрачной и более эффективной, появится возможность корректировать контролирующими органами концентрацию усилий сотрудников правоохранительных органов в разных регионах.

Представляется, что в каждом территориальном отделе правоохранительных органов в силу важности криминологического прогнозирования должны находиться карты-прогнозы, на которых отражались бы для конкретных участков с повышенной опасностью предполагаемые криминальные ситуации относительно возможных нападений и отходов с места совершения преступления подозреваемых.

Литература:

1. Абызов, К. Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности (по материалам Сибирского федерального округа). Диссерт.....канд. юрид. наук. — М., 2014. — с. 13.
2. Ларченко, М. Методологические основы и практика применения индивидуального прогнозирования в криминологии // Научно-практический журнал «Теория и практика». — 2014. — №2. — с. 64–67.
3. Горошко, И. В., Лебедев А. В. Особенности криминологического прогнозирования с использованием информации, содержащейся в едином банке данных учета осужденных, подозреваемых и обвиняемых // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. — Вологда: Изд-во Волог. ин-та права и экон. ФСИН России, 2011. — №4 (16). — с. 4–8.
4. Миллер, А. В. Виды криминологического прогнозирования // В сборнике: Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации Соловей Ю. П., Путилов П. Н., Рагозина И. Г. Материалы международной научно-практической конференции. — Омск, 2010. — с. 58–63.
5. Быстрых, В. И. Социально-правовая характеристика неправомерного поведения осужденных в ПТУ/В. И. Быстрых. — Рязань: РВШ МВД России, 1987. — с. 54.
6. Рясов, Д. А. Ограничение свободы в системе уголовных наказаний, предусматривающих ограничение личной свободы осужденного // Актуальные проблемы современной науки: Международная научно-практическая конференция. — Ставрополь: НОУ ВПО «СевКавГТИ», 2013, Вып. 2, Т. 2. — с. 83–86.
7. Смирнова, И. Н. Характеристика осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций: науч.-аналит. обзор. — Псков, 2009. — с. 10.
8. Авдеева, О. А. Наказание как мера противодействия преступности: ретроспективный анализ законодательной регламентации в национальном праве/О. А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2013. — №1. — с. 119–126.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — №43. — Ст. 5544.

Особенности криминологического прогнозирования назначения и исполнения наказаний в виде ограничения свободы

Ходжалиев Салех Айсаяевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В данной статье автором анализируются общие и основные цели прогнозирования, анализируются виды, принципы и правовая природа криминологического прогнозирования, а также рассматривается специфика объекта и предмета криминологического прогнозирования в сфере назначения и исполнения наказаний в виде ограничения свободы.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование; ограничение свободы; система наказания; криминология; уголовная ответственность; методика расследования.

В новых социально-экономических условиях, когда криминогенная обстановка характеризуется как сложная, общество должно быть готово к профессиональной борьбе с растущей преступностью, к разработке и осуществлению реалистических, научно обоснованных комплексных общегосударственных и региональных программ по противодействию и предупреждению преступности.

Наказание в виде ограничения свободы относится к смешанным видам наказания, что свидетельствует о его незначительной суровости. Таким образом, по своей степени лишений и ограничений прав и свобод осуждённых оно не может превосходить такие наказания как обязательные или исправительные работы. В соответствии со ст. 80 УК РФ, ограничение свободы может быть заменено на указанные наказания в порядке поощрения. Но, согласно ч. 1 ст. 60 УК РФ, более строгий вид наказания, предусмотренный за совершенное преступление, назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Для того чтобы правильно определить цели назначения наказания в виде ограничения свободы, а также для их эффективного исполнения необходимо планирование применения продуктивных ресурсов, которые позволят с большой достоверностью представлять, каковы могут быть основные сложности в назначении и исполнении наказания в виде ограничения свободы в будущем, какие в связи с этим предстоит принимать управленческие решения.

Для решения вопросов совершенствования системы наказаний в достижении целей их исполнения необходимо применение криминологического прогнозирования.

Криминологическое прогнозирование представляет собой один из основных способов научного предвидения в сфере борьбы с преступностью. Предупреждение вероятных неблагоприятных событий, анализ возможных последствий, рекомендации по изменению и исправлению ситуации, которая подвергается прогнозированию, — все это является крайне актуальным для решения проблем назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы в РФ.

На современном этапе развития криминология доказала свою научную состоятельность и необходимость. Известно, что только криминология в состоянии ответить на вопросы о причинах и условиях возникновения преступности, познать личность преступника как определенного социального типа, выявить механизмы совершения преступлений. В то же время криминология оставляет за собой первенство в разработке систем предупреждения преступлений.

Следует согласиться с мнением А.И. Долговой, которая утверждает, что сейчас трудно представить эффективную организацию борьбы с преступностью без использования криминологических знаний. Они необходимы при управлении социальными процессами, в законотворческой и правоприменительной деятельности [1, с. 1].

В специальной литературе отмечается, что криминологическое исследование — это один из видов социального исследования в его широком понимании. В то же время справедливо мнение Р.И. Латыпова, который отмечает, что криминологическое исследование — это комплексное изучение преступности в целом, отдельных категорий и видов преступлений, причин и условий преступлений на различных уровнях, личности преступника и проблем предупреждения преступности, криминологического прогнозирования и планирования [2].

Криминологическое прогнозирование осуществляется посредством применения методов, которые обеспечивают процесс познания тенденций и закономерностей развития изучаемого объекта. В криминологическом прогнозировании используются все общенаучные и частные (специальные) методы исследования. Всего насчитывается свыше 150 методов, но в правоприменительной практике получили распространение не более 10–15 из них.

Впервые к вопросу о прогнозировании в криминалистике еще в 1970-х годах обратился Р.С. Белкин, который писал: «Если задачей криминологического прогнозирования является определение количественных и качественных изменений преступности, то задачей прогноза в криминалистике является определение возможных путей развития средств, способов и методов борьбы с этой изменившейся преступностью» [3, с. 111].

Объектом криминологического прогнозирования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с совершением преступления, уголовно-исполнительные и криминологические средства, обеспечивающие предупреждение указанных преступлений [4, с. 62–67].

Предметом криминологического прогнозирования является система профилактики преступлений, методика воздействия на преступления и лиц, их совершающих, материалы служебных проверок и личных дел лиц, привлекавшихся ранее к уголовной ответственности.

По направлениям деятельности криминологическое прогнозирование дифференцируется на научное и практическое и может различаться по объектам прогнозирования.

Научные прогнозы разрабатываются с позиции научно-криминологических аспектов борьбы с исследуемыми преступлениями на уровне частной криминологической теории. Здесь объектами прогнозирования служат научно обобщенные модели, например, элементы типичной преступной ситуации. Практические разрабатываются с позиции практики раскрытия и расследования конкретных преступлений небольшой и средней тяжести, за которые предусмотрено наказание в виде ограничения свободы, а объектами прогнозирования выступают конкретные элементы уголовного дела [4, с. 19].

Криминологическое прогнозирование может классифицироваться по следующим критериям: по территории, объекту прогнозирования, срокам упреждающего периода, целям, эффективности, области реализации, направлению прогностической деятельности.

Криминологическое прогнозирование по территории предполагает разработку прогнозов на разных уровнях и относительно различных территориях. С помощью прогнозов в проект могут быть заложены необходимые элементы безопасности для граждан и предотвращения криминогенной обстановки на конкретной территории.

Как отмечает Я. Гишинский, «изучение территориальных различий преступности относится к исследованиям, удачно сочетающий теоретический и прикладной аспекты криминологических проблем. Теоретическое значение таких исследований состоит, в частности, в углубленном сравнительном анализе социальных условий преступности, факторов, влияющих на общее состояние (уровень, динамику, структуру) преступности, в проверке криминологических гипотез о структуре и степени значимости каждого из факторов (или их групп) в механизме «формирования» преступности и отдельных ее видов.

Практическое значение изучения территориальных особенностей преступности заключается в получении необходимой и достаточной, достоверной информации о криминальной ситуации, оперативной обстановке в регионе (районе, городе, области, республики) для принятия соответствующих управленческих решений: разработки комплексной программы борьбы с преступностью и иными антиобщественными проявлениями, создания системы социальной профилактики, ведомственного и межведом-

ственного планирования борьбы с преступностью и мер по ее предупреждению, рационального распределения во времени и в пространстве сил и средств правоохранительных органов и общественных формирований на обслуживаемой территории и т. п.» [5, с. 20].

По мнению С. М. Иншакова, «интенсивность преступности далеко не одинакова по всей территории страны, поэтому исследование территориального аспекта преступности весьма желательно для уяснения того, в каком районе следует приложить наибольшие усилия и, соответственно, сосредоточить больше средств для борьбы с преступностью» [6, с. 17].

К. Р. Абызов считает, что региональный подход к анализу качественно-количественных характеристик преступности «выступает обязательным атрибутом прикладных криминологических исследований». Борьба с преступностью предполагает ее предупреждение в региональном аспекте [7, с. 11].

В. Н. Сомина считает, что необходимо «изучать преступность в каждой республике, регионе, районе, городе с тем, чтобы обнаружить территориальную специфику проявления объективных закономерностей, тенденций общей криминологической обстановки». На этой основе, по мысли В. Н. Сомина, осуществлялись «конкретизация и детализация содержания национальной криминологической программы» [8, с. 37–38].

Как видно, большинство криминологов отмечают необходимость регионального подхода, подчеркивают его практическое значение, и считают, что региональный подход позволяет дифференцировать борьбу с преступностью. Установление закономерностей порождения и функционирования преступности в разных по своим социально-экономическим, социально-культурным, демографическим, этно-психологическим и другим характеристикам регионах существенно повышает возможность выработки стратегических и тактических мер борьбы с преступностью.

Произошедшие изменения в уголовном законодательстве заставляют нас по новому взглянуть на внутренне содержание объема правовых ограничений, отдельных видов уголовных наказаний как важного критерия, определяющего их место в системе уголовных наказаний.

Действие системы назначения и исполнения наказания за преступления небольшой и средней тяжести во многом предопределяет эффективность уголовно-правовой борьбы, по сути, с основным массивом первичной преступности. Это обстоятельство, по нашему мнению, дополнительно подтверждает необходимость более внимательного отношения к проблеме и необходимость прогнозирования данной категории преступлений и системы наказаний в виде ограничения свободы за их совершение [9, с. 42–46].

Прогнозирование в области методики расследования позволяет определить перспективные пути расследования и предупреждения преступлений небольшой и средней тяжести.

По срокам упреждения криминалистическое прогнозирование можно классифицировать как:

- 1) текущее, охватывающее развивающуюся следственную ситуацию в рамках периода расследования преступления;
- 2) краткосрочное (предполагает развитие объектов прогнозирования от 1 до 3 лет);
- 3) среднесрочное (от 3 до 10 лет);
- 4) долгосрочное (свыше 10 лет в зависимости от целей и предполагаемого результата).

Криминалистическое прогнозирование по целям подразделяется на:

1) поисковое, которое разрабатывается для выявления прогнозируемых характеристик преступления в зависимости от конкретной ситуации;

2) нормативное, помогающее разрабатывать способы и определять сроки достижения этих характеристик.

Прогнозирование в тактике расследования, выдвижения версий и планирования предполагает совершенствование порядка осмотра места происшествия, допроса подозреваемых и потерпевших и т.д., что помогает конкретизировать выдвигаемые версии и обеспечивает эффективность планирования расследования.

Необходимость криминалистического прогнозирования по предполагаемому эффекту обусловлено разработкой прогнозов эффективности обеспечения повышенной безопасности в тех или иных местах, подверженных преступной активности, возможного материального или физического ущерба от того или иного умышленного или неосторожного преступления, совершенного в категории небольшой или средней тяжести.

Криминалистическое прогнозирование по сфере реализации подразделяется на разрабатываемое и внедряемое в практику расследования и предупреждения преступлений против безопасности граждан прогнозирование. Данные прогнозы могут помочь:

- 1) в совершенствовании административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства;
- 2) в совершенствовании системы обеспечения защиты граждан от преступных посягательств и хулиганства;
- 3) в разработке более эффективной системы назначения и исполнения наказаний в данной преступной категории;
- 4) в совершенствовании правоохранных органов;

Литература:

1. Криминология. Учебник для юридических вузов/под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. — М.: изд. группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. — с. 1.
2. Латыпов, Р. И. Криминология [Электронный ресурс] URL: /www.be5.biz/pravo/ko11/06.htm./.
3. Белкин, Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминологии. — М., 1970. — с. 111.
4. Бурый, В. Е. Методы криминологического прогнозирования преступности в местах лишения свободы // Право. — 2014. — № 1. — с. 62–67.

5) в повышении эффективности методики подготовки служб, осуществляющих контроль общественной безопасности.

6) последовательное решение проблем развития ФСИН России на основе роста ресурсного и кадрового потенциалов;

7) как достижение сбалансированности в действиях служб и подразделений, исключающей возникновение диспропорций и дефицита ресурсов и кадров;

8) как совершенствование системы планирования и управления ФСИН России.

Чтобы перечисленные цели и задачи могли быть реализованы, криминологический прогноз должен, во-первых, базироваться на достоверных знаниях; во-вторых, исключать предвзятость и предубежденность; в-третьих, осуществляться на основе правильного использования конкретных методов (методик) прогнозирования.

Следует отметить, что понятие криминологической информации размыто: она сосредоточена в различных министерствах и ведомствах, и если та информация, которая в настоящее время собирается и обрабатывается в системе, может быть, и достаточна для нужд практического регулирования системы, то для прогноза развития криминогенной ситуации ее необходимо дополнить выборочными опросами, носящими репрезентативный характер, данными Росстата, других министерств и ведомств.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что никакая система наказаний не приведет к желаемым результатам, если нарушаются такие объективные условия, обеспечивающие эффективность самого наказания, как:

1. Соответствие уголовного запрета объективным закономерностям, действующим в обществе.
2. Соблюдение уголовно-правовых принципов и общих начал назначения наказания.
3. Стабильность уголовной политики, что предполагает незыблемость как уголовного закона, так и судебной практики, а также строгая, последовательная ориентация на решение задач, направленных на оптимизацию практики применения и порядка исполнения уголовных наказаний.

По нашему мнению, для совершенствования системы назначения и исполнения наказаний в виде ограничения свободы Федеральной службе исполнения наказаний следует регулярно проводить комиссионно (при помощи экспертов, ученых, правоприменителей) криминологическое прогнозирование преступности в регионах.

5. Гилинский, Я. Методологические проблемы исследования территориальных различий преступности//Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды по криминологии. Вып. 725. — Тарту, 1985. — с. 20.
6. Иншаков, С. М. Криминология: Учебник. — М.: Юриспруденция, 2010. — с. 17.
7. Абызов, К. Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности (по материалам Сибирского федерального округа). Диссерт...канд. юрид. наук. — М., 2014. — с. 11.
8. Сомин, В. Н. Социальное управление предупреждением преступности: введение в теорию. — Иркутск, 1990. — с. 37–38.
9. Буркина, О. А., Марсова А. А. Ограничение свободы: проблемы при исполнении наказания // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2013. — №3 (10). — с. 42–46.

ИСТОРИЯ

Национально-государственное становление Карачаево-Черкесской Республики

Батдыева Оксана Дахировна, аспирант
 Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева (г. Карачаевск)

Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществиться рост духовной культуры всего общества.

Д. С. Лихачев

Карачаево-Черкесия — один из самых красивейших уголков нашей страны. Природа наградила его уникальными достопримечательностями. Домбай, Архыз, Теберда, Махар, да буквально в каждой местности тут горы, озера, леса и чистый воздух.

Республика является субъектом Российской Федерации и входит в состав Северо-Кавказского федерального округа. Она расположена в предгорьях северо-западного Кавказа. Территория Карачаево-Черкесии

в конце первого тысячелетия нашей эры входила в государство аланов. С первой половины XIX века (по русско-турецкому Адрианопольскому миру 1828) территория современной Карачаево-Черкесии входит в состав России как Баталпашинский отдел Кубанской области.

Проблемы социально-экономического и административно-территориального строительства в XX веке в России и на Северном Кавказе всегда находились в центре внимания центральных и местных властей. За последние сто

Рис. 1. Карачаево-Черкесская Республика

лет проведено немало административно-территориальных преобразований: менялось административно-территориальное деление, создавались новые национальные образования и объединения, которым, как правило, давались новые названия, устанавливались новые границы и т. п. В ходе этих преобразований предпринимались попытки решать и вопросы межэтнических отношений в этом самом многонациональном регионе России. На Северном Кавказе многие народы, проживающие здесь, после революционных событий начала XX в. Переживали особые социально-экономические, политические, этнокультурные и конфессиональные процессы. Не избежала этого и Карачаево-Черкесская Республика, в которой с 1918 года устанавливается советская власть. С 1 апреля 1918 года территория была частью Кубанской Советской Республики, с 28 мая 1918 года — частью Кубано-Черноморской Советской Республики, с 5 июля по декабрь 1918 года — частью Северо-Кавказской Советской Республики. С декабря 1918 по апрель 1920 контролировалась белогвардейскими Вооруженными силами юга России (ВСЮР).

С окончанием гражданской войны появилась возможность приступить к решению проблем национально-государственного обустройства народов. Можно было использовать и уже накопленный опыт самоопределения народов.

11 ноября 1920 г. был созван 1-й чрезвычайный съезд трудящихся Карачая, рассмотревший вопрос о создании национальной государственности карачаевского народа. Делегаты единодушно приняли решение о провозглашении Карачаевского округа в составе Горской республики. Были избраны делегаты на съезд народов Терека, которому предстояло также решать вопросы национально-государственного строительства. Создание Горской республики в январе 1921 г. Было воспринято положительно населением

Карачая и Черкесии. До обретения автономии Черкесия, на территории которой проживали абазинцы, черкесы, ногайцы, русские и др., находилась в составе Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области. На проходившем 2–8 марта 1921 г. в Краснодаре 2-м областном съезде трудящихся горцев Кубано-Черноморской области был рассмотрен вопрос и о создании органа самоуправления для горских народов области. С просьбой об образовании самостоятельной автономии к съезду обратились адыгейцы. Но, исходя из тяжелого экономического и политического положения Адыгеи, съезд счел нецелесообразным в то время ее выделение в самостоятельную автономию и принял решение о создании Горского исполкома для управления делами горского населения.

Съезд рассмотрел и заявление делегатов Баталпашинского отдела, в котором было высказано желание горцев отдела о выходе из Кубано-Черноморской области и вхождения в состав Горской республики. Просьба не была удовлетворена.

Таким образом, до создания единой Карачаево-Черкесской автономии Карачай находился в составе Горской

республики, а Черкесия в административном подчинении Кубано-Черноморской области.

В 1921 году трудящиеся Кабарды поставили вопрос о выходе из Горской республики и создании самостоятельной автономии. Вслед за Кабардой этот вопрос был поставлен и Балкарией. Идя навстречу желаниям двух народов, 16 января 1922 года Президиум ВЦИК принял решение об образовании Кабардино-Балкарской автономной области. Одновременно с Кабардой и Балкарией, Карачай и Черкесия поставили вопрос о создании самостоятельных автономий.

7–8 ноября 1921 года проходил съезд трудящихся абазин, ногайцев и черкесов, проживающих в долинах рек Большого и Малого Зеленчуков и верховьев Кубани Баталпашинского отдела Кубанской области в ауле Эльбурган. Съезд решил, что «самым разумным, практичным и целесообразным» является объединение народов абазинского, ногайского, карачаевского и черкесского и «образовании одной автономной области, по образу Кабардинской автономии, что вполне отвечает интересам населения».

20 и 21 ноября 1921 г. В центре Старого Карачая, в ауле Учкулан состоялся чрезвычайный съезд трудящихся Карачаевского округа. Одним из основных вопросов съезда был вопрос о выделении Карачая из состава ГАССР и создании автономии совместно с черкесами, абазинцами, ногайцами и населением русских станиц. Съезд высказался за создание самостоятельной объединенной автономии.

12 января 1922 года образована Карачаево-Черкесская автономная область в составе Юго-Восточного (с 1924 года — Северо-Кавказского) края, с центром в станице Баталпашинской (переименованной затем в город Сулимов, Ежово-Черкесск и, наконец, получившей современное название Черкесск).

26 апреля 1926 года постановлением ВЦИК КЧАО разделена на Карачаевскую автономную область, Черкесский национальный округ (с 30 апреля 1928 — автономная область), Баталпашинский и Зеленчукский районы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Карачаевская автономная область ликвидирована 12 октября 1943 года. Южная часть Карачая отошла к Грузии (как Клухорский район), а большая часть была присоединена к Ставропольскому краю. После реабилитации карачаевцев с разрешением на их возвращение в родные края 12 января 1957 года Черкесская автономная область была преобразована в Карачаево-Черкесскую АО в составе Ставропольского края. Ей были также переданы Зеленчукский, Карачаевский и Усть-Джегутинский районы Ставропольского края.

30 ноября 1990 года Совет народных депутатов Карачаево-Черкесской автономной области принял решение о выходе из состава Ставропольского края и преобразовании в Карачаево-Черкесскую Советскую Социалистическую Республику (КЧССР) в составе РСФСР, что было утверждено законом РСФСР от 3 июля 1991 года № 1537–1.

Рис. 2. Мечеть, г. Карачаевск

В 1989–1991 созданные национальными движениями съезды отдельных народов Карачаево-Черкесии стали обращаться к руководству РСФСР с просьбой о восстановлении или создании отдельных автономий.

На съездах депутатов всех уровней были провозглашены:

18 ноября 1990 года — Карачаевская Советская Социалистическая Республика (с 17 октября 1991 года — Карачаевская Республика),

27 октября 1991 года — Республика Черкесия,

в ноябре 1991 года — Абазинская Республика,

19 августа 1991 года — Баталпашинская Казачья Республика и Зеленчукско-Урупская Казачья Советская Социалистическая Республика (30 ноября 1991 объединившиеся в Верхне-Кубанскую Казачью Республику).

После многодневных многотысячных митингов 3 декабря 1991 года постановлением Верховного Совета Карачаево-Черкесии было принято обращение к федеральному центру о признании отдельных республик. В январе 1992 года Президент России Борис Ельцин был готов признать разделение Карачаево-Черкесии и внёс на рассмотрение в Верховный Совет РСФСР проекты законов «О восстановлении Карачаевской автономной области и Черкесской автономной области в составе Российской Федерации». Была создана комиссия Верховного Совета по образованию трёх автономных областей — Карачаевской, Черкесской, Баталпашинской.

28 марта 1992 года состоялся референдум, на котором, согласно официальным результатам, большинство населения Карачаево-Черкесии высказалось против разделения. Разделение узаконено не было, и осталась единая Карачаево-Черкесия, с 9 декабря 1992 года ставшая Карачаево-Черкесской Республикой.

На сегодняшний день Карачаево-Черкесия является многонациональной республикой: на её территории проживают представители более 80 национальностей. Численность населения республики составляет 469837 чел. (2014). Республика состоит из 10 муниципальных районов — Абазинского, Адыге-Хабльского, Зеленчукского, Карачаевского, Малокарачаевского, Ногайского, Прикубанского, Урупского, Усть-Джегутинского, Хабезского и двух городов республиканского подчинения — Карачаевска и Черкесска.

Вмешательство в процессы саморазвития этносов — вещь весьма: неблагоприятная, поскольку, поднимая уровень одних этносов, синхронно затрагиваются интересы других. Мировой опыт показывает, что, прежде всего, положительно сказывается на «здоровье» межэтнических отношений в многонациональном государстве: воспитание у всего населения чувства единства, принадлежности единому государству. **Карачаево-Черкесия — республика, в которой совместно проживают представители различных национальностей — этносов разных по территории, численности, вероисповеданию, культуре, но живущих в условиях дружбы и взаимопонимания.**

Литература:

1. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Ростов-на-Дону, 1985.
2. Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ. Майко, 1995.

3. Летифов, А.Л. Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Махачкала, 1972.
4. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1972. Ч. 2.
5. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/Popul2014.xls
6. <http://ru.wikipedia.org/>

Хрущев Никита Сергеевич как лидер и реформатор советского государства

Вьюнов Валерий Николаевич, кандидат философских наук, доцент;

Бузлов Артем Александрович, студент;

Пискарева Юлия Евгеньевна, студент;

Кесслер Екатерина Сергеевна, студент;

Пискарев Александр Евгеньевич, старший преподаватель

Московский государственный университет пищевых производств

Научно-исследовательские работы студенческого кружка кафедры Современные торговые операции Север-Юг в Московском государственном университете пищевых производств являются одним из приоритетов в общей работе данной кафедры. Подтверждением данному тезису может являться большое количество работ в научных журналах от данного кружка, в т.ч. и в журнале «Молодой ученый» [1–10]. В курсе изучения дисциплины «Теория государственного управления», преподаваемым ППС кафедры Современные торговые операции Север-Юг, на сегодня одним из актуальных вопросов является рассмотрение проблемы оценки эффективности выдающихся государственных и политических деятелей.

Объект данной статьи — Никита Сергеевич Хрущев, 120-летие рождения которого приходится на текущий год и 50-летие Пленума ЦК КПСС о снятии Хрущева Н.С. со всех должностей, когда впервые в Союзе произошла смена власти при жизни Генсека ЦК КПСС, и это протекало формально в процедуре существующей партийной демократии. Хрущев Н.С. будет рассмотрен как высший государственный менеджер СССР, главный субъект государственного и политического управления Союза, а не как идеолог, партийный функционер, не будут изложены вехи биографии. Цель статьи — попытаться показать основные главные черты политического лидерства, присущие Хрущеву, особенности характера и темперамента, влиявшие на атмосферу подготовки и принятия решения лидером СССР.

Лидерство — важный институт современного политического процесса и науки политологии. Можно определить лидерство как ведущее, определяющее, руководящее положение личности, группы, партии, обусловленное высокими, эффективными результатами их деятельности и влияния на массы. Яркие личностные качества лидера позволяют влиять на сознание и политическое поведение масс, лидер выступает символом общности и образцом политического действия, требующего функционально-ролевой дифференциации и оперативного управления.

Современный политический лидер призван решать следующие задачи: выражать и защищать интересы группы; мобилизовывать электорат и потенциальных союзников; пропагандировать общие цели; принимать оптимальные решения и контролировать их реализацию; обеспечивать социальный арбитраж и патронаж, целостность и прогресс общества и др. Целая группа факторов влияет на формирование лидера и реализацию его потенциала: особенности самой личности лидера, исторический контекст данного лидера, общая ситуация в обществе и характер проблем, противоречий, совокупность используемых ресурсов и средств, технологий господства, особенности формирования лидерских качеств, характерные черты, интересы и ожидания социальных групп, руководимых данным лидером и др.

Переходя к характеристике политического деятеля Н.С. Хрущева, важно сразу подчеркнуть, что советская номенклатура (партийно-хозяйственная элита) как феномен отличается от современных представлений о политическом лидерстве. Для советской высшей бюрократии характерно: клиенто-патронажные отношения на основе личной преданности и зависимости, минимум личных качеств и ориентация на групповые действия, низкая активность, инициативность, творчество, доминирование стереотипов идей и действий, непубличность подготовки решений и пр. Хрущев Н.С. — типичный представитель советской номенклатуры 30–50-х годов. Как отмечал Д. Волкогонов, для второго поколения послереволюционных вождей СССР было характерно: элементарное жесткое политическое мышление, идеологический примитивизм, общая низкая культура, «сталинская школа» верить в большевистские максимы», ненависть ко всем «врагам народа», жесткость при исполнении партийных решений» [11]. Как и многие советские выдвиженцы-назначенцы, Хрущев — не публичный политик легитимного типа, не попадает под принятую классификацию политических лидеров демократического общества. Хрущев Н.С. (со значительной степенью условности) частично и знаме-

носец, и пожарник, и служитель. И сами критерии типологии конца XX — начала XXI веков изменились по сравнению с серединой прошлого века. Хрущев Н. С. больше администратор и прагматик, но не идеолог или теоретик, больше реформатор, но в ряде сфер, аспектов догматик и консерватор, реалист, не фанатик и в меньшей степени отвлеченный мечтатель, романтик, в ряде важнейших проблем инноватор и довольно открытый лидер-агитатор (в рамках «советской демократии» середины XX века).

При анализе лидерских качеств принято выделять деловые, интеллектуальные способности, организационные, нравственные, волевые черты персоны. Хрущев Н. С. был энергичным, решительным и даже мужественным (Доклад на XX съезде КПСС), инициативным, но и упрямым, увлекающимся до абсурда. Как отмечают исследователи, «его трагедия в том, что те же самые качества и черты, позволившие ему дойти до самой вершины советской системы и помогли ему начать реформы, в конце концов подвели его самого» [12]. Надо подчеркнуть, что Н. С. Хрущев в период начала карьеры и в 30-е годы — это классический сталинский выдвиженец, в том числе организатор террора 30-х гг. В 50-е годы архивы репрессивных органов по воле Хрущева тщательно «подчистили» и появились мифы, что часть окружения Сталина чуть ли не антисталинисты. Как писал А. Зиновьев о «борцах с наследием Сталина», сталинисты резко перекрасились в антисталинистов, отстранены минимально, а многие сделали успешную карьеру в 50-е годы» [13]. Хрущев Н. С. начала 50-х годов радикально меняет свое политическое кредо. Для разрыва со сталинизмом требовалась честность, поиск правды, совесть, справедливость, гуманизм. И лидер Союза это в большей степени демонстрирует. Следует подчеркнуть, что Хрущев Н. С. в период 50-х годов и в 60-е годы значительно отличается. Такие черты как гуманизм, справедливость, искренность, открытость, терпимость во второй период «эпохи Хрущева» постепенно девальвируются, что в значительной степени обусловлено замедлением преобразований, неоднозначностью их итогов и усиление сопротивления аппарата. Бескомпромиссность, неуступчивость, маломотивированная смена настроения, слабый психологический и эмоциональный самоконтроль — черты Хрущева Н. С. последних лет власти. Для осуществления курса радикальных реформ лидер обязан обладать рядом важнейших интеллектуальных особенностей: широтой, глубиной, быстротой и творчеством мышления, самостоятельностью ума при принятии решения, кругозором, информированностью, продуктивностью и др. Явный недостаток перечисленных черт Н. С. Хрущев пытался компенсировать «природной мужицкой хваткой, неистощимой энергией и безоглядным оптимизмом».

Значительные трудности в проведении курса реформ связаны и с тем, что новый лидер СССР не обладал управленческими, организационными способностями в условиях попытки демократизации некоторых сторон и отношений государства и общества, гуманизации, реальной

социализации, децентрализации власти, экономических реформ. Как отмечает Р. А. Медведев, «тоталитаризм уничтожает людей, способных проводить прогрессивные реформы и изменять политическую и нравственную атмосферу в стране. В деятельности Хрущева немало противоречий и ошибок, ему приходилось принимать многие решения в условиях жесткой политической борьбы» [14]. Сложившийся при Сталине тип власти — сверхцентрализация и монополизация политической власти, вождизм, волюнтаризм, жесткое подавление любого инакомыслия — и после 1953 г. не был демонтирован. Хрущев так и не организовал, не сплотил, массово не выдвинул новые, несталинистские слои руководителей. Попытка радикально реформировать ЦК КПСС и всю партийную вертикаль в конце концов привела к отстранению реформатора и победе аппарата. Ресурсы и механизмы, технологии, используемые Хрущевым в период реформ, мало чем отличались от «сталинского стиля руководства», не обеспечили массовой поддержки курса демократизации государства. Стиль и статус партийной бюрократии сильно не изменился. Желание общаться, слушать и слышать разные слои общества, улавливать настроения и ожидания, брать инициативу и отвечать — все это не типично и для номенклатуры послесталинского СССР. Ни один высший советский руководитель никогда не считал существующий в стране строй тоталитарным. СССР — подделанный под социализм тоталитарный строй. Все же интересы номенклатуры и советского общества оказались несовместимыми и это привело к постепенному саморазрушению тоталитаризма [15].

В качестве некоторых итогов хотелось выделить следующее:

1. Хрущев Н. С. был в основном проводником интересов государственно-партийной номенклатуры модели государственного социализма в условиях отказа от террора.
2. Начал частичный демонтаж тоталитаризма и авторитаризма, заложил традицию демократизации и реформирования власти и общества.
3. Осуществил поворот приоритетов государства в сторону широкой социальной политики.
4. Основная цель реформ — создание новых условий существования и развития правящей бюрократии и трудящихся слоев при переходе от тирании, тоталитаризма к номенклатурной корпоративной демократии квазисоциалистического общества.

Личность Н. С. Хрущева как субъекта политики и государственного менеджера условно можно определить как популист и неконформист в последний период политической карьеры, непоследовательный антисталинист, идеологический консерватор (особенно во внешней политике и в оценке роли КПСС как монополии на власть и идеологию). Отсутствие системного образования (и самообразования) и эмоциональность, волюнтаризм, упрощение в государственных делах, увлеченность непроверенным, спорным сформировали образ

Хрущева как реформатора-романтика, любителя. Дума- Н. С. Хрущева будет вызывать еще долго интерес иссле-
ется, что многогранный и очень сложный образ политика дователей.

Литература:

1. Ризаев, Р. М., Скляренко С. А., Стригина М. О. Анализ рынка биологически активных добавок// Молодой ученый. 2014. №3 (62). с. 516–517.
2. Нечаев, Б. П., Герасимова Т. А., Скляренко С. А. На XIV Международной таможенной выставке «Таможенная служба — 2013»// Молодой ученый. 2014. №3 (62). с. 662–663.
3. Вьюнов, В. Н., Ирошин Е., Скляренко С. А., Мاستихин А. А. Юридические последствия тенденций политического процесса в современной России// Молодой ученый. 2014. №3 (62). с. 641–643.
4. Мастихин, А. А., Савина Е. А., Попов К. А., Стригина М. О., Филиппова М. Г., Скляренко С. А. Последствия вступления в ВТО для отечественной фармацевтической промышленности// Молодой ученый. 2014. №6 (65). с. 453–455.
5. Скляренко, С. А., Вьюнов В. Н., Бузлов А. А., Пискарев А. Е. Некоторые проблемы преподавания дисциплин уголовного и уголовно-процессуального права в высших учебных заведениях России// Молодой ученый. 2014. №10 (69). С. 330–332.
6. Скляренко, С. А., Нечаев Б. П., Тимошина А. В., Перегудова Е. П., Моргунова Т. Д. Роль таможенных органов в системе государственного надзора и контроля в области обеспечения качества и безопасности ввозимой пищевой продукции// Молодой ученый. №10 (69). с. 332–333.
7. Сапатовски, С. О., Нур Ф. И., Скляренко С. А. Мониторинг рынка продукции пряников в России на современном этапе// Молодой ученый. 2014. №12 (71). с. 182–184.
8. Косикова, Ю. А., Литвинова Н. В. Перспективы развития мировой и Российской молочной индустрии// Молодой ученый. 2014. №3 (62). с. 460–462.
9. Косикова, Ю. А., Савушкина М. Б. Анализ рынка прямого маркетинга// Молодой ученый. 2014. №9 (68). с. 286–289.
10. Никитина, Л. А., Желудкова А. А., Джалаля Ю. П., Конева Т. О., Агабекова Н. А., Рыжкова Д. С. Наблюдение за потребителем при покупке колбас// Молодой ученый. 2014. №2 (61). с. 517–526.
11. Волкогонов, Д., Млечин Л. 10 вождей. От Ленина до Путина. — М.: Эксмо, 2013. с. 277.
12. Хрущев, Н. С. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущева. 18 апреля 1994 года. — М.: РГГУ, 1994. с. 62.
13. Зиновьев, А. Русская трагедия. — М.: Алгоритм, 2014. с. 107.
14. Н. С. Хрущев (1894–1994) Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущев. 18 апреля 1994 год. Москва. Горбачев-Фонд. — М.:РГГУ,1994. с. 31
15. Н. С. Хрущев (1894–1994) Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Хрущев. 18 апреля 1994 год. Москва. Горбачев-Фонд. — М.:РГГУ,1994. с. 180

Дореволюционная историография Отечественной войны 1812 года

Гапликов Николай Валентинович, учитель
ГБОУ СОШ №500 (г. Санкт-Петербург)

Анализ развития историографии Отечественной войны 1812 года в первой половине XIX в. свидетельствует о том, что авторы публикаций военной поры еще не ставили перед собой задачи научного исследования войны и даже не пытались восстановить хронологию событий. Печатная продукция выполняла мобилизующую и информативную роль. Как правило, она представляла собой эмоциональные отклики современников по поводу вражеской агрессии на базе официальных информационных сообщений. Уже во время заграничных походов русской армии в 1813–1814 гг., в атмосфере всеобщего нацио-

нального подъема, в обществе осознаются величие и историческая значимость свершившихся в России событий, необходимость запечатлеть историю борьбы с Наполеоном для потомков. Этот мотив подтолкнул к написанию первых обобщающих трудов. Подобные попытки стали осуществляться с января-февраля 1813 года, когда в печати появились различного рода «обозрения», и «описания» кампании 1812 года [1]. По характеру привлечения документальных источников и по методам научного поиска такие труды были еще весьма несовершенны. Тем не менее, именно они заложили фундамент

научных исследований, наметили контур военно-исторической концепции для последующих исследований. Научное направление в исследовании темы было представлено работами Д. И. Ахшарумова [2], Д. П. Бутурлина [3], А. И. Михайловского-Данилевского [4], Н. А. Окунева [5].

У исследователей истории 1812 года первой половины XIX в., большинство из которых являлись ветеранами войны, отчетливо прослеживалось стремление к осмыслению опыта 1812 года с национально-патриотических позиций. Во многом такой подход соответствовал официальной оценке войны. Можно констатировать, что важнейшей особенностью историографии первой половины XIX в., стала ее официальная, про правительственную направленность. Она оформилась с конца 1816 года, когда в высших военных кругах стало известно желание Александра I «передать потомству подвиги незабвенного для Россиян 1812 года.»...

Просматривается авторская позиция по ряду ключевых аспектов темы. Так как все эти авторы являлись военными, то в основном рассматриваются военные действия обеих сторон и затрагивается подготовка русской армии к войне. Но также у Д. П. Бутурлина выдвигается тезис о единении всех сословий вокруг трона, и он возвел на пьедестал победителя императора Александра I. Вместе с тем, отмечают и недостатки, связанные с повествовательностью изложения, отсутствием точных ссылок на документальные источники, а также субъективизмом в оценках социально-политических аспектов.

Изучение литературы 40-х — первой половины 50-х гг. показало, что в ее историографии наметились новые явления.

Во-первых, основные положения сложившейся исторической концепции войны 1812 года вошли в военные справочно-энциклопедические издания [6].

Во-вторых, начался активный количественный рост биографических сочинений о политических деятелях, полководцах и героях Отечественной войны. Эта тенденция также отразилась в появлении особого вида справочной литературы.

В-третьих, абсолютно новым в издательской деятельности стали книги, ориентированные на массового читателя. Впоследствии подобные издания стали неотъемлемой частью историографии темы.

В-четвертых, история Отечественной войны 1812 года получила распространение в военно-учебной литературе [7].

В-пятых, исследуемая проблема стала развиваться с учетом достижений западноевропейской исторической науки. Интерес к зарубежной литературе проявился в издании переводных сочинений. В последующем их критический анализ составил важнейшее направление в отечественной историографии.

В-шестых, в публицистике все чаще стали появляться рецензии, отзывы или критические разборы новых сочинений. Так, например, неудовлетворенность достигнутыми

научными результатами ярко проявилась в активной критике публицистической деятельности И. П. Липранди [8].

В целом, ко второй половине 50-х гг. XIX столетия в историографии темы утвердилась самодержавно-охранительная концепция, отражавшая патриотические настроения значительной части российского общества. Она закреплялась в справочно-энциклопедической, научно-популярной и учебной литературе.

Исследование показало, что к середине XIX столетия зародилась и стала постепенно набирать силу тенденция к пересмотру ряда важнейших положений официальной истории Отечественной войны 1812 года, которая достигла своего апогея в последней четверти XIX — начале XX в. Однако в указанный исторический период корректровке подвергались преимущественно вопросы военного искусства.

Заметное влияние на этот процесс оказал выход в свет новой официальной «Истории Отечественной войны 1812 года» профессора Николаевской военной академии М. И. Богдановича [9]. М. И. Богданович первым предпринял попытку осветить военно-экономическую подготовку России к войне, его труд отличается более критическим подходом к исследуемым событиям. В своей работе автор использовал как отечественные, так и зарубежные источники.

С точки зрения современной методологии историографического анализа, работа, несомненно, обладала исследовательской новизной, потому что историк под другим углом зрения подошел к объяснению многих концептуальных положений и особенно к изображению военных действий. После монографии М. И. Богдановича, вплоть до начала XX в., новые официальные труды по истории Отечественной войны 1812 года и ее подготовке не создавались. Исследование литературы, изданной в канун и во время празднования столетия Отечественной войны 1812 года, позволило выделить в развитии историографии две противоречивые тенденции. С одной стороны, пристальное внимание общественности за подготовкой к юбилею привлекло к этому событию не только правящие, но и оппозиционные политические круги. Отсюда в историографии темы развилось новое течение, направленное на кардинальный пересмотр господствовавших в XIX столетии официально-патриотических воззрений. Его активные сторонники придерживались либеральных и революционных взглядов на перспективы дальнейшего развития России. Особое место среди них заняли представители марксистского направления. Свою точку зрения на эпоху наполеоновских войн высказывал В. И. Ленин. Наиболее полно марксистский взгляд на проблему выразил близкий к большевистским кругам М. Н. Покровский, воззрения которого стали господствующими в отечественной исторической науке в 20-х — начале 30-х гг.

Стремление к критическому анализу событий Отечественной войны 1812 года наблюдалось и в либеральных кругах. В трудах К. А. Военского [10], В. И. Пи-

четы, Е. В. Тарле, великого князя Николая Михайловича, а также в фундаментальном издании «1812—1912 гг. Отечественная война и русское общество» и других популяризовались идеи, согласно которым объективная оценка подготовке и истории Отечественной войны возможна лишь с материалистических позиций в тесном рассмотрении и с учетом особенностей развития западноевропейской цивилизации. Рассматривая работы К. А. Военского, который больше внимание уделял политической истории войны 1812 г. По его мнению, руководящим началом хода истории является, по преимуществу, фактор экономический. Этот фактор К. А. Военский и считал решающим в происхождении войны 1812 года. На этом основании война трактовалась не просто как вооруженное столкновение двух крупнейших государств, но, прежде всего как противоборство различных социально-политических систем: передовой, революционной Франции с реакционной, монархической Европой. Но также он затрагивает и подготовку русской армии к войне.

Литература:

1. Деминский, Я. Поход Наполеона в Россию./Я. Деминский. — СПб., 1813.
2. Ахшарумов, Д. И. Описание войны 1812 года./Д. И. Ахшарумов. — СПб., 1819.
3. Бутурлин, Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году./Д. П. Бутурлин. — СПб., 1837—1838.
4. Михайловский-Данилевский, А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году./А. И. Михайловский-Данилевский. — Ч. 1—4. СПб., 1839.
5. Окунев, Н. А. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году./Н. А. Окунев. — СПб., 1833.
6. Богданович, М. И. Военный энциклопедический лексикон./М. И. Богданович. — СПб., 1852—1858.
7. Карцов, А. П. Военно-исторический обзор войны 1812 года./А. П. Карцов. — СПб., 1851.
8. Липранди, И. П. Материалы для Отечественной войны 1812 года./И. П. Липранди. — СПб., 1867.
9. Богданович, М. И. История Отечественной войны 3 т./М. И. Богданович. — СПб., 1859—1860.
10. Военский, К. А. Континентальная система 1812—1912. Отечественная война и русское общество./К. А. Военский. — М., 1912. Т. 3. — с. 221—232.

С другой стороны, новая трактовка войны способствовала принижению патриотических начал в истории Отечественной войны 1812 года. Подобный подход встретил сопротивление со стороны официальных властей и консервативно настроенной части научных кругов.

Дальнейшее развитие в юбилейные годы получила военная историография. Анализ военно-исторических работ показал, что авторы большинства из них к освещению социально-политических вопросов подходили с традиционных позиций. С учетом малоизвестных архивных документов, военные историки уточнили и более объективно проанализировали многие военные события.

В качестве общего вывода о развитии исследуемой проблемы в дореволюционный период следует отметить, что оно шло по пути усиления критики официально-патриотической концепции. Одновременно в исторической науке утверждались взгляды и оценки, позволявшие судить о Отечественной войне 1812 года как о сложном этапе, который был рассмотрен в этот период.

Нормальное распределение хлебных цен в России в XVIII в.

Мустафин Артур Рашидович, магистрант

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Хлебные цены в современной историографии экономической истории России в XVIII в. активно используются как для решения традиционных проблем, так и для апробации новых подходов. В качестве основы данных о хлебных ценах исследователи применяют материал, собранный и опубликованный Б. Н. Мироновым. Но использование хлебных цен в качестве эмпирического материала и применение к ним методов статистического анализа требует анализа соответствия данных условиям применения методов статистического анализа. Большинство методов математической статистики, в том числе

и корреляционный анализ, разработаны для нормального распределения [1, с. 53], что является основным условием их применения. В данном исследовании анализируется возможность моделирования нормального распределения (гауссовское распределение) хлебных цен (цен ржи и овса) Европейской части России XVIII в.

Следует заметить, что анализируются данные Б. Миронова, опубликованные в приложении его монографии «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII—XIX вв.)» [2, с. 190—291], за исключением данных цен на рожь за период с 1761 по 1764 гг. При сопоставлении

данных из монографии с данными диссертационного исследования [3], было выявлено, что в таблице из монографии ряд средних цен спутан с рядом количества городов, по которым вычислялись средние за этот период. Таким образом, цены за период 1761 по 1764 гг. из-за случайной ошибки искажены в 2,5 раз. Исходя из этого, используем следующие цены ржи за четверть в серебряных копейках: 1761 г. — 78 коп.; 1762 г. — 90 коп.; 1763 г. — 95 коп.; 1764 г. — 105 коп. Также для приведения к однородности данные хлебных цен за период 1707–1763 гг. с учетом изменения содержания серебра в курсе рубля [2, с. 36] выражены в соответствии с курсом рубля периода 1764–1801 гг, когда содержание серебряного рубля составляло 18 г чистого серебра. Хронологические рамки исследования: 1707–1801 гг. Нижняя граница обусловлена тем, что с 1707 г. обнаруживается фиксация хлебных цен в ведомостях. Несмотря на то, что в монографии Б. Миронова имеется информация о ценах за XIX в, в данной статье анализируются только динамика средних цен за XVIII в. Это обусловлено тем, что данные за XIX в. не представлены Б. Мироновым в виде средних цен по Европейской

части России и не сопоставимы с данными предыдущего столетия.

Анализ нормального распределения осуществлялся в программном пакете Excel с помощью функции «гистограмма» Пакета анализа. Анализ временного ряда динамики цен на рожь за 1707–1844 гг. показал результаты, представленные на графике (См. Рис. 1). На оси ОХ расположены интервалы динамики хлебных цен в порядке возрастания. На оси ОУ представлена частота. По графику видно, что динамика данных явно не соответствует кривой Гаусса. Но это не значит, что на определенных хронологических промежутках не может быть нормального распределения. Было выявлено, что динамика цен с 1707 по 1765 гг. показывает наибольшее приближение к нормальному распределению. Действительно график цен ржи за данный период (См. Рис. 2) показывает «колоколообразный» вид, что свидетельствует о нормальности распределения. На графике видно, что наибольшая частота приходится на срединное значение ряда. Таким образом, среднее арифметическое, мода и медиана приближенно равны и соответствуют вершине распределения.

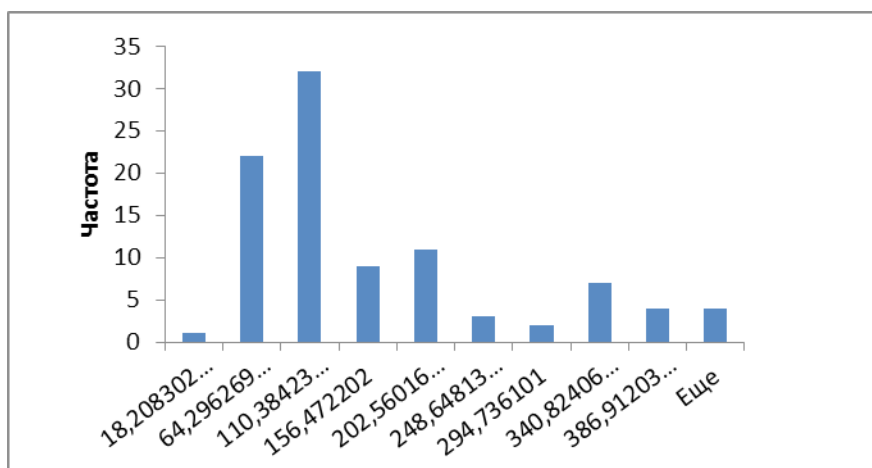

Рис. 1. Гистограмма распределения динамики цен ржи 1707–1801 гг.

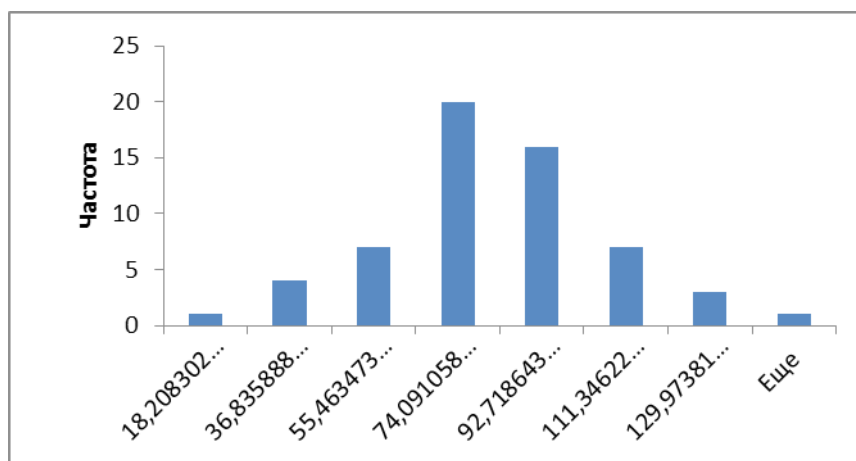

Рис. 2. Гистограмма распределения динамики цен ржи 1707–1765 гг.

Следует заметить, что на практике допустимо некоторое смещение, которое в том числе наблюдается на графике, от идеальной модели нормального распределения.

Для периода с 1766 по 1801, гг. динамика хлебных цен не показывает нормальное распределение (См. Рис. 3). Данное наблюдение, а также отсутствие нормального распределения на протяжении XVIII в., может быть объяснено следующим образом: В последней трети XVIII в. наблюдался сильный темп роста цен (См. Рис. 4) (В 1761–1810 гг., цены возросли по сравнению со средними ценами периода с 1731–1760 гг. более чем вдвое — на 110%, по сравнению с ценами первого периода почти втрое, на 190%. [2, с. 45]. Данная динамика цен позволила Б. Миронову сформулировать концепцию «революции цен» в XVIII в.) При этом, следует учесть, что гауссовское распределение описывает явления, которые носят вероятностный, случайный характер, а также совместное воздействие на изучаемое явление небольшого

числа случайно сочетающихся факторов. Распределение не будет подчиняться гауссовскому распределению, если какой-либо фактор играет преобладающую роль. Соответственно, отсутствие нормального распределения в динамике цен, затрагивающей период последней трети XVIII века, можно связать с влиянием факторов (силы тренда), обуславливающих темпы роста в последней трети XVIII века и имевших преобладающее воздействие на ценообразование.

В данном случае, при существенном влиянии тренда на динамику показателей, целесообразно также проверить нормальность распределения динамики цен ржи, исключив из временного ряда влияние тренда, то есть проверить нормальность распределения «остатков». Для этого необходимо выявить уравнение тренда динамики цен на рожь. Подбор линии тренда осуществлен с помощью соответствующей функции в программном пакете Excel (См. Рис 4). На рисунке на оси OX года

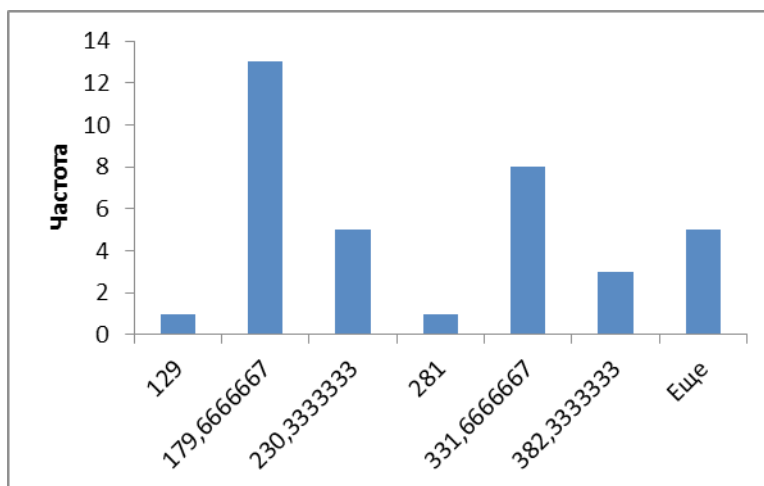

Рис. 3. Гистограмма распределения динамики цен ржи 1766–1801 гг.

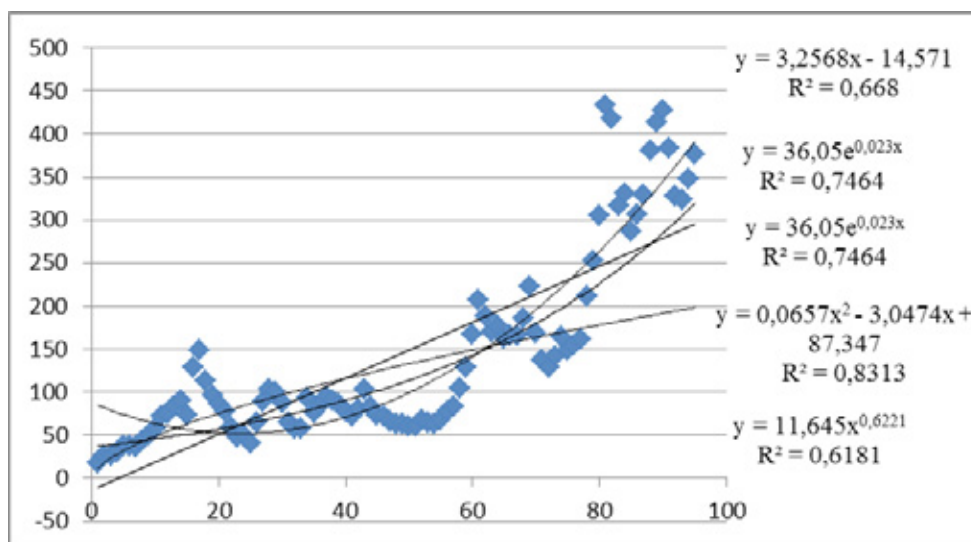

Рис. 4. Динамика цен на рожь в 1707–1801 гг.: подбор линии тренда

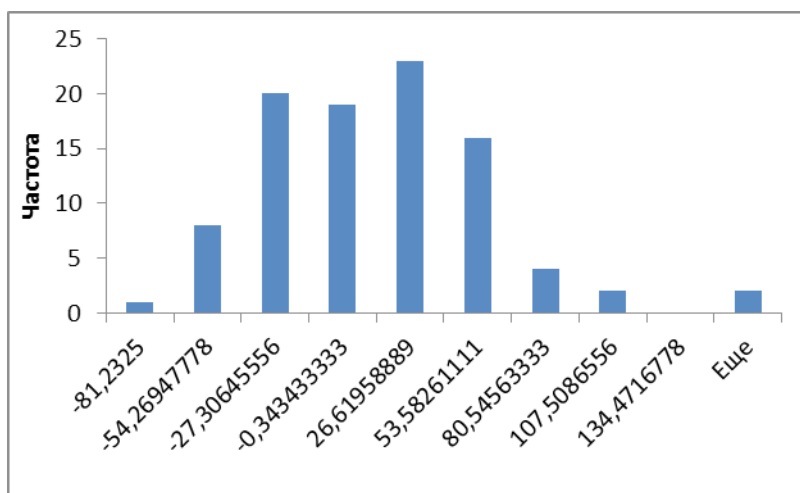

Рис. 5. Гистограмма распределения «остатков»

представлены в номере по порядку. На оси ОУ отражены цены в копейках. Динамика цен на рожь представлена в виде точечного графика. На графике присутствуют линии тренда, уравнения которых представлены в правой колонке. Наибольший коэффициент детерминации ($R^2 = 0,83$) наблюдается у полиномиальной функции ($y = 0,0657x^2 - 3,0474x + 87,347$), что определяет ее выбор в качестве тренда. Из исходного ряда вычислен был тренд и получен таким образом ряд «остатков». Далее проверялось нормальное распределение «остатков» (См. Рис. 5). График имеет вид близкий к «колоколообразной» форме.

Следует добавить, что результаты анализа нормального распределения динамики цен на овес за соответствующие периоды аналогичны анализу нормального распределения цен на рожь.

Данные результаты показывают, что результаты применение методов статистического анализа ко всему периоду 1707–1801 гг., а также для периода с 1766–1801 г., требуют более скептического отношения. Напротив, данные динамики хлебных цен за период 1707–1765 гг., а также данные ряда «остатков» за период 1707–1801 гг. можно считать адекватными для применения к ним методов статистического анализа.

Литература:

1. Ковальченко, И. Д. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. /И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. — М.: Наука, 1974. — 413 с.
2. Миронов, Б. Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.) /Б. Н. Миронов. — Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. — 302 с.
3. Миронов, Б. Н. Хлебные цены в России в XVIII в. Дис... канд. ист. наук: В 2 ч.:07.00.02. Л., 1969. — Ч. 2: Приложение. — 156 с.

Некоторые аспекты повседневной жизни работников сферы общественного транспорта Башкирской АССР в 1950–1991 гг.

Самородов Дмитрий Петрович, доктор исторических наук, профессор;

Матвеева Венера Раилевна, аспирант

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

Данная статья представляет собой небольшой обзор таких аспектов повседневной жизни работников сферы общественного пассажирского транспорта как уровень заработной платы, культурно-просветительная работа, меры поощрения труда, система обучения и повышения квалификации и др. В ходе подготовки статьи использовались материалы интервью с людьми, являвшимися работниками сферы транспорта и других сфер жизни общества на территории Башкирской АССР в изучаемый период.

Советский период в развитии исторической науки характеризовался приматом марксистско-ленинской философии, на которой базировался общепризнанный формационный подход. В связи с этим в центре внимания историков находились вопросы экономического и политического развития общества. За границами изучения оставался главный предмет исторической науки — человек. С крушением советского государства и основного методологического подхода у историков значительно расширился круг рассматриваемых вопросов. В частности, в последнее время особую популярность приобрела социальная история и одно из ее направлений — история повседневности. В рамках выбранной тематики исследования особую актуальность приобретают неосвещенные аспекты повседневной жизни работников сферы общественного пассажирского транспорта.

Главной особенностью менталитета людей советского времени была ориентация на коллективизм, взаимное уважение и поддержку. Согласно выделенным приоритетам развивался и водительский коллектив автотранспортных хозяйств и контор (из личной беседы со Светличным И. В., Туктаровым У. З., Юмагузиным Ф. Ф., Усмановой З. М., Зимариным Г. Г., Ибрагимовой Ф. Я., Матвеевой Т. И.). В этом же русле велась работа по обучению и воспитанию водителей. Так, в Правилах дорожного движения 1972 г. оказание помощи другим водителям и доставка в лечебное учреждение пострадавших при дорожно-транспортном происшествии вменялось в обязанность водителю [8, с. 7].

Работа сотрудников транспортной сферы являлась довольно сложной. Газета «За пятилетку» привлекала внимание к ненормированности труда водителей, работающих по 15–18 часов в сутки и приводила пример шофера Пичушкина, который вел автобус из Бирска в Стерлитамак и из-за утомления вздремнул за рулем, что привело к перевертыванию автобуса [6, с. 3]. Подобная ситуация существовала и в среде работников других видов общественного транспорта. Рабочий день водителей и кондукторов начинался в 5 часов утра. Около 5:30–5:55 ч. общественный транспорт выходил на линии. Перед выходом на линию необходимо было успеть пройти медицинский осмотр, согреть транспорт, а также получить допуск у механика. Первая

рабочая смена продолжалась до обеда, а в некоторых случаях до 15:30. Вторая смена, начинаясь в обед заканчивалась в 12:00–1:30 ч. ночи. График работы был скользящим — 1 рабочий день, затем 2 выходных (из личной беседы с Царьковой З. М., Масютиным Н. С.). Ремонтные рабочие работали даже в ночное время (из личной беседы с Туктаровым У. З., Светличным И. В.). В одном из выпусков газеты «Стерлитамакский рабочий» приводится соответствующий случай о замене коробки переключения передач автобуса автоколонны №1576, которую произвели вечером, сразу же после подачи заявки на ремонт водителем, еще до 12 ч. ночи того же дня [11, с. 1]. Судя по заметке упомянутой газеты, режим работы ремонтной бригады и в ночное время был принят с 1959 года [12, с. 2].

Заработная плата работников общественного транспорта соответствовала тяжелым условиям труда. Средняя заработная плата водителя автотранспортной сферы колебалась в пределах от 140 до 350 рублей, водителя троллейбуса от 110 до 400 рублей, ИТР — от 170 до 210 рублей. В то время как прочие работники автотранспортных предприятий получали средняя заработную плату в размере от 55 до 120 рублей. Для сравнения заработная плата работников производственной сферы составляла от 116 до 200 рублей [2] (из личных бесед с Гимадеевым Р. Х., Вергуновым В. А., Гильметдиновым Б. Б., Сердюк А. В., Ибрагимовой Ф. Я., Мусалымовым К. Н. и др.). Следует отметить, что размер заработной платы увеличивался в связи с количеством отработанных часов, выполнением и перевыполнением плана, повышением уровня обслуживания пассажиров, отсутствием случаев аварийности, а также при выдвижении рационализаторских предложений.

Проиллюстрировать уровень реальной заработной платы может помочь уровень цен на основные продукты питания, стоимость услуг ЖКХ и транспорта. Стоимость проезда в автобусе составляла 6 копеек, в троллейбусе — 5 копеек, в трамвае — 3 копейки. Стоимость аренды квартиры равнялась 10 рублям в месяц, 1 кВт электроэнергии — 1 копейке. Стоимость основных продуктов питания составляла: хлеб — 20 копеек, молоко — 8 копеек за литр, колбаса вареная «докторская» — 2 рубля 20 копеек (самая дорогая из колбас), сырок плавленый — 14

копеек, сгущенка — 30 копеек, конфеты 1 кг — 1 рубль 3 копейки. Таким образом, заработная плата работников сферы общественного транспорта являлась достойной и обеспечивала минимальные потребности ее обладателей.

Существовавшая система обучения и повышения квалификации кадров была одинаковой для всех видов транспорта. Так, механики и слесари-электрики троллейбусного управления изучали механическое и пневматическое оборудование троллейбусов на техминимумах, проводимых в самом депо. С 1964 г. водители троллейбусов начали изучение электрического и механического оборудования троллейбуса ЗИУ-5, систему осмотра и ремонта подвижного состава и т. д. Обучались также и кондуктора [7, с. 30]. После прохождения учебы проводилась стажировка будущих водителей с определенным временным нормативом и последующей сдачей экзаменов. И только после успешного прохождения стажировки и сдачи экзаменов они допускались к перевозке пассажиров на линии. Обучение кондукторов было короче по времени, но проходило по такой же системе (из личной беседы с Царьковой З. М., Разваляевой Н. Н.). Кроме этого приветствовалось обучение сотрудников в вечерних и заочных институтах, школах рабочей молодежи, профтехучилищах и т. д. [1, л. 27].

Подготовку проходили не только водители и кондуктора, но и другие сотрудники — диспетчера автохозяйств и автостанций, троллейбусных и трамвайных депо, билетные кассиры и линейные контролеры с целью повышения культуры обращения с пассажирами и улучшению обслуживания населения. Курсы подготовки включали в себя практические и теоретические занятия с последующей сдачей экзаменов и/или зачетов [4].

Следует сказать о том, что курсы подготовки водителей автобусов имели свою специфику. На курсах шоферов обучали не только правилам вождения, но и изучали историю партии, русский язык, физику и математику [5, с. 4].

С полной уверенностью можно говорить о существовании мер поощрения трудящихся, реализовавшиеся в виде денежных премий и надбавок, ценных подарков, почетных грамот, объявлении благодарностей, а также вывешиванием фотографий на Доску почета и занесением имен в Книгу почета (из личной беседы с Ахметвалиевой А. В., Бондаренко В., Гильметдиновым Б. Б., Царьковой З. М., Усмановой З. М., Сердюк А. В., Рябий С. И., Разваляевой Н. Н., Мусалымовым К. Н. Таракиной О. И., Масютиным Н. С. и др.). Так, в 1963 г. в Уфимской автоколонне № 1225 было объявлено 65 благодарностей, 10 человек занесено на Доску почета, награждено Почетной грамотой — 23, награждено ценными подарками — 250 [15, л. 30]. В то же время существовали взыскания за явку на работу в нетрезвом состоянии, за невыход на работу, за присвоение выручки, аварии и прочее. В целом за 1963 год наиболее распространенными в Уфимской автоколонне являлись такие нарушения, как выход на работу в нетрезвом виде и присвоение государственной выручки — 16 и 15 случаев соответственно [15, л. 30]. Нарушения существовали и в других предприятиях рес-

публики. Например, в Стерлитамакском троллейбусном управлении в 1968 г. было зафиксировано 5 прогулов, а также 2 явки на работу в нетрезвом состоянии. Все нарушения трудовой дисциплины обсуждались на собраниях рабочих и служащих, цеховых комитетах, а также на товарищеском суде [1, л. 14, 27].

Естественным для советского времени было социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий пятилеток и семилеток, в связи с чем давались коллективные социалистические обязательства и проводились проверки выполнения коллективных договоров [15, л. 32–34, 63–65, 68, 89–95, 98], а также существовали коллективные и индивидуальные соревнования (из личной беседы с Усмановой З. М.). В соревновании участвовали все работники автопредприятий — водители, ремонтные рабочие, кондуктора, инженерно-технические работники и служащие. Соревнования проходили под девизами «Ни одного отстающего рядом», «За безаварийную работу», за звание «Лучшая бригада автоколонны», «Ударник коммунистического труда», «Лучший по профессии», «Водитель образцового обслуживания», «Бригада образцового обслуживания», «Маршрут образцового обслуживания» и т. д. По итогам соревнования победителям вручались переходящие вымпелы, проводилось денежное премирование и награждение почетными грамотами, ценными подарками и пр. Условиями победы в соревновании служили выполнение поставленного государством плана, социалистических обязательств по коллективному договору, отсутствие нарушений трудовой дисциплины, аварий и производственных травм, нарушений правил дорожного движения, соблюдение финансовой дисциплины, экономия горюче-смазочных материалов, а также участие в общественной жизни коллектива [3, л. 3–5].

Троллейбусное управление Стерлитамака также участвовало в социалистическом соревновании [1, л. 27–28]. В данной сфере существовали всякого рода смотры, конкурсы и т. д. Одним из таких являлся смотр безопасности движения с вручением Почетных грамот, значков «За работу без аварий». Также существовал смотр по культурному обслуживанию пассажиров [7, с. 51].

Что касается наличия льгот и привилегий для работников сферы транспорта, то они были довольно разнообразными. Кузнецы, карбюраторщики, газосварщики, медики, вулканизаторщики, маляры по окраске автобусов обеспечивались спецпитанием, с 30 декабря 1960 г. рабочим полагалась выдача спецодежды. Однако по данному вопросу бывали задержки, в связи с отсутствием спецодежды на базах [15, л. 31]. Кроме того, работники автохозяйств обеспечивались теплой одеждой на зимний период [9, л. 68–69]. Водителям и кондукторам автобусов и троллейбусов выдавалась форма, включающая куртку, две рубашки, брюки для мужчин и юбку для женщин, галстук, фуражку, жакет, а также кондукторскую сумку (для кондукторов). Как отмечали респонденты, водители и кондуктора были похожи на стюардесс и пилотов

самолетов (из личных бесед с Царьковой З. М., Усмановой З. М., Гимадеевым Р. Х., Сердюк А. В., Рябий С. И., Разваляевой Н. Н., Зимариным Г. Г., Мусальямовым К. Н.). Также существовала система выдачи путевок в санатории и дома отдыха, а для детей организовывались направления в пионерские лагеря (из личной беседы с Ахметвалиевой А. В., Бондаренко В., Вергуновым В. А., Царьковой З. М., Усмановой З. М.). В области культурно-массовых мероприятий проводились коллективные выходы в театры, политинформация один раз в неделю, беседы, были организованы красные уголки, имеющие наглядную агитацию, газеты, журналы, настольные игры и др. [15, л. 31], что было весьма распространенным явлением. Как отмечает Туриянова О. Н., организация красных уголков, изготовление лозунгов, плакатов и стенгазет осуществлялись при каждом учреждении, предприятии и общежитии [13, с. 56–57]. Например, в Салаватском пассажирском автотранспортном предприятии «по инициативе профсоюза для оздоровления работников в 1973 году в районе Зиргана построили турбазу «Красный Яр», куда еженедельно выезжали на отдых все желающие» [14, с. 66.], «в 1987 г. был сдан в эксплуатацию санаторий-профилакторий «Экспресс» на 75 мест» [14, с. 66]. Также следует сказать о наличии в советское время художественной самодеятельности. «Непременно все праздники проводятся с участием художественной самодеятельности, которая на предприятии существует с начала 70-х годов» [14, с. 67]. Также не оставались без внимания вопросы физической культуры и спорта: «Футбольная, волейбольная команды участвовали в городских соревнованиях, занимали призовые места» [14, с. 67].

Большинство респондентов утверждали, что в их опыте не было случаев когда автобусы проезжали мимо оста-

новок. Однако в одной из газет «Стерлитамакский рабочий» за 1981 г. приводится случай, когда автобус маршрута №16 проехал мимо остановки «Дом быта». Хотя автобус полон, причина проезда была другая. Кондуктору показалось, что не все пассажиры, вошедшие через передние двери оплатили проезд, и она пригрозила пассажирам, что автобус проедет остановку если так называемые «зайцы» не оплатят проезд. В итоге автобус проехал мимо остановки [10, с. 4]. Приведенный эпизод подтверждает утверждения респондентов о том, что кондуктора имели большой вес в сфере общественного транспорта. Кондуктора имели право выгонять безбилетных пассажиров. Если такие случаи происходили большинство пассажиров оказывало кондуктору моральную поддержку. Существовала также целая система по воспитанию так называемого «зайца» — в комсомольскую организацию отправлялось письмо с описанием его проступка, после этого проводилось собрание, на котором обсуждалось поведение данного пассажира. Также о безбилетном пассажире могла выйти статья в сатирической газете «Комсомольский прожектор», что являлось очень постыдной славой для ее виновника (из личной беседы с Гимадеевым Р. Х., Гимадеевой С. А., Гизатуллиной К. Х.).

Таким образом, отличительной чертой советской эпохи было моральное спокойствие граждан, уверенность в завтрашнем дне, а также стабильность повседневной жизни. Работники сферы транспорта являлись наиболее материально обеспеченным слоем населения наравне с рабочими заводов, а в некоторых случаях превосходили их в раз- мере заработной платы. Как и в других сферах жизни широкий размах имела культурно-просветительная и воспитательная работа, меры поощрения труда и социальной поддержки.

Литература:

1. Архивный отдел администрации ГО г. Стерлитамак. Ф. 83. Оп. 1. Д. 55.
2. Архивный отдел Администрации муниципального района Белорецкий район. Ф. 239. Оп. 1-Л. Д. 257. Л. 3,5,7,12,20,23,39,40,66; Ф. 239. Оп. 1-Л. Д. 29. Л. 1, 9, 10.
3. Ведомственный архив СПАТП — ФЛ ГУП «Башавтотранс» РБ. Справка-характеристика. 1987 г.
4. ГА РФ. Ф. А-398. Оп. 1. Д. 933.
5. За пятилетку. 28 мая 1936 г. №88 (1068).
6. За пятилетку. 8 сентября 1937 г. №137 (1322).
7. Попов, В. А. Стерлитамакскому троллейбусу 50 лет. Очерк истории 1961–2011 гг. Стерлитамак: «Юрактау плюс», 2011. — 158 с.
8. Правила дорожного движения. М.: Издательство «Советская Россия», 1972. — 64 с.
9. РГАЭ., Ф. 315. Оп. 1. Д. 1.
10. Стерлитамакский рабочий. 17 февраля 1981 г. №33 (9826).
11. Стерлитамакский рабочий. 7 января 1981 г. №4 (9797).
12. Стерлитамакский рабочий. 7 июня 1959 г. №69 (4354).
13. Туриянова, О. Н. Досуг городского населения Башкирской АССР в послевоенные годы (1945–1953) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — №11 (265). История. Вып. 50. — с. 56–60.
14. Фахреев, Н. К., Исламов З. З., Воробьев П. М. Крутой подъем (История создания и развития пассажирского автотранспортного предприятия). Салават: ГУП ИПК МВД РБ «ТИПОГРАФИЯ им. Ф. Э. Дзержинского», 2000. — 139 с.
15. ЦИА РБ. Ф. 1329. Оп. 3. Д. 199.

СОЦИОЛОГИЯ

История социальной службы в России

Крупчина Елена Васильевна, аспирант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

История социальной защиты в России своими корнями уходит в глубокую древность. У восточно-славянских племён она носила форму помощи старикам, больным и детям, регулируемой родом. Об этом свидетельствует славянская мифология и религиозные культы. Можно выделить три основные формы помощи данной группе людей: 1) выделение «косячка», т. е. выделение старикам земель, лёгких в обработке; 2) «кормление по договорам», т. е. дряхлых, немощных стариков и детей брала на поруки и кормила родовая община; 3) старика поочерёдно кормили и содержали семьи данного рода [1, с. 44].

С возникновением классового общества формы социальной защиты стали носить правовой характер. С возникновением у восточных славян государства (8–9 вв.), объединившего восточно-славянские племена, возникают новые формы социальной помощи, частично закреплённые в первых правовых актах. Русские князья, нередко занимались благотворительностью ещё до принятия Русью христианства. Уже в договорах с Византией, были зафиксированы акты благотворения о выкупе рудичей из плена за счёт казны, при Киевских князьях Олеге и Игоре (9 в.).

Великий Киевский князь Владимир Святославович, крестивший Русь, издал Устав в 996 г., регулирующий помощь нуждающимся, со стороны государства и церкви. Объектами помощи признаются: старики, сироты, вдовы, монахи, калики перехожие, странники, «хромцы», «слепцы», юродивые и блаженные [4, с. 91].

С 10 по 13 в., сформировались новые формы помощи: прокормление, лечение и научение, при церквях и монастырях на княжеские и церковные средства. При монастырях создаются странноприимные дома и больничные кельи, в том числе для неизлечимо больных. В период татарино-монгольского ига возросла роль Церкви в оказании помощи вдовам, сиротам, калекам. С ликвидацией татарино-монгольского ига появились такие формы помощи как приходы, раздававшие милостыню. Появляются светские благотворители из числа господствующего класса напр., бояре А. Ордин-Нащокин, Ф. Ртищев и др. [2, с. 330].

В Московском царстве с 17 в. появляются Приказы, такие как: Патриарший, Казённый, Аптекарский, Большого Дворца и Полоняничный, которые оказывали социальную помощь малоимущим и неимущим слоям населения.

При Петре 1 социальная служба наполнилась новым глубоким содержанием. Особое место занимает Именной указ № 1856 от 8 июня 1701 г., который положил начало созданию в России целой системы социальной помощи и защиты, малоимущих слоёв населения, имеющих правовую основу. В соответствии с сетью изданных указов в России, большие нищие определялись в богадельни. На содержание призываемых выделялись средства из патриаршей домовою казны; малоимущие получили право получать пособия из государственных средств; для раненных солдат открывались госпитали [4, с. 204]. К 1724 г. в Российской империи насчитывалось более 90 богаделен, в которых призревало свыше трёх тысяч человек. На протяжении всего 18 в. работа государства по социальному призрению развивалась и возрастала. Например, появились сиротские дома, в которых содержались дети-сироты. В 1775 г., в связи с территориально-административной реформой, поделившей Российскую империю на 51 губернию, особым распоряжением императрицы Екатерины 2, предписывалось в каждой губернии учредить Приказ общественного призрения, в обязанности которого входило: организовывать больницы, сиротские дома, аптеки, богадельни, дома для неизлечимо больных, дома работные и др. [4, с. 198].

Прогрессивным шагом в деле социального призрения было открытие 14 октября 1806 г. в Павловске, опытного училища для глухонемых. Учеников обучали не только грамоте, но и ремёслам. Также в 1806 г., в Гатчине было открыто училище для слепых детей. Позже такие школы открывались во многих губерниях. В 19 в. стали открываться учебные заведения «общины красного креста», по подготовке младшего и среднего медицинского персонала, обслуживающего госпитали и больницы. Первая такая община была открыта в Санкт-Петербурге в 1844 г. и называлась Свято-Троицкая. Кресто-Воздвиженская

община, созданная по инициативе Николая Ивановича Пирогова, прославилась своим подвижническим трудом в годы Крымской Русско-Турецкой войны и при обороне Севастополя. В 19 в. распространённым явлением было создание благотворительных комитетов, обществ, попечительских советов для оказания разносторонней помощи сиротам, инвалидам, престарелым и неимущим людям. Эти организации существовали на частные пожертвования богатых людей и представителей правящей династии Романовых [2, с. 329].

Огромную роль в социальной защите населения сыграла земская реформа, проведённая Императором Александром 2. Земства проводили в жизнь социальную политику в своём регионе, создающую условия для развития социального благополучия населения во всей Империи. Благодаря такой социальной политике в Российской Империи за 30 лет число людей, получающих помощь от государства, достигла 12 млн. человек. Число богаделен увеличилось в 5 раз, сиротских домов возросло в 1,5 раза [3, с. 104]. Появилась профессия, названная земскими уполномоченными, что явилось прообразом современных социальных работников, обслуживающих бедных, инвалидов и престарелых людей. В городах функционировали городские думы, проводившие в жизнь социальную политику государства. Создавались территориальные системы попечительства, которые выявляли социально-незащищённых лиц и определяли им формы социальной защиты. На оказание социальной помощи выделялись средства из бюджета попечительских советов. Работа попечительских советов была многогранной, в частности:

- содействие в помещении больных, слабых и малолетних в учреждения призрения;
- содействие в поиске работы и заработка;
- выдача единовременных денежных пособий, а также постоянных денежных пособий социально-незащищённым слоям населения;
- организация работных домов и домов трудолюбия и др. [1, с. 119].

По всей Российской Империи в пореформенной России создавались приюты, школы, хутора-приюты, дома призрения, церковно-приходские школы, учебные заведения для глухонемых и слепых детей. Большой вклад в социальное попечительство внесли Российские Императрицы: Мария Александровна — жена Александра 2 и Мария Фёдоровна — жена Александра 3. Многие представители господствующего класса, также занимались благотворительностью, например, семья промышленников Бахрушиных открыла в Москве городскую больницу, приют и колонию для беспризорных. К началу 20 века в Российской Империи насчитывалось приблизительно 15 тыс. благотворительных учреждений [1, с. 220].

Во время правления Временного правительства, с марта по октябрь 1917 г., начало функционировать Министерство государственного призрения, которое продолжило деятельность по социальной защите населения. В ноябре 1917 г., был образован Народный комиссариат

государственного призрения РСФСР, который принял все дела, имущество и денежные средства, прежних благотворительных ведомств и органов общественного призрения. В апреле 1918 г. этот Наркомат был переименован в Народный комиссариат социального обеспечения, потому что старое название говорило о том, что социальная помощь носит форму милостыни что, по мнению новой власти, унижает человеческое достоинство неимущих слоёв населения.

В первые годы Советской власти был утверждён территориальный принцип оказания социальной помощи. Советская власть продолжила работу по выплате пенсий и пособий по инвалидности, материнства и детства. Огромная работа велась по борьбе с беспризорностью, лучшие педагоги были привлечены к этой работе. Самым ярким примером является педагогическая деятельность Антона Семёновича Макаренко.

С образованием СССР в 1922 г. государственная система социального обеспечения расширилась и усложнилась. В частности, Общество слепых, Общество глухих, Кооперация инвалидов, Крестьянское общество взаимопомощи стали работать, как самостоятельные хозяйственные единицы в системе социального обеспечения. В 20–30 годы все трудящиеся получили право на бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование, всеобщее право на пенсии по старости и инвалидности.

В годы ВОВ сложилась карточная система распределения продуктов среди населения, что позволило прокормить население на неоккупированных территориях Советского союза. Денежные выплаты получали семьи военнослужащих, а инвалиды войны получали пенсии и бытовую помощь. Особую заботу проявляло государство о детях фронтовиков, для них в городах организовывали бесплатные столовые, например, в г. Ташкенте.

В 1946 г. в Советском союзе было создано Министерство социального обеспечения, которое сформировало патерналистскую модель социальной защиты. Государственными гарантиями были охвачены все основные аспекты жизни общества вплоть до 1992 года. Важнейшей гарантией со стороны государства было право на труд и устойчивое получение дохода, хотя и в небольших размерах. В 60-е годы многие советские граждане получили от государства новые квартиры. Однако при всех плюсах Советской социальной системы, проявились и минусы такие как: рост иждивенческих настроений среди населения; снижение ответственности граждан за результат труда; ограничение личной инициативы в труде; множество запретов в общественной системе и другие. Всё это вызвало необходимость проведения социально-экономических реформ, однако реформы, проводимые во второй половине 80-х и в 90-е годы, привели к ликвидации Советской власти и развалу СССР. Практически вся сложившаяся система социального обеспечения рухнула, что привело к значительному снижению уровня жизни населения, снижению рождаемости и превышению смерт-

ности над рождаемостью и другим негативным последствиям. Возник огромный разрыв между уровнем доходов самых богатых граждан РФ и большинством населения страны. Шоковая терапия, проводимая правительством, приведшая к гиперинфляции, к росту безработицы, привела к резкому социальному расслоению населения. За чертой бедности оказалось 2/3 населения РФ. Однако были и положительные нововведения по социальному обслуживанию населения, например в 90-е годы в РФ возникла сеть социальных учреждений по обслуживанию на дому, престарелых и инвалидов. Наглядным примером такого учреждения является «Краснодарский комплексный центр социального обслуживания населения», возникший в 90-е годы и называвшийся КЦСО «Берег» вплоть до августа 2014 г. [3].

В настоящее время социальной политикой в РФ руководит Министерство труда и социальной защиты [1]. Во всех субъектах РФ существуют Министерства и ведомства, осуществляющие руководство социальным

обеспечением на местах, например, в Краснодарском крае оно называется Министерство социального развития и семейной политики, в настоящее время им руководит Е. С. Ильченко [2]. В г. Краснодаре в каждом районе имеется своё государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения, своего округа. Эти учреждения выполняют многогранную работу по социальному обслуживанию, куда входят: обслуживание инвалидов и престарелых на дому; социально-медицинское обслуживание инвалидов и престарелых; культурно-массовая работа с лицами только что вышедшими на пенсию; психологическая реабилитация лиц преклонного возраста и многое другое. Большинство социальных работников имеют специальную подготовку в высших и средних учебных заведениях.

В целом в РФ система социальной защиты населения развивается и совершенствуется по мере нарастания экономической мощи РФ и совершенствования её политической системы.

Литература:

1. Жуков, В. И. История социальной работы: учебник/под ред. В. И. Жукова. — М.: Изд-во РГСУ, 2011. 400 с.
2. Кузьмин, К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России: Учебное пособие. — М.: Академический Проект; Трикста, 2005. 624 с.
3. Мельников, В. П., Холостова Е. И. История социальной работы в России: Учебное пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. 344 с.
4. Фирсов, М. В. История социальной работы: Учебное пособие для высшей школы. — М.: Академический Проект; Трикста, 2004. 608 с.
5. government.consultant.ru/page.aspx?1616437 (дата обращения 05.09.2014).
6. Министерство социального развития и семейной политики Краснодарского края. www.sznkuban.ru/history1.html (дата обращения 05.09.2014).
7. ГБУ СО КК «Краснодарский КЦСО «Берег». e.xasom.ru/company/1843469 (дата обращения 05.09.2014).

Миграционная политика Скандинавских стран как фактор трансформации современного скандинавского общества

Полина Владимировна Лашенко, аспирант, соискатель
Мурманский государственный технический университет

В 80-е и 90-е годы миграция в гуманитарных целях и воссоединение семей были основными направлениями миграции в Швеции. В связи с ограничением по набору кадров 1968 г. миграция рабочей силы не являлась приоритетным направлением, и изменения в достаточно строгой миграционной политике не предпринимались до 2006 г. Тогда правительство предложило новую стратегию, которая вступила в силу 15 декабря 2008 г.

Законопроект 2008 г. стал первым в серии мер, направленных на улучшение условий трудовой миграции. Предыдущая система включала избыточное количество структур, занимавшихся расчетами кадрового дефицита

и выдачей разрешений на работу. Из-за этого реальный дефицит не соответствовал тому, что был указан в отчетах и других документах. Введенная в 2008 г. система позволила работодателям нанимать выходцев из стран третьего мира, если на рабочие места не были набраны шведы или жители других стран-членов ЕС. Наниматели получили право самостоятельно принимать решения о трудоустройстве в соответствии со своими нуждами. Ограничений на то, сколько иммигрантов будет на рынке труда, в настоящее время нет [2, с. 118].

Для мониторинга потребностей рынка труда, таких, как найм иммигрантов или работников с определен-

ными навыками, предыдущим правительством была создана специальная комиссия. Главной причиной реформы 2008 г. было «в первую очередь, признание того, что кадровый дефицит не может быть восполнен шведскими работниками или работниками из стран ЕС. Во-вторых, в связи со старением, меньше людей трудоспособного возраста в ближайшем будущем могли обеспечивать подрастающее поколение» [1].

В результате, с 2008 г. увеличилась миграция рабочей силы, в особенности увеличился поток из стран третьего мира. Тем не менее, большую его часть составляют миграция по семейно-бытовым обстоятельствам и по политическим причинам. Миграция из ЕС/ЕЭЗ оставалась относительно постоянной в 2005–2010 гг. (около 18000–19000 тыс. в год). В целом, количество иммигрантов достигло почти 100000 чел. в 2009, по сравнению с 40000 чел. всего лишь десять лет назад, в 1999 г. Шведское правительство признает, что меры по стимулированию иммиграции рабочей силы в Швецию являются лишь дополнительными, и в целом, они направлены на увеличение занятости и расширение партнерских отношений [1].

Гельмут Шмидт, германский канцлер в 1974–1982 гг. считает, что нынешняя европейская миграционная политика наряду с мультикультурностью и массовой иммиграцией из отдаленных развивающихся стран, приведет к перенаселенности, которая, в свою очередь, подтолкнет к этническим чисткам. Шмидт полагает, что иммиграция неевропейского населения, по сравнению с иммиграцией из стран с более близкой культурой, несет для народов Европы отрицательные экономические и социальные последствия. Такая ситуация в максимальной степени относится к Швеции, которая, по сравнению с другими западноевропейскими странами, отличается сравнительно радикальной миграционной политикой: Швеция принимает у себя беженцев и трудовых иммигрантов. Договоренность правительства с партией «зеленых» по проведению миграционной политики бросает тень на власть и, в особенности на то, как премьер-министр представляет себе демократию.

В 2009 г. Ф. Рейнфельдт признал, что альянс с зелеными по ключевому вопросу миграции стал ответом «Шведским демократам» и их избирателям. В ежедневной шведской газете «Aftonbladet» была опубликована критически направленная статья публициста Г. Келлерстада «Альянс за Швецию»: «Намек премьера-министра был абсолютно прозрачным — если в Риксдаге появятся депутаты от ПШД, то иммиграция многократно возрастет. Не демонстрирует ли это, что премьер — министр не уважает не только своих избирателей и демократию, но и электорат собственной Умеренной партии. Премьер — министр подтвердил своё презрение и ненависть к шведской нации и шведскому народу! Сейчас вряд ли есть альтернатива Шведским демократам в борьбе за свободную Швецию. Они не имеют отношения к этническим националистам, но, тем не менее, являются поборниками швед-

скости, открытой внешнему миру. Лучшей альтернативой на выборах станет партия, защищающая права этнических шведов! Швеции требуется сила, аналогичная уже существующим в мире партиям: венгерским националистам из объединения «Jobbik» или «Золотому рассвету» в Греции» [3, с. 17].

Цель интеграционной политики в Швеции — это равные права, обязанности и возможности для всех, независимо от этнической или культурной принадлежности.

Цели политики должны быть достигнуты, в основном, за счет общих мер для всего населения, независимо от страны рождения или этнического происхождения. Общие меры сопровождаются целенаправленной поддержкой иммигрантов в их первые годы пребывания в Швеции.

В сентябре 2008 г. правительство определило общую стратегию интеграции вплоть до 2010 года. Стратегия выделяет семь областей, которые особенно важны для достижения цели:

- более быстрая адаптация приезжих;
- увеличение рабочих мест, большее количество предпринимателей;
- равенство в школе и улучшение школьных показателей;
- улучшение языковых навыков и расширение возможностей для обучения взрослых;
- эффективные меры против дискриминации;
- развитие городских округов с социальной изоляцией;
- развитие общих ценностей при возрастающем разнообразии.
- главный упор в стратегии делается на увеличение спроса и предложения рабочей силы, а также на создание качественных и равных условий обучения в школах.

В Швеции каждый министр, каждое министерство и каждый государственный орган отвечает за проблему интеграции в рамках своих полномочий.

Например, Министерство труда отвечает на вопросы относительно интеграции на рынке труда, а Шведская государственная служба занятости оказывает поддержку всем безработным, независимо от социального положения.

Министерство интеграции и гендерного равенства, под руководством министра Ньямко Сабуни, координирует работу правительства по интеграции. В его обязанности входит:

- помощь прибывшим в Швецию в адаптации;
- выдача шведского гражданства;
- борьба с дискриминацией и расизмом;
- пропаганда демократии и прав человека;
- развитие городских округов с обширной социальной изоляцией;
- наблюдение и оценка в области интеграции.

Муниципалитеты занимаются многими вопросами, которые важны для интеграции. Например, муниципальные органы, осуществляющие интеграционную политику, от-

вечают за обучение и за планирование жилых районов. Основная ответственность за здоровье и медицинские услуги лежит на районных советах регионального уровня. Окружные административные советы представляют центральный правительственный орган в регионах. Они способствуют развитию в области интеграции путем координации работы центральных государственных учреждений, муниципалитетов и окружных советов.

Проанализировав общественное мнение Швеции и Норвегии по вопросам миграционной политики в Скандинавии, можно сделать вывод, что правительство проводит миграционную политику, не учитывающую интересы народа. Такая политика подразумевает вытеснение этнических скандинавов, эскалацию национального и расового вопросов в Швеции и Норвегии. Кроме того, так называемая трудовая иммиграция означает дополнительное бремя на экономику скандинавских государств. Это становится очевидно, если проследить развитие шведской промышленности за последние сорок лет. Классические шведские предприятия, сконцентрированные в металлургии и лесной промышленности, увеличили свою производительность путем модернизации.

Это привело к тому, что по сравнению с 1970 г. уменьшилась потребность в персонале. Хорошим примером служит целлюлозно-бумажный комбинат в г. Бурлэнге, район Кварнсведен: в 1988 г. количество сотрудников составляло 1100 человек, а в 2012 г. их стало примерно 800. Похожая ситуация складывается на сталепрокатных и сталелитейных заводах фирм SAAB, AvestaJernverk и Uddeholm StripSteel. Одним из крупнейших в Европе предприятий по производству труб является завод StorforsBruk в Вэрмланде, выпускающий нержавеющие бесшовные трубы. Здесь развитие производства кажется просто невероятным: если в 1977 г. было около тысячи сотрудников, то сейчас, при значительно возросшем выпуске продукции, количество работников составляет около 400 человек. Опираясь на эти факты и учитывая, что шведская промышленность переносит производство в другие страны, представляется неоправданной идея о необходимости трудовой иммиграции в скандинавских странах. В таком случае, чем она мотивирована?

Увеличение предложения на рынке рабочей силы в условиях высокой безработицы, приводит к снижению заработной платы.» Более того, обратите внимание, как своеобразно обращается шведское государство с иммигрантами: вводится законодательство и принимаются директивы для бирж труда и муниципалитетов по увеличению так называемого этнического разнообразия. Это чистая дискриминация коренного населения. Массовая иммиграция — это реальность, но её вряд ли можно оправдать тем, что в перспективе она обернется благом для населения страны, когда как сейчас эти честолюбивые планы продавливаются под эгидой всеобщей цели в рамках стабильного развития. В близкой исторической перспективе демографическое развитие Швеции представляет собой катастрофу: в 1977 г. население соста-

вило 8,1 млн. чел., а несколько лет назад оно равнялось 9 млн., в то время как прогнозы на 2018 г. дают цифры в 10 млн. Основная причина — у нас оставляют иммигрантов из стран третьего мира; у них очень высокая рождаемость, которая оказывает значительное влияние на демографию» [3, с. 17].

Сейчас уровень рождаемости в Швеции и Норвегии значительно возрос и приблизился к показателям стран Африки и Ближнего Востока. Происходит это в основном за счет естественного прироста иммиграционного населения, в основном из Ирака и стран бывшей Югославии. Социологические и демографические исследования показывают, что если существующая тенденция продолжится, то этнические шведы, в течение одного-двух поколений станут меньшинством. Таким образом, миграционная «экспансия» в Швецию и Европу приводит к тому, что местное население подвергается всё большей физической ассимиляции и вырождению.

Если предполагается рост населения Швеции до 50 миллионов жителей, то тогда придется увеличить энергопотребление и заметно возрастет импорт продуктов питания. Сможет ли Швеция выдержать такую экспансию? Правые партии Швеции и Норвегии называют аморальным поощрение переселение из богатых природными ресурсами районов Африки и Ближнего Востока в уже переполненную людьми Европу.

Всплеск роста населения в странах третьего мира означает демографическую угрозу для Европы. Массовая иммиграция из стран третьего мира в более богатые регионы не решит глобальную проблему бедности. Положение Северной Европы под угрозой миграционных потоков стало результатом деятельности политиков высшего ранга, не увязывающих себя ни с одной нацией, ни с одним народом. В данном контексте важно упомянуть Бильдербергскую группу, состоящую из политических деятелей, журналистов, финансистов и промышленников, которые с 40-х гг. проводят ежегодные закрытые совещания и общественность не знает, что на них происходит. На повестке дня подобных встреч стоит глобализация и демонтаж наций, а также право на самоопределение народов.

Мы наблюдаем большие геополитические последствия их деятельности — массы беженцев из Ирака и других стран вследствие ошибочной американской внешней и оборонной политики полностью управляются мощными экономическими группами. К ним относятся АIPAC и другие сионистские организации, контролируемые Израилем. Эти группы не ощущают недостатка в финансовых средствах. Результатом их работы стала дестабилизация целых регионов: Сирии, Ирака, Сомали и др. [3, с. 17].

Реформа для более быстрой адаптации новоприбывших играет особую роль в поддержке беженцев и их семей, а также их защите. Осенью 2009 г. правительство представило законопроект реформы в этой области. Правительство хотело бы использовать эту реформу,

чтобы ускорить адаптацию к рабочей и социальной жизни. Таким образом, увеличится мотивация для социальной активности и работы, а разделение ответственности между органами будет более точным, и навыки переселенцев будут использованы эффективнее, чем раньше. Тезисами проекта были следующие положения:

- государство с помощью шведской государственной службы занятости будет координировать внедрение мер. Основная ответственность лежала ранее на муниципалитетах;

- шведская служба занятости обязана составить индивидуальный план адаптации совместно с новоприбывшим. Этот план основан на полученном образовании и опыте работы индивида и обязательно должен содержать курсы шведского языка, гражданской ориентации и мероприятия по подготовке к трудоустройству;

- повсеместно будет введено пособие для переселенцев. Это пособие будет выплачиваться иммигрантам, участвующим в программе адаптации. Пособие предусматривает выплаты в размере заработной платы на протяжении адаптационного периода;

- будет введена новая должность — консультант по вопросам адаптации, в чьи обязанности входит оказание помощи переселенцам в поиске работы. Консультант руководствуется инструкцией Службы занятости. Иммигранты могут выбрать консультанта самостоятельно;

- те новоприбывшие, для которых был составлен план адаптации, принимают участие в гражданской ориентации.

Эти реформы будут регулироваться в специальном законодательстве. В соответствии с решением шведского парламента, риксдага, реформа вступит в силу 1 декабря 2010 г.

Меры по предотвращению дискриминации имеют высокий приоритет в работе правительства по интеграции. С 1 января 2009 г. в Швеции вступил в силу новый закон о борьбе с дискриминацией. Введение нового закона позволило систематизировать предыдущий опыт законопроектов об антидискриминации, внедрившихся в разных областях общества.

Цель состояла в том, чтобы создать более эффективную, прозрачную регулятивную структуру по борьбе с дискриминацией. Новое наказание — компенсация за дискриминацию — было включено в закон, который должен компенсировать преступления в результате дискриминации и удерживать людей от дискриминации в отношении других. В то же время, когда закон вступил в силу в начале этого года, 4 омбудсмена, занимавшихся проблемой дискриминации, объединились для работы в одном департаменте.

В большинстве крупных городов Швеции есть городские районы, где значительной является проблема изоляции приезжих. Многие иммигранты, недавно переехавшие в Швецию, живут в этих районах. Чтобы разделить ответственность муниципалитетов и государства

в отношении развития в городских районах, где существует изоляция, правительство заключило ряд соглашений о развитии с 21 крупными муниципалитетами.

Правительство поручило полицейским властям, Шведскому управлению социального страхования и Шведской службе занятости поддерживать партнерские отношения с муниципалитетами, которые подписали соглашения о развитии. Цель партнерства — эффективная координация работы учреждений и муниципалитетов в городских округах.

Правительство создало центры поддержки в девяти городах, где особенно распространена изоляция иммигрантов. Их функции — индивидуальная поддержка, например, при открытии собственного бизнеса и помощь в его ведении.

Новые центры поддержки связаны с агентствами сервиса и сотрудничества, уже существующими в муниципалитетах. В 2008 г. правительство приступило к работе по увеличению вовлеченности населения в решение вопросов, касающихся демократии и прав человека. В качестве первого шага инициатива была направлена на поддержку некоммерческих организаций и работу над диалогом по вопросам базовых ценностей.

Диалог основывается на вопросах прав человека, и рассматривается вопрос о том, как мы можем построить общество, развитие которого характеризуется взаимным уважением различий в пределах, определяемых основными демократическими ценностями общества.

Правительство выделило в общей сложности 6 млн. шведских крон для налаживания диалога об общих ценностях на период 2009–2011 гг. В 2008 г. правительство создало организации для поддержки деятельности по борьбе с расизмом и других форм нетерпимости, например, антисемитизмом, исламофобией, афрофобией. 6 млн. шведских крон в год выделяется на эти меры.

В 50-е, 60-е и 70-е многие иммигранты приехали в Швецию из Финляндии, Южной Европы и Турции на заработки. С 1970 г. в Швецию с тали приезжать беженцы, сначала из Латинской Америки и Восточной Азии, а впоследствии из стран Ближнего Востока и Африки. С тех пор, как Швеция вступила в Евросоюз в 1965 г., увеличился поток иммигрантов из других стран ЕС и ЕЭЗ.

Большинство иммигрантов живут в Швеции уже более десяти лет, и около 60% являются гражданами Швеции. В целом, иностранные граждане могут обратиться за шведским гражданством, прожив в Швеции пять лет. В течение одного года, приблизительно один из десяти иностранных граждан, проживающих в Швеции, получил шведское гражданство.

В последние годы, Швеция приняла больше иммигрантов, чем когда-либо прежде в своей истории. В течение 2008 г. в общей сложности 90021 чел. получили вид на жительство или зарегистрировали право на проживание в Швеции.

Первые партии и общественные организации Скандинавии предлагают свое решение данной острой соци-

ально-политической проблемы. По их мнению, необходимо немедленно остановить массовую иммиграцию и сейчас же прекратить «мультикультурный эксперимент над обществом». Ситуация в Швеции настолько щекотливая, что непреложной необходимостью становится как можно быстрее разработать программу массовой репатриации. Такая программа должна сочетаться с экономической и технической помощью странам, которые будут сотрудничать в рамках её реализации. В пример приводится Германия при Гельмуте Коле, правительство которого осуществляло реэмиграцию вьетнамцев, которым выделили каждому по 100000 марок и они вернулись во Вьетнам. По их расчетам, Швеция сможет предложить от 200000 до 500000 иммигрантам экономическую помощь в размере 200000 крон на человека, из общего выделяемого бюджета в 100 миллиардов крон. «В выигрыше окажутся не только этнические шведы и все получатели пособий на реэмиграцию, но и население Земли в целом. Возьмем, например, Сомали, которая считается самой бедной страной — здесь есть громадные запасы природных ресурсов: железной руды, урана, каменного угля, стратегических минералов, а также тяжелого шпата» [4, с. 181].

Швеция приближается к отметке 600000 мусульман, проживающих легально на территории государства. Мусульманское население составляют 6,05% населения Швеции и 4,59% Дании. Рассматривая данные из официального регистра имён в Швеции, мы можем увидеть, что количество мусульман на 1998 год — 284000, составляющих 3,21% от общей численности населения. За период с 1998 по 2011 год, число мусульман стало в два раза выше. Это означает, что более 41% прироста населения Швеции с 1998 по 2011 год, состоит из мусульманской иммиграции и естественного прироста мусульманского населения страны. В Дании, мусульманская часть при-

роста населения 1998—2012 значительно ниже, на уровне чуть более 33% прироста населения [5].

Мусульманское население Дании в 1998 году было 153000 человек, что составляет 2,88% от общей численности населения. Таким образом, за исследуемый период доля мусульман в Дании возросла до 4,59%. Ни в Швеции, ни в Дании не публикуется официальная статистика по количеству мусульман. Тем не менее, анализ миграционной ситуации возможно произвести, ознакомившись с количеством людей, носящих то или иное имя. Статистика показывает, что на 1 января 2012 года, было 50697 датских мужчин и мальчиков с именем Йенс и 43258 по имени Генри. Али носили 3776 человек, а так же зарегистрировано 3717 Мухаммедов (так же Мухаммад, Махмуд). В Швеции, две самых популярных имени в 2011 году Ларс (98435 человек), а затем Андерс (81562 носителей). По официальным данным за 2010 г., в Мальмё третье самое популярное имя новорождённого Мухамед, а Али на шестом месте. Тенденция популярности этих имён прогрессирующая. Данные свидетельствуют о том, что рост мусульманского населения продолжает увеличиваться и в Дании и Швеции (авторы IngridCarlqvist, LarsHegegaard). Для Швеции, по оценкам министерства миграции, в ближайшие два года мусульманская иммиграция составит 174500 человек, которая образует три основные группы: мигранты из Сирии, Сомали и Афганистана.

Проанализировав общественное мнение Швеции и Норвегии по вопросам миграционной политики в Скандинавии, можно сделать вывод, что правительство проводит миграционную политику, не учитывающую интересы народа. Такая политика подразумевает вытеснение этнических скандинавов, эскалацию национального и расового вопросов в Швеции и Норвегии. Кроме того, так называемая трудовая иммиграция означает дополнительное бремя на экономику скандинавских государств.

Литература:

1. Beviljade uppehallstillstand till adoptivbarn efter medborgarskap 1980—2009/<http://www.migrationsverket.se/pdf/filer/statistik/tabs7.pdf>
2. Ederlund, L. From immigration policy to integration policy. — Stockholm, 2007. — 235 p.
3. Kellerstad, H. Allians för Sverige: rösta på en svart? // Aftonbladet. Fredag 12 September 2013, Stockholm.
4. Med eller mot strömmen?// Arbetarrörelsens arkiv. — Stockholm, 2012. — 219. s.
5. Statistic om Stockholm. English Edition. 2009—2013. <http://www.statistikomstockholm.se/index.php/statistics-in-english>

Влияние национального менталитета казахов на формирование (конструирование) семейных ценностей

Узакова Салима Андромасовна, аспирант;

Шергалиева Манар Туребековна, аспирант

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

Цель статьи — показать влияние исторически сложившихся национальных особенностей и традиций казахов на формирование менталитета и семейных ценностей, которые до сегодняшнего дня сохранили свою значимость.

Ключевые слова: менталитет, конструирование, семейные ценности, культура, жузы, этносы, обычаи, традиции, религия, шежире

Исследование национальных, культурных особенностей народов различных регионов мира сегодня представляют особый интерес в свете изучения проблем специфики взаимодействия и взаимовлияния культур евразийского континента. В этом аспекте интерес представляют и Казахстан с его особенностями проявления национальной культуры и менталитета.

Попытки понять, чем же отличаются друг от друга народы и их культуры, что особенного есть в конкретном народе являются естественной потребностью человечества осознать факт культурного разнообразия на планете. Как известно, восприятие внешнего мира у представителей различных народов может иметь некоторые особенности и своеобразные черты. Так, своеобразие социально-экономических, географических условий Казахстана не могли не оказать определенного влияния на формирование своеобразного психического и эмоционального склада казахов, выработки определенных оттенков в характере восприятия мира, в образе мышления и поведении.

Соответственно, для выделения особенностей этнического сознания используется понятие *менталитета* или образа и способа мышления личности или общественной группы, а также присущая им духовность и ее социальная и биологическая обусловленность; склад ума, мировосприятие. На менталитет человека, безусловно, оказывают влияние разные факторы: среда обитания, климат, географический ландшафт, общество, религия, обычаи и традиции, природа в целом, но наиболее существенно влияет географическая среда. Также ментальные особенности разных этносов определяются их генетическими качествами. Так, менталитетом казахской нации является ее открытость, дружелюбие, гостеприимство, незлопамятность и т.д. «Генетическими чертами казахского народа, — пишет Н. Назарбаев, — является открытость и доброта души, готовность обогреть, поделиться тем, что имеет, с нуждающимися. Ни к кому и никогда он не испытывал и не проявлял чувства неприязни «или превосходства, никогда не служил источником межнациональных конфликтов» [1].

Развитие и становление этических и нравственных понятий у предков современных казахов происходило по-

степенно, на протяжении веков. Периодически они видоизменялись в связи с возрастающими духовными потребностями людей, сменой их идеалов и общественно — социальных установок. Как известно, на протяжении многих веков казахская культура относилась к кочевому типу культуры. Кочевой образ жизни, который вели племена, составившие затем этнонациональное образование под именем «казахи» — это не только специфический быт или особый способ ведения хозяйства, но и уникальная способность духовного освоения мира. На протяжении длительной истории жители степных просторов накопили богатый опыт в области обучения и воспитания подрастающего поколения, выработали своеобразные обычаи и традиции, правила, нормы и принципы поведения человека.

С детских лет у казахов формировалось и воспитывалось уважение к старшим, что являлось естественным ответом на заботу родителей. Обращение к старшим допускалось только на «Вы», но это несколько не отдаляло детей от родителей, а наоборот способствовало их почитанию. Например: невестка обращалась к отцу своего мужа (свекру) со словами *ата, көке*, к старшему брату — *агай*, к младшим братьям — *мырзага*, а всем пожилым, старшим по возрасту, даже незнакомым людям следовало говорить *апеке, агеке, атеке, шешей*. Подобное общение считалось нравственным эталоном, который и по сей день сохранил свою значимость. Имеется немало примеров радушия и гостеприимства казахов во все времена. В этом отношении особенно показательной и наглядной является давняя дружба казахов с другими народами. В настоящее время в Казахстане проживают более ста различных национальностей. Многие люди были эвакуированы сюда в тяжелые годы Великой Отечественной войны и остались здесь, обретая новую родину на гостеприимной казахской земле. Многочисленные казахские семьи, готовые поделиться всем, что имели сами, удочеряли и усыновляли сирот.

Описания национального менталитета казахов «извне» — глазами путешественников, этнографов, начиная с XIX века, чаще всего идут в унисон содержанию множества пословиц, поговорок, например, о гостепри-

имстве, о родоплеменных отношениях, об отношении казахов к старшим, к женщинам и детям. Почти все путешественники и исследователи Великой Степи отмечали приветливость и гостеприимство казахов. Известный этнограф XIX века А. А. Диваев писал: «С прибытием в Туркестанский край в 1876 г. мне пришлось сталкиваться с кочевым населением, т. е. казахов — киргизами, этими в высшей степени симпатичными, гостеприимными и доверчивыми племенами...», которые даже в разгар родовой борьбы, по мнению другого путешественника и исследователя П. П. Семенова — Тянь-Шанского, оставались верны «священному обычаю гостеприимства» [2]. Согласно древним традициям, любого путника полагалось дружелюбно встретить, пригласить в юрту, угостить, не спрашивая его ни о чем. Лишь после еды можно было поинтересоваться, кто он и откуда. Право заводить подобные разговоры предоставлялось хозяину дома и то лишь исключительно после того, как путник отдохнет после дальней дороги. Казахская народная мудрость учит: «Не напоив путника, не спрашивай о деле».

Одной из ведущих семейных традиций у казахов является знание своей родословной, своего генеалогического древа (шежира), что всегда было характерно для кочевников в их стремлении продолжать род, развивать обычаи и традиции своего рода. Во многих семьях хранились реликвии, которые передавались из поколения в поколение, от отца к сыну. Таким образом, ребенку с детства внушалось почитание и уважение к своим предкам и своему роду. Не случайно казахские пословицы гласят: «Незнание своей родословной до седьмого колена — признак сиротства», «Пока живы знавшие отца — жива и память о нем». Базовой основой казахской картины мира называют родоплеменные связи президент РК Н. Назарбаев: «Уникальное родоплеменное, кланово-жузовое единое тело казахского народа веками органично разрасталось по принципу: все казахи — плечики одного «Гнезда», ветви одного дерева, одного корня. Вот откуда сознание единства народа, которое по европейским канонам должно было бы отсутствовать у разрозненных кочевников, разделенных на три основные части — жузы, к тому же отстоящих друг от друга на большие расстояния. И это единство воспринималось именно через родословную. В этом проявляется генетическое единство казахов, происхождение из единого генеалогического древа. Казахи-кочевники всегда считали обязательным знание своих корней и родовых связей. Это было возведено до единого для всей нации морально-этического критерия. Так было всегда в нашей истории» [3]. Как и многим другим народам, казахам издавна было известно о вреде межродственных браков, ведущих к появлению неполноценных потомков. Поэтому во всех жузах строго соблюдался экзогамный запрет на браки до седьмого колена от общего предка по мужской линии.

Казахский народ имеет множество прекрасных и самобытных этнических обрядов и торжеств, связанных с молодежью: выбор невесты, сватовство, вступление в семейную жизнь. Казахам всегда отличало серьезное от-

ношение к проблеме создания семьи и стремление к тому, чтобы она была прочной. Брачный союз у казахов считался священным и должен был быть нерушимым. Народные казахские обычаи не были так строги к женщинам, как традиции других восточных этносов. Девушки могли свободно принимать участие в праздниках, скачках, айтысах и т. д. Это способствовало более широкому общению с окружающими, в частности, с представителями противоположного пола, возникновению симпатии, дружбы, влюбленности и даже любви. Юноши и девушки одного рода считали и называли друг друга братьями и сестрами, что способствовало установлению гармоничных взаимоотношений. Совместное участие в айтысах, праздниках, молодежных играх сближало молодых людей и делало их общение естественным и раскрепощенным. В целях укрепления рода существовал обычай сватовства детей еще с колыбели — *бесік құда* или *қарсы құда*. Умудренные жизненным опытом родители сами подыскивали достойную пару своим детям. Принималось во внимание материальное благосостояние, взаимоотношения между семьями и родовая принадлежность [4].

Конечно же, ислам не мог изменить в одночасье менталитет кочевника. Изменению подверглись слова, но не мысль. Небо слилось с идеей Аллаха, но уважение к Солнцу, Луне, Небу, звездам осталось. Более того, сохранились обряды их культуры. Кочевая жизнь неразрывно связала кочевника с природой, поэтому культ Природы будет сопровождать всю его жизнь через традиции, обычаи, ритуалы. Каждый человек, к какой бы нации или народности он не принадлежал, должен обладать такими общечеловеческими качествами, как совесть, чувство долга, справедливость, доброта, милосердие, честность и т. д. Эти положительные черты составляют основу жизнедеятельности всего человечества [5].

Если подвести итоги то к основным чертам менталитета казахской нации нужно отнести — открытость, гостеприимство, незлопамятность и дружелюбие, почитание семейных устоев. Казахам отличает от общих масс населения нашей планеты невероятная сплоченность, душевная доброта, готовность обогреть теплом, подарить ласку и, наконец, поделиться с нуждающимся. Никогда и ни к кому казахи не питали ненависти, неприязни или превосходства — такие чувства чужды этому мягкому и полному внутренней гармонии народу. С детства казахам прививали своим детям уважение к старшим, поэтому мудрейший в роду — непоколебимый авторитет. Однако и взрослые с должным уважением и неземной любовью относятся к детям — даже в самые суровые времена отцы и матери заботились о своих чадах, при этом женщины рожали столько наследников и наследниц своим мужьям, сколько им даровал возможность Бог. Также говоря о менталитете казахов, несправедливо было бы не отметить понимания как взаимоподдержка и взаимопомощь, также свойственные этому народу.

Таким образом, семейные ценности казахов основывались на знании родовых связей, и сегодня социальную поли-

тику нынешняя государственная идеология Казахстана пытается выстраивать именно на них. В целом, современные описания казахского менталитета, казахской национальной идеи, полны, прежде всего, перечисления положительных

черт. Это в целом объяснимо, поскольку часто подобные публикации выполняют определенный социальный заказ: ставят своей целью укрепить «национальный дух», вывести «национальную идею», с воспитательными целями и пр. [6].

Литература:

1. Назарбаев, Н.А. Казахстан — 2030: Послание Президента страны народу Казахстана // Казахстанская правда. — 1997. — 11 октября — с. 9–13.
2. Еркибаева, Г.Г. Некоторые особенности казахского менталитета [Электронный ресурс]// (дата обращения: 26.05.2014).
3. Назарбаев, Н.А. В потоке истории. Алматы, 1999: изд. Атамур. [Электронный ресурс]// (дата обращения: 28.05.2014).
4. Диваев, А.А. Исчисление времени по киргизскому стилю с обозначением народных примет», «Небесные планеты по воззрениям киргиз», «Киргизские описания солнца, находящегося на небесах». //Исчисление времени по киргизскому стилю с обозначением народных примет. — Бишкек, 1975. с. 23.
5. Казахи: менталитет и традиции// газета INTERNET. ZONA 30.06.2010 г.
6. Ламажа, Ч.К. Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии// Научный журнал НИТ №3, 2013. Номады азиатского материка.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Кто такой сценарист?

Бубенкова Мария Викторовна, аспирант, преподаватель
Челябинская государственная академия культуры и искусств

Статья представляет собой рассуждение на тему профессии сценариста. Концепция автора о сущности сценарной деятельности выстроена по аналогии «трёх лиц» режиссёра (по В.И. Немировичу-Данченко). Профессию сценариста, по мнению автора, можно определить следующими «лицами»: сценарист-энциклопедист, сценарист-укротитель, сценарист-волшебник, сценарист-поэт.

Ключевые слова: сценарное мастерство, драматургия театрализованных представлений и праздников, профессия сценарист, сущность сценарной деятельности.

Кто такой сценарист? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, что когда-то В.И. Немирович-Данченко написал о том, что режиссер — «существо трехликое»: режиссер-толкователь; режиссер-зеркало; режиссер-организатор всего спектакля [2, с. 256]. Исходя из подобной аналогии «трёх лиц», можно попытаться расширить образно-содержательное понимание *и профессии сценариста*. Не обязательно претендуя на амплуа режиссера, он, на наш взгляд, помимо прочих творческо-организационных качеств, должен выступать в метафорическом образе: и энциклопедиста, и укротителя, и волшебника.

В статусе *энциклопедиста* его знания в определенной степени должны опираться на достижения самых различных отраслей наук, таких, к примеру, как культурология, история; и искусства. Он, безусловно, должен иметь определенное представление о достижениях и методах создания произведений разных видов искусств; о репертуаре современных художественных коллективов; ориентироваться в шедеврах мировой культуры, знать основные события и имена выдающихся личностей, представляющих отечественную и зарубежную культуру; кропотливо подбирать и изучать интересные исторические факты, способные раскрыть идею сценария. В совокупности это дает возможность сценаристу придумывать интересные, неожиданные сочетания художественных образов для раскрытия идеи будущего театрализованного представления, решать эпизоды ежегодно повторяющегося праздника по-разному.

Энциклопедичность знаний сценариста подчеркивают многие специалисты и исследователи сценарного мастерства, например, Н.П. Шилов. По его словам, «уникальную драматургическую ситуацию» в сценарии

театрализованного представления создаёт то, что «художественный материал может свободно взаимодействовать с документальным». [4, с. 21] Уместно упомянуть и выражение Поля Валери, мудрого французского литературоведа и эссеиста, «Лев состоит из съеденной баранины» [1, с. 106]. Толкование этого высказывания применительно к сценарному мастерству также можно найти в книге Н.П. Шилова: «Что бы ни питало ум, воображение и фантазию сценариста (баранина), он создаёт нечто новое по отношению изученному материалу, оставаясь в творчестве самим собой (львом)» [4, с. 21]. Таков оригинальный способ написания сценария.

Есть и другой — компилятивный (не путать с формальной компиляцией), который по своей сути ещё больше предполагает обладание сценариста энциклопедическими знаниями. «Сценарист подбирает документы (тексты, аудио-видеоматериалы), художественные произведения или фрагменты из них (стихи, отрывки из прозы, вокальные, инструментальные и хореографические концертные номера) и в соответствии со своим замыслом стыкует их, используя так называемый эффект монтажа. Возникает сценарий, который называют компилятивным» [4, с. 21].

В образно-метафорическом статусе *сценариста-укротителя*, ему, во-первых, необходимо «укротить» огромное количество материала, документального и художественного, чтобы использовать и выстроить его в соответствии с логикой развития *идеи* конкретного театрализованного представления. Во-вторых, ему важно и нужно укротить не только содержательный и творческий опыт, приобретенный плеядой его многопоколенных предшественников, но и «укротить толпу» здесь и сейчас, то есть заинтересовать, продумать управление вниманием зри-

теля, предугадать его реакцию, вызвать необходимую эмоцию. В этой связи И. М. Туманов замечает, что сценарист — это «профессионал, который знает законы массовых праздников и предугадывают реакцию зрителей» [3, с. 11].

В образно-метафорическом статусе *волшебника* львиная доля работы сценариста, как нам представляется, — это всё-таки работа со словом. И здесь суть его творчества в том, чтобы «обычное превратить в необычное» (создать образ). «Волшебство» в культурном пространстве художественного творчества в том и заключается, чтобы с помощью языковых средств выразительности и приёмов превратить обычный повседневный текст в «словесно-кружевную ткань». Причём, когда воспринимаешь её на слух, не просто улавливаешь и понимаешь смысл сказанного, но и удивляешься, любишь текстом, его узорами — игрой слов и смыслов, остроумными фразами и диалогами. Это новый язык, который не позволяет слушателю скучать, пропускать мимо ушей слова и фразы, так как каждая из них насыщена какой-то «интересностью», приёмом. Умелая работа сценариста заставляет слушателя следить за тем, как лексические, грамматические, фонетические ассоциативные связи слов любопытно и неожиданно выстраиваются друг за другом, создавая единый текст. То же самое «волшебство» (превращение из обычного в необычное) относится и к работе с другими средствами выразительности, присущими театру, которые сценарист планирует указать в ремарках.

Развивая мысль о ценности «волшебных превращений» обычного в необычное, приведём в качестве аргумента рассуждение В. Шкловского, помещённое в книгу сценарных тренингов. *«Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что становясь привычными, действия делаются автома-*

тическими. Так уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки... Для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень камнем, существует то, что называется искусством. Целью искусства является — дать ощущение вещи как видение, а не как указание... целью образности является перенесение предмета из его обычного восприятия в сферу нового восприятия, то есть своеобразное семантическое изменение...» [5, с. 29–30]

И, все же, выводы о трехликости сценариста, как нам представляется, немного поспешны. Есть у сценариста и ещё одно «лицо» (может быть, и душа) — поэта. Ведь прежде чем стать волшебником, нужно научиться видеть мир совершенно особенным образом, словно глазами ребёнка; замечать в окружающей нас природе, людях, в обычных ситуациях красоту, шарм, грусть или иронию; каждый день совершать открытия, *наблюдать* и впитывать, а уже затем облекать наблюдения в словесную форму, включать наблюдения в сюжет. «Наблюдательность — по «Словарю русского языка» С. Ожегова — способность замечать мелкие, ускользающие от других частности, подробности фактов, явлений» [5, с. 11]. Правда, использованное нами слово «научиться» не совсем подходит для образа сценариста-поэта. То есть, стать сценаристом-поэтом, вряд ли возможно. Им можно только быть.

Конечно, это идеальная модель. В мире множество людей занимаются профессией сценариста, но, к сожалению, не обладают всеми этими качествами. Но в этих четырёх лицах, на наш взгляд, заключается сущность сценарной деятельности в сфере театрализованных представлений и праздников.

Литература:

1. Валери, П., Об искусстве.../П. Валери. — М.: Искусство 1993. — 507 с.
2. Немирович-Данченко, В. И., Статьи, Речи. Беседы. Письма/В. И. Немирович-Данченко. — М.: Искусство, 1962. — 442 с.
3. Туманов, И. М., Режиссура массового праздника и театрализованного концерта/И. М. Туманов. — М.: Просвещение, 1976. — 88 с.
4. Шилов, Н. П., Сценарное мастерство/Н. П. Шилов. — Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2004. — 145 с.
5. Шилов, Н. П., Что должен уметь сценарист: школа и мастерская/Н. П. Шилов. — Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2008. — 158 с.

Концепт «чай» в русской и китайской картинах мира

Иванникова Алена Геннадьевна, магистрант
Томский государственный университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Томский политехнический университет

В статье рассматривается концепт «чай» как составная часть русской и китайской картин мира. Основное внимание уделяется процессам исторического становления концепта и его закреплению в культурах России и Китая.

Ключевые слова: концептуальная картина мира; концепт чай.

Поскольку язык отражает мыслительную деятельность человека, ментальность человека может быть изучена посредством анализа языковых структур. Картина мира, отраженная в языке, называется языковой. Она является результатом интерпретации человеком действительности и закреплена в таких материальных объектах, как языковые знаки. Помимо языковой картины мира, существует концептуальная КМ, которая состоит из мыслительных фреймов — концептов, которые также имеют своё лексическое выражение [2, С. 117].

При изучении картин мира Китая и России невозможно обойтись без рассмотрения концепта «чай», который отличается высокой культурной маркированностью в каждой из стран, в результате чего формируются коррелирующие концепты «чай»/«cha».

Как отмечает В. В. Воробьев, «национальное можно постичь только в сравнении с другим национальным», следовательно, главным методом нашего анализа стал сопоставительный подход, включающий в себя лингвосопоставительные и культуросопоставительные процедуры, позволяющие определить особенности концепта «чай» в русской и китайской лингвокультурах.

Согласно автору статьи «Традиции чаепития в России» Спиридонову И. Н., первоначально традиции чаепития были сформированы богатейшими сословиями XVIII—XIX веков — аристократами и купечеством. Эти традиции целью своей имели выставить напоказ благополучие и зажиточность хозяев. Чай пили исключительно из фарфоровой посуды, часто с молоком. Чаепитие представляло собой довольно длительный процесс, за раз люди выпивали по несколько кружек чая, поэтому было неудобно каждый раз заваривать новый чай, вследствие чего крепкий чай заваривался один раз, а потом разбавлялся кипятком в кружках. Чай часто сопровождался пирожными, сладостями, мёдом, вареньем и т. д. Помимо этого, чай любили пить с лимоном или молоком, зачастую добавляли в него сахар [7].

Российский чёрный чай делился на следующие сорта [4]:

— **Букет** — чай самого высокого качества с типсами.

— **Экстра** — чай высокого качества с типсами, однако чуть менее ароматный, чем «Букет».

— **Высший сорт** — чёрный листовый чай из верхних листьев, достаточно высокого качества.

— **Первый сорт** — чёрный листовый чай с добавлением побегов, не такой качественный, как высший сорт.

— **Второй сорт** — чай низкого качества из материала машинной сборки с большим количеством побегов.

Также производился и зелёный чай. Однако качество российского чая значительно уступало его китайским аналогам, поэтому потребители были по-прежнему ориентированы, главным образом, на импортный чай [3].

Традиции чаепития прочно осели в русской культуре, что можно утверждать по художественным произведениям многих авторов, в которых неоднократно описывается данный ритуал как неотъемлемая часть быта русского человека. К примеру, в поэме «Евгений Онегин» Александр Пушкин пишет о чае как обязательном элементе принятия гостей, проведения балов:

«Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал» [6].

Иван Гончаров в романе «Фрегат «Паллада» представил довольно подробную характеристику особенностей чаепития русских и других народов. Писатель искренне удивлялся «варварским», по его мнению, обычаями других стран:

«У нас употребление чая составляет самостоятельную, необходимую потребность; у англичан, напротив, побочную, дополнение завтрака, почти как пищеварительную приправу; оттого им всё равно, похож ли чай на портер, на черепаший суп, лишь бы был черен, густ, щипал язык и не походил ни на какой другой чай. Американцы пьют один зелёный чай, без всякой примеси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смеются, что мы пьем, под названием чая, какой-то припорный напиток. Китайцы сами, я видел, пьют простой, грубый чай, то есть простые китайцы, народ, а в Пекине, как мне сказывал отец Аввакум, порядочные люди пьют

только жёлтый чай, разумеется, без сахара. Но я — русский человек и принадлежу к огромному числу потребителей, населяющих пространство от Кяхты до Финского залива, — я за пекое: будем пить чай не с цветами, а цветочный чай и подождём, пока англичане выработают своё чутьё и вкус до способности наслаждаться чаем rekoeflower, и притом заваривать, а не варить его, по своему обыкновению, как капусту».

Помимо этого, Иван Гончаров в данном произведении отражает взаимосвязь между особенностями климата России и любви русских к чаепитию:

«Впрочем, всем другим нациям простительно не уметь наслаждаться хорошим чаем: надо знать, что значит чашка чаю, когда войдёшь в трескучий, тридцатиградусный мороз в теплую комнату и сядешь около самовара, чтоб оценить достоинство чая» [1].

Традиции чаепития сохранились и поныне, и хотя на столах современных российских граждан и не присутствует самовар, но чай — это неотъемлемый атрибут приема пищи. Кроме того, чай — это обязательный элемент гостеприимства. Россияне рады угостить чаем всякого гостя, бывает, что даже и незнакомого.

Общезвестно, Китай является родиной чая. Прародителем слова «чай», существующего сейчас в каждом языке, является китайский термин «cha». Видов чая очень много, но лишь немногие иностранные исследователи действительно разбираются в культуре чая. Этим обусловлен тот факт, что на настоящий момент нет материалов на русском языке, посвященных исследованию чая. Таким образом, за материал для исследования были взяты такие китайские источники, как: 陆羽《茶经》, «茶典» (Лу Юй «Трактат о чае», «Чайный канон»), 周文棠《茶道》 (Чжоу Вэнь «Путь чая»), 王旭烽《中华茶文化随笔》 (Ван Сюй Фэн «Китайская чайная культура») и т. д.

Согласно наскальным надписям народности 布朗族 [bulang zu] булан, традиция выращивания чайного дерева берёт своё начало с 696 г. н. э. и на сегодняшний день насчитывает более 1300 лет.

Исследователь Чхэн Юй в своей работе «История чая в Китае» отмечает, что китайский чай делится на **6 основных видов**:

西湖龙井 xi hu long jing — зелёный чай;

祁门 qi men — красный чай;

普洱 pu'er — чёрный чай;

安吉 an ji — белый чай;

铁观音 tie guan yin — бирюзовый чай;

银针 yin zhen — жёлтый чай [11].

普洱 [pu'er] «пуэр» является одним из 10 видов чая, наиболее известных в Китае. Данный вид чая обладает самой долгой историей в Китае, он абсолютно справедливо считается «прародителем» всех видов и сортов чая, существующих на сегодняшний день в Китае. Название 普洱 [pu'er] «пуэр» происходит из языка малой народности 哈尼族 [hani zu] хани, проживающей в провинции Юньнань. Данное название имеет значение «亲切家园» [qin qie jia yuan] — «родной дом» [13].

Во время правления династий Мин и Цин чай «пуэр» стал центром «древнего чайного пути», он распространялся как по всему Китаю, так и за границу: во Вьетнам, Мьянму, Таиланд и даже в Европу. До сих пор чай является своеобразным мостом, связующим китайскую культуру с европейской цивилизацией [10].

Культура чая в Китае занимает всё более видное место в мировой культуре и способствует популяризации китайской культуры и истории в мире. Однако на сегодняшний день многие чайные термины так и не переведены с китайского языка, в связи с чем мы можем привести только их описательный перевод. К таким терминам относятся, например, следующие:

生普洱 sheng pu-erh — шэн-пуэр, молодой (сырой, зелёный) пуэр, подвид чая пуэр;

熟普洱 shu pu-erh — шу-пуэр, состаренный (выдержанный, зрелый, чёрный) пуэр, подвид чая пуэр;

杀青 shaqing — «фиксация зелени» (этап приготовления зеленого чая: остановка окисления для сохранения зеленого цвета);

散茶 sancha — чай на развес;

沱茶 tuocha — прессованный чай в форме чаши (гнезды, купола);

饼茶 bingcha — прессованный чай в форме блина (диска), «чайный блин»;

七子饼 qizibing — семь прессованных блинов чая;

茶板 chaban — чабань, чайная доска (инструмент чайной церемонии) и т. д. [12].

Как описывается в книге китайского автора 陆羽 «茶典» (Лу Юй «Чайный канон»), с древних времён в Китае существует множество различных способов приготовления чая — это и чай для ежедневного чаепития, и для особых случаев (такая чайная церемония называется «功夫茶» [gong fu cha] «гун-фу ча», где 功夫 [gong fu] «гун-фу» означает «высшее мастерство», а 茶 [cha] «ча» — «чай»). Участвующие в данной церемонии люди наслаждаются так называемыми «4 достоинствами чая»: формой листа, цветом, ароматом и вкусом. Для создания особой атмосферы чаепития приглашается особый человек — ведущий церемонии [9].

Кроме того, китайцы выделяют несколько видов особых обстоятельств для чаепития:

«表示尊敬» [biaoshi zunjing] «Знак уважения». В китайском обществе принято выражать почтение старшим, предлагая чашку чаю.

«家庭相遇» [jia ting xiang yu] «Семейная встреча». Совместные чаепития являются важной частью семейных встреч родителей и детей, покинувших отчий дом.

«道歉» [dao qian] «Извинение». Традиционно принятие извинений в Китае сопровождается подношением чая.

«婚礼时向父母表示感谢» [hunli shi xiang fumu biaoshi ganxie] «Выражение благодарности родителям в день свадьбы». На традиционной китайской свадебной церемонии жених и невеста в знак уважения подают чай родителям, опустившись перед ними на колени.

«大家在好日的团结» [dajia zai haori de tuanjie] «Сплочение большой семьи в день свадьбы». Во время свадебной чайной церемонии молодожёны подавали чай каждому члену семьи, называя его по имени и официальному титулу. Отказаться от чая означало воспротивиться браку и «丢脸» [diu lian] «потерять лицо». [8].

При рассмотрении культурных предпосылок развития концепта «чай» мы видим, что он получил особую национально-культурную специфику как в Китае, так

и в России, что нашло отражение в русской и китайской культурах. Так, в китайских литературных источниках мы наблюдаем подробное описание сложной китайской церемонии чаепития, а в русских источниках — традиции застольного чаепития. Таким образом, можно утверждать, что благодаря культурным особенностям анализируемых стран, обычаям жизненного уклада китайцев и русских, концепт «чай» имеет особую специфику как в китайской картине мира, так и в русской.

Литература:

1. Гончаров, И. А. «Фрегат «Паллада» [Электронный ресурс]. URL: http://www.goncharov.spb.ru/p2_2/ (дата обращения: 17.12.2012).
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Похлёбкин, В. В.. Чай, его история, свойства и употребление. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vkus.narod.ru/chai/chai_01.htm (дата обращения: 18.11.2012).
4. Похлёбкин, В. В.. Чай, его история, свойства и употребление. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vkus.narod.ru/chai/chai_02.htm (дата обращения: 18.11.2012).
5. Похлёбкин, В. В. Чай. Центрполиграф, 2005. 101 с.
6. Пушкин, А. С. «Евгений Онегин» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/04onegin/01onegin/0836.htm> (дата обращения: 18.11.2012).
7. Спиридонов, И. Н. Традиции чаепития в России. [Электронный ресурс]. URL: <http://inspir52.ya.ru/4548> (дата обращения: 18.11.2012).
8. 陆羽《茶经》 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wenhua.cn/chadao/chashu/01.htm> (дата обращения: 15.02.2013).
9. 陆羽《茶典》 [Электронный ресурс]. URL: http://tea.fjsen.com/view/2011-09-22/show5882_20.html (дата обращения: 15.02.2013).
10. 李旭《九行茶马古道》 [Электронный ресурс]. URL: <http://baike.baidu.com/view/6019824.htm> (дата обращения: 16.02.2013).
11. 陈钰《中华茶之经》 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wycha.cn/a/cwh/zhcs/> (дата обращения: 15.02.2013).
12. 王旭烽《中华茶文化随笔》 [Электронный вариант]. URL: <http://wenku.baidu.com/view/f2d26f8071fe910ef12df8b8.html> (дата обращения: 15.02.2013).
13. 樊绰,《蛮书》 [Электронный вариант]. URL: <http://wenku.baidu.com/view/c5b55ad080eb6294dd886caf.html> (дата обращения: 17.11.2012).

«Здесь историческое воспоминание соединилось с памятью веры...»

(К. С. Аксаков о Радонежском крае.

К 700-летию Преподобного Сергия Радонежского)

Ласькова Анастасия Евгеньевна, соискатель
Московский государственный областной университет

Земля Подмосковья — удивительный, благодатный край, каждый уголок которого связан с многовековой историей нашей страны и может многое рассказать современному человеку. Радонежье неизменно ассоциируется с образом Сергия Радонежского и местами, исторически связанными с земной жизнью и славой этого святого. Сергиев Посад, Хотьково, Радонеж, Абрамцево... Издревле эта земля полюбилась людям искусства, лите-

ратуры, философии. Она давала духовную пищу многим замечательным представителям русской мысли, среди которых имена философов-славянофилов. Так сложилось, что Троице-Сергиева лавра и ее окрестности оказались тесно связанными с судьбой и учением этих истинных патриотов своей страны.

В 1843 году неподалеку от Хотьковского монастыря, в усадьбе Абрамцево поселилась семья знаменитого пи-

сателя — С. Т. Аксакова. Дом Аксаковых был широко известен в Москве: патриархальное гостеприимство, высота духовных стремлений, литературные интересы и неподдельная душевная открытость хозяев дома привлекали знаменитых современников, среди которых были писатели: Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, П. А. Кулиш; актер М. С. Щепкин, философы А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин и многие другие. Именно Аксаковы, купив Абрамцево, определили судьбу усадьбы на все последующие годы. Этот «мирный, уединенный уголок» стал не только местом творческого вдохновения для С. Т. Аксакова, но и колыбелью духовных исканий сыновей писателя, малой частью России, где отчетливо слышался голос прошлого и вести о судьбоносных переменах современности.

В литературе об Аксаковых часто упоминалось о некоем предопределении, благодаря которому семья приобрела усадьбу. Известно предание семьи о том, что Сергей Тимофеевич, долгожданный первенец, был назван в честь Преподобного Сергия Радонежского, которому мать писателя усердно молилась о рождении сына. Поселившись на малой родине святого, Аксаковы чувствовали свою особую связь с судьбой России. Близость Троице-Сергиевой лавры обусловила сближение и тесное общение Аксаковых с духовенством в лице деятелей Московской духовной академии. Конец 1840-х — 1850-е годы стали временем, когда духовная академия играла важную роль в жизни славянофилов. Богословские труды А. С. Хомякова получали оценку профессоров П. С. Казанского, А. В. Горского; И. В. Киреевский, работая над переводами святых отцов, получал помощь от архимандрита Леонида, протоиерея Ф. А. Голубинского. Аксаковы по воскресеньям ездили «к Троице». Они сблизились с ректором духовной академии преосвященным Саввой. Кроме этого, члены семьи встречались с Е. В. Амфитеатовым, Г. П. Смирновым-Платоновым, академическим доктором А. А. Брызгаловым, который в свою очередь сам бывал в Абрамцево. Но самым близким другом Аксаковых был, конечно, Н. П. Гиляров-Платонов, молодой профессор богословия, во многом разделявший славянофильские взгляды [3].

Но не только эти сведения интересны как свидетельства о связи славянофилов с Радонежским краем. Именно здесь, в лице простого русского крестьянства, они находили подтверждение своим общественно-политическим взглядам, в основе которых лежало мнение об особом духовном строе русского народа, обусловленном православно-славным мировидением, о соборном сознании и смирении русского человека, о природной мудрости народа как хранителя исконных традиций.

Константин Сергеевич Аксаков, старший сын С. Т. Аксакова, оставил прекрасный очерк под названием «Рассказ из деревенской жизни», в котором отразил свои впечатления от общения с радонежскими крестьянами. К. Аксаков был, пожалуй, главным глашатаем духовного потенциала народа. Жизнь в Абрамцево давала ему

возможность созерцать всю правду крестьянской жизни. Деревня для него стала образом «народной полноты жизни», хранящим «вечные начала веры и общины» [1, с. 396]. Именно в деревню призывал он бежать от искусственных манер общества, от лживости образованной «публики». Только деревенская жизнь позволяет понять оторванность высшего общества от своих культурных корней, заставляет испытать чувство вины и предательства: «<...> именно русская природа, и сверх того носящая на себе деятельное присутствие самого русского человека, носящая всюду следы его трудов <...> влагает в вас через созерцание так много мира и простоты, присущих народу и природе, им мирно возделанной, что все это гораздо поважнее текущего множества современных наших книг...» [1, с. 397], — писал Константин Сергеевич.

К. Аксаков с документальной точностью поведал о своем знакомстве с Радонежем. Манера письма, ясный и стройный слог напоминают нам автора «Семейной хроники», самого С. Т. Аксакова. Этот очерк является прекрасным образцом художественного творчества К. Аксакова, свидетельством его литературного таланта.

Первое посещение Радонежа, или села Городок произвело на К. Аксакова неизгладимое впечатление: «Широкая улица и одна церковь: вот и весь Городок. Но на нем лежит какой-то особый вид тишины и уединения; точно, Бог знает, в какой глуши, и также хорошо и тихо становится на душе. Перед глазами нашими, за близкой околицей, опять поле и опять леса. Так тихо и далеко. Так хорошо! Мир и простор» [2, с. 405]. Эта поездка Константина Сергеевича и его друзей, имен которых он не называет, по всей видимости, состоялась в начале 1840-х годов. Вероятно, Аксаковы узнали о соседстве их имения с Радонежем вскоре после покупки усадьбы. Поэтому можно говорить и о том, что эти впечатления стали опорой для дальнейших размышлений К. Аксакова в русле славянофильской идеологии.

В поисках народных преданий, рассказов о русской старине путешественники обратились к местному крестьянину. С прискорбием пишет К. Аксаков о том смущении, которое испытали они, не зная, как подойти к простому деревенскому мужику. Чувство «гражданской совести», осознание своей оторванности от судьбы народа, о котором так много рассуждали славянофилы, почувствовалось именно в этот момент, перед лицом простого русского человека: «В самом деле, подходя к крестьянину, чувствуешь, что между нами и им бездна, и что мы стали чужими друг другу: <...> Кто изменил началам русской жизни? — Мы, наше т. н. образованное общество, конечно. — И потому, всякий из нас, в ком проснулось это сознание, а вместе и гражданская совесть, невольно смущается перед образом русского народа, как обидевший перед обиженным, да еще и не помнящим его обиды» [2, с. 405].

Задав крестьянину вопрос о прошлом Городка, путники пришли в изумление: он поведал им, что прежде это был город Радонеж, в котором правил князь Андрей Ра-

донецкий. В городе было семь церквей, и крестьянин указал, где они располагались. Живо в народной памяти оказалось и предание о Преподобном Сергии, который строил в Радонеже монастырь, «да все, что днем построит, ночью то и разорится» [2, с. 406]. «Крестьянин говорил о Святом Угоднике, Сергии Радонежском так, что чувствовалось, как присутствует в его жизни живая память о нем, как близко это ему» [2, с. 406]. Константин Сергеевич сравнивал свои впечатления с открытием Америки, подразумевая, как много в русской жизни неизвестного, непознанного, как много сокровищ хранится в народной памяти!

В поисках вала, на котором должен был стоять монастырь, путники отправились за лес, к оврагу, где лежали, по словам крестьянина, Белые Боги. Белые Боги — это камни, о которых до сих пор ходят легенды. Местные краеведы и журналисты, ссылаясь на старые свидетельства путешественников, описывают это место как древнее языческое капище славян или татар, на котором стояли каменные или деревянные идолы [4; 5]. По одной из версий, Сергей Радонежский хотел поставить на месте языческого алтаря православный монастырь. Проезжавший мимо крестьянин с женой указал путникам точное расположение вала, на котором он должен был стоять. Это место возле оврага, где лежит пять камней. «На них крест, — сказал крестьянин, — говорят, святой угодник крест этот на них положил» [2, с. 406]. Но камней путешественники так и не нашли. К. Аксаков писал о том, что их будто бы использовали в строительстве, а современные краеведы предполагают, что это место меняет свое расположение, что есть свидетели, видевшие капище в разных местах.

Считается, что первым описал Белых Богов П.П. Семёнов-Тянь-Шанский, но, как видно, сведения об этом Радонежском чуде были известны К. Аксакову ранее.

Вдоволь налюбовавшись окрестными пейзажами, открывавшимися с вала, путники отправились домой, довольные своей прогулкой.

Это было не последнее посещение Городка Константином Аксаковым. Позже он познакомился со священником церкви Преображения, который говорил об особой набожности радонежских крестьян и их близости к церкви. И сам он лично не раз убеждался в этом: «Много говорил я с крестьянами Городка; не раз дивился я тому, как каждый из них знает о Св. Сергии, как близок он им, как память о нем и вера к нему живет неразлучно и постоянно с ними со всеми, со всем селом» [2, с. 407]. Все это стало ярким свидетельством одного из основополагающих славянофильских взглядов об основе русской народной жизни: «Вот основа, вот единый источник жизни Русской Земли — Вера» [2, с. 407].

В наши дни предание о Сергии Радонежском и истории Радонежья известны, в основном, краоведам-исследователям. Да и в самом Радонеже трудно теперь найти коренных жителей, знающих многовековую историю этих мест. И то, о чем говорили славянофилы, не актуально ли сегодня? Ведь именно любовь к своей малой родине, память о ее славном прошлом побуждает к созидательной деятельности на благо своей страны. «Здесь историческое воспоминание соединилось с памятью веры, и оно вечно», — писал К. Аксаков о Радонежском крае. Как было бы прекрасно, если бы это утверждение соотносилось с современной жизнью Радонежья!

Литература:

1. Аксаков, К. С. Рассказ из деревенской жизни // Молва. — 1857. — № 55. — 7 дек. — с. 396.
2. Аксаков, К. С. Рассказ из деревенской жизни // Молва. — 1857. — № 56. — 14 дек. — с. 405.
3. Андреев, Ф. Московская духовная академия и славянофилы. — Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой лавры, 1915. — 84 с.
4. Любопытнов, Ю. Радонежье: легенды и быль. Птица Сирия. — Сергиев Посад, 2006. — 143с.
5. Любопытнов, Ю. Хотьково и его окрестности. — Сергиев Посад, 2004. — 152с.

Роль наблюдения в приобретении экологического опыта в субкультуре детства (на материале произведений русской литературы XIX–XX вв.)

Суворкина Елена Николаевна, соискатель, главный библиотекарь
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье рассматривается такой элемент обыденного уровня субкультуры детства как экологический опыт, который может быть как положительным, так и отрицательным. Он не носит имитационный характер. Одним из основных способов его приобретения является наблюдение, что прослежено на материале произведений русской литературы XIX–XX вв.

Ключевые слова: *детство, субкультура детства, экологический опыт, обыденный уровень, наблюдение, ребенок, дети, литература, русская литература XIX века, русская литература XX века, система отношений, морфология субкультуры детства.*

Субкультура детства представляет собой особый мир, который базируется на идее автономизации своего пространства по отношению к Миру Взрослых, обособлении и стремлении сохранить особое Знание о мире, выраженное в обыденной практике, в тайне. Эта цель обусловлена тем, что миропонимание взрослого и ребенка различны, в связи с чем представители старшего поколения непониманием, критикой касательно каких-либо вопросов, связанных с построением картины мира, могут обидеть, оскорбить ребенка. Для того чтобы избежать подобных прецедентов, дети дистанцируются.

Важно понимать, что существование субкультурной концепции детства никоим образом не указывает на деструктивность, маргинальность подобного рода образования. Напротив, это мир, направленный на созидание, сотворчество. И. С. Кон подчеркивал, что его важно изучать «не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями» [6, с. 63].

В. В. Абраменкова определяет субкультуру детства как «все, что создано человеческим обществом для детей и детьми» (в широком смысле), и как «смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития» (в узком значении понятия) [1, с. 109].

В структуру субкультуры детства В. В. Абраменкова включает достаточно много элементов. Следует заметить, что все они создаются непосредственно детьми, образуя обыденную практику. Ученый выделяет следующие компоненты: традиционные народные игры, детский фольклор, правовой кодекс, юмор, магию и мифотворчество, философствование, словотворчество, эстетические представления детей, наделение прозвищами сверстников и религиозные представления [1, с. 110–111].

Помимо вышеуказанных структурных единиц, необходимо включить элемент, имеющий экологическую характеристику, поскольку одним из важнейших морфоло-

гических уровней вертикальной структуры субкультуры детства является система отношений «Ребенок — Окружающая среда», в которой контакт именно с природой — среди доминантных. В. А. Зebbеева данный компонент обозначает через такие понятия как: «экологический опыт», «экологическая субкультура детства», «эколого-субкультурная практика» [5, с. 3]. Примем во внимание дефиницию «экологический опыт», поскольку она более точно выражает цель и характер взаимоотношений ребенка с природой.

В. А. Зebbеева считает, что «экологическая деятельность дошкольников носит имитационный характер, поскольку она моделирует жизненную практику и направлена на овладение конкретными практическими умениями» [5, с. 4]. Но если деятельность имитационная, то она не подразумевает обязательное приобретение экологических умений, навыков.

Более того, видится ошибочным отнесение экологической деятельности детей к имитационному виду. Так, наблюдение является важным способом приобретения экологического опыта, но, следует подчеркнуть, оно не сопряжено с понятиями «подобие», «копия», «аналогия» и пр. Оно связано с субъектом. В данном контексте наблюдение имеет следствием личный опыт ребенка, который служит основанием для «открытия» мира. В «Философском энциклопедическом словаре» дается следующее определение: наблюдение это «преднамеренное и целенаправленное восприятие, обусловленное задачей деятельности» [7, с. 393]. Соответственно, экологическая деятельность дошкольников, выраженная в наблюдении в процессе приобретения экологического опыта, имеет не имитационный, а действительный характер, что позволяет приобретать им новые знания, умения.

Обратимся к примерам из русской литературы.

В романе «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунин разворачивает перед читателями панораму воспоминаний — впечатлений главного героя Арсеньева. За начальную точку автор берет период младенчества, в котором показаны первые впечатления, и что самое главное, они прочно соотнесены именно с природой. Одно из них вызвано наблю-

дением за «хлебным рыжим жучком», который запутался в колосьях: «Я освобождаю его и с жадностью, с удивлением разглядываю: что это такое, кто он, этот рыжий жук, где он живет, куда и зачем летел, что он думает и чувствует? Он сердит, серьезен: возится в пальцах, шуршит жесткими надкрыльями, из-под которых выпущено что-то тончайшее, палевое, — и вдруг щитки этих надкрылий разделяются, раскрываются, палевое тоже распускается, — и как изящно! — и жук подымается в воздух, гудя уже с удовольствием, с облегчением...» [2, с. 8–9].

Это наблюдение позволило мальчику приобрести первичные представления о насекомых, о строении этих «рыжих жучков». Следует обратить внимание, что ребенок уже задумывается, что чувствует жук, определяет его настроение — он злится, когда запутался в колосьях; он сердит, напряжен, находясь на ладони ребенка; жук удовлетворен, оказавшись на свободе, в небе. Этот факт показывает, что ребенок пытается научиться понимать других живых существ, стремится к эмпатии, что свидетельствует об осознании своего не центрального положения в мире, отсутствии явных эгоистических наклонностей.

В литературе также можно обнаружить и образцы неудачного экологического опыта. Так, в первой части автобиографической тетралогии Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмы» описывается, как неблагополучно мальчик попытался выразить свои чувства цветку, начало цветения которого все ждали и больше всего его отец. Первым это увидел Тёма: «Его сердце от радости и наслаждения сильно забилося... Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец расцвел! <...> И что это за роскошный, что это за прелестный цветок!» [3, с. 24]. К сожалению, Тёма сломал растение, пытаясь поцеловать его.

Приведенные примеры наблюдений абсолютно различны. В первом произведении показана чистая, абстрагированная от всего остального, система отношений «Ребенок — Окружающая среда (Природа)», в которой можно видеть чувства ребенка, его впечатления от приобретенного экологического опыта, нового знания. А во втором сочинении трагедия, по сути, происходит вследствие того, что связь мальчика и цветка, его наблюдение, было очень быстротечным, поскольку этот уровень мгновенно заменился воображаемой системой «Ребенок — Взрослый» (Тёма начал представлять, как он сообщит отцу эту великолепную новость, как тот в свою очередь сообщит об этом своему знакомому). Кроме того, если в первом случае наблюдение было добровольным, то во втором оно было определено отцом, который собственно и выращивал его, следил за ним. В этом случае можно говорить об имитации, подражании родителю сыном, который как бы тоже смотрел за ним. Но эта имитация в данном случае и стала роковой, поскольку если бы эта радость была личным чувством ребенка в рамках «Ребенок — Окружающая среда», то последовавшей фантазии не было. Счастье же возникло в контексте «Ре-

бенок — Взрослый», что было перекрыто системой «Ребенок — Окружающая среда (Природа)». Такое наложение систем привело к тому, что мальчик был серьезно наказан.

Во втором произведении показан не только пример неудачного экологического опыта, который, по сути, был спутан мальчиком с коммуникативным опытом, неправильным вычленением доминирующей системы отношений, определенной подмены понятий, но и продемонстрирован образец неудачного опыта экологического взаимодействия — отца и сына. В самом произведении нет указаний на то, как отец заинтересовал мальчика растением. С нашей точки зрения, мы имеем дело с ситуацией, когда самостоятельный выбор ребенка подавлялся авторитетом отца. Подобная доминанта не способствует плодотворной, свободной работе, приобретению экологического опыта. Кроме того, осуществление жестокого наказания может спровоцировать и полный отказ от стремления к этому в целом, послужить началом формирования процесса отчуждения от Природы, разрушения первичного морфологического уровня вертикали системы отношений субкультуры детства «Ребенок — Окружающая среда».

В третьем примере — романе И. С. Шмелева «Лето Господне» — наблюдение, как способ приобретения экологического опыта, осуществляется в рамках отношений «Ребенок — Иррациональные силы». Последний метасубъект можно конкретизировать в контексте православной традиции — Бог. Так, описывая природу в первый день Великого поста — Чистый Понедельник, автор в своих воспоминаниях проводит параллель между миром природы и человека и устанавливает связь каждого из них с Миром Горним. В частности, И. С. Шмелев пишет, что природа, как и человек, в этот день думает о своей греховности: «Будто и снег стал грешный. По-другому каркают вороны, словно их что-то душит. Грехи душат?» [8, с. 15].

Приведенные иллюстрации приобретения экологического опыта посредством наблюдения в субкультуре детства объединены тем, что данный процесс осуществлялся в деревне, в загородных имениях, усадьбах, где для контакта ребенка с природой больше возможностей.

Городскому ребенку сложнее получить подобный опыт во всем его многообразии. Вместе с тем парки, сады, дворы городских усадеб могли в определенной степени предоставить подобную практику.

Так, можно обратиться к повести «Детство» М. Горького, в которой события главным образом описываются с указанием конкретного места — г. Нижний Новгород. В данном произведении описание природы и, соответственно, наблюдения за ней минимизированы; доминантой выступают отношения между людьми и, в частности, «Ребенок — Взрослый». Но приведем интересный пример приобретения экологического опыта. Герой повести в лице Алексея Пешкова вспоминает момент ловли снегирей: «...Ловил долго, но красногрудые, важные

птицы не шли в западню; поддразнивая своею красотой, они забавно расхаживали по среброкованому насту, взлетали на сучья кустарника, тепло одетые инеем, и качались на них, как живые цветы, осыпая синеватые искры снега. Это было так красиво, что неудача охоты не вызывала досаду; охотник я был не очень страстный, процесс нравился мне всегда больше, чем результат; я любил смотреть, как живут пичужки, и думать о них» [4, с. 138]. Приведенная цитата свидетельствует о том, что мальчик любил наблюдать за птицами, за их поведением, повадками, любовался их красотой. Опыт, полученный в ходе наблюдений, он пытался применить на, так называемой, охоте, которая заключалась не в убийстве птиц, а в их поимке в клетки. Важно подчеркнуть, Алексея не удручала

неудача в этом отношении, — наблюдение за живыми, свободными снегирями намного больше радовало мальчика.

Таким образом, опираясь на примеры из произведений русской литературы XIX—XX веков, можно заключить, что наблюдение является важным способом приобретения экологического опыта в субкультуре детства. Оно не носит имитационный характер. В свою очередь, даже неудачный опыт дает ребенку определенное знание, которое он сможет применить в аналогичной ситуации. Экологический опыт, как элемент обыденной практики субкультуры детства, целесообразно изучать в контексте такого морфологического уровня вертикали системы отношений как «Ребенок — Окружающая среда».

Литература:

1. Абраменкова, В. В. Социальная психология детства/В. В. Абраменкова. — М.: ПЕР СЭ, 2008. — 431 с.
2. Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Роман и рассказы/И. А. Бунин. — М.: Советская Россия, 1991. — 320 с.
3. Гарин-Михайловский, Н. Г. Избранные произведения/Н. Г. Гарин-Михайловский. — Л.: Художественная литература, 1986. — 488 с.
4. Горький, М. Избранное/М. Горький. — М.: Детская литература, 1985. — 686 с.
5. Зебзеева, В. А. Эколого-субкультурные практики детей дошкольного возраста/В. А. Зебзеева // Начальная школа плюс до и после. — 2011. — №7. — с. 3–7.
6. Кон, И. С. Ребенок и общество/И. С. Кон. — М.: Академия, 2003. — 336 с.
7. Философский энциклопедический словарь/Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
8. Шмелев, И. С. Лето Господне/И. С. Шмелев. — М.: Светлый берег, 2007. — 512 с.

Деньги первых лет Советской власти

Шаброва Анастасия Дмитриевна, студент
Ульяновский государственный университет

Деньги принято рассматривать, как экономическое понятие. Между тем, деньги можно рассматривать и в культурологическом смысле. Деньги — это неотъемлемая часть нашей жизни, нашей культуры. И как всякое явление культуры они несут в себе черты этой культуры. Не только культура общества влияет на деньги, но и они (деньги) влияют на конкретную культурную среду. Особо ярко это взаимное влияние проявляется в острые, переломные моменты истории.

Большинство источников относят первые декреты власти рабочих и крестьян к тем, которые были приняты и выпущены в короткий промежуток времени, а именно в период с ноября по декабрь 1917 года. Первыми декретами, которые принял II Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов стали «Декрет о мире» и «Декрет о земле» (26 октября 1917 г.). 14 декабря 1917 года был принят «Декрет о национализации банков», который гласил: В интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения

банковой спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковым капиталом и в целях образования подлинно служащего интересам народа и беднейших классов — единого народного банка Российской Республики, Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

- 1) Банковое дело объявляется государственной монополией.
- 2) Все ныне существующие частные акционерные банки и банкирские конторы объединяются с Государственным банком.
- 3) Активы и пассивы ликвидируемых предприятий перенимаются Государственным банком.
- 4) Порядок слияния частных банков с Государственным банком определяется особым декретом.
- 5) Временное управление делами частных банков передается совету Государственного банка.
- 6) Интересы мелких вкладчиков будут целиком обеспечены.

А месяцем ранее, 7 ноября 1917 года, вооружённые матросы по решению военно-революционного комитета Петрограда заняли здание Государственного банка и, предъявив мандат, потребовали денег. В результате противостояния банковских служащих и вооружённых матросов руководство Государственного банка приняло решение о прекращении обслуживания клиентов. Большевики в качестве меры устрашения на один день арестовали управляющего банком И.П. Шипова, но эта мера не возымела надлежащего действия. Банковские служащие продолжали настаивать на том, что будут работать только по распоряжениям и документам Министерства финансов России. В конце ноября управляющий И.П. Шипов был уволен без права на пенсионное обеспечение с формулировкой: «...За отказ признать власть Совнаркома». На заседании ЦК РСДРП (б) и ВЦИК обсуждался вопрос о саботаже. В частности в саботаже были обвинены чиновники Министерства финансов и Государственного банка. ВЦИК принял резолюцию «О борьбе с саботажем чиновников Государственного банка». Резолюция предписывала Совету народных комиссаров применять самые строгие меры в борьбе с саботажем с целью его искоренения.

Большевики не могли оставить без внимания такую важную составляющую государственной жизни, как денежное обращение страны. В.И. Ленин писал: «Деньги, бумажки — все то, что называется теперь деньгами, — эти свидетельства на общественное благосостояние, действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми...» И ещё В.И. Ленин писал: «Произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки Советской власти». В самое короткое время были национализированы все акционерные коммерческие банки, общества взаимного кредита, акционерные земельные банки и всевозможные банковские конторы. Примечательно, что многие большевики отрицали необходимость существования денег при новом строе. Многие теоретики большевизма не признавали такой экономической категории, как деньги. Однако суровые жизненные реалии расставили всё по своим местам. Новому советскому правительству пришлось решать непростые вопросы экономики. Среди первоочередных задач оказались борьба с гиперинфляцией и «денежным голодом».

Первые советские деньги (денежные знаки) получили в народе наименование — «совзнаки». К появлению новых денежных знаков правительство большевиков подтолкнула сумятица и неразбериха на рынке денежного обращения, которая сложилась после Октябрьской революции 1917 года в России. В результате этой неразберихи в ходу оказались всевозможные платёжные средства. Вот только некоторые из них: краткосрочные обязательства Государственного казначейства, билеты Государствен-

ного казначейства, облигации «Займа Свободы», а также всевозможные купоны (около двухсот видов!), закладные листы и т. п. Закономерно, что подобная ситуация не могла продолжаться долго тем более удовлетворять потребностям молодого государства. Следом за голодом продовольственным свои цепкие пальцы на горле молодой республики сомкнул «голод денежный». Денег не хватало. Дефицит платёжных средств принял масштабы национальной катастрофы. Масла в огонь подливала усиливающаяся гражданская война. Из-за дефицита платёжных средств на окраинах Советской России местные власти были вынуждены приступить к выпуску собственных денег и различными правовыми актами закрепляли обязательность приёма данных платёжных средств на подконтрольной им территории. Эта местная денежная эмиссия приняла широкий масштаб. Не обошлось и без курьёзов. Выпуском денег либо их заменителей начали заниматься даже города и отдельные поселения. В Якутии народный комиссар финансов А.А. Семенов для денежной эмиссии использовал... винные этикетки. На винных этикетках написали номинал, заверили для пушей важности печатью Наркомфина и запустили в обращение. Эту «эмиссию» пролетарский писатель А.М. Горький большой любитель всевозможных забавных случаев описал в своём очерке «О единице» в 1929 году.

Новой власти требовались новые деньги. Власть без денег — это не власть, а её жалкое подобие. При всём своём негативном отношении к капитализму и буржуазии большевики понимали необходимость выпуска в обращение новых денежных знаков с революционной символикой. Коллегия по управлению Народным банком РСФСР по поручению правительства приступила к выяснению технической возможности производства в Петрограде новых денежных знаков. Эта работа осенью 1918 года была поручена техническому советнику Народного банка РСФСР П.М. Богданову. Наркоматом финансов был объявлен конкурс на лучший эскиз новых денежных знаков. Известно, что В.И. Ленин настаивал на том, чтобы к этой работе были привлечены лучшие художники, графики, гравёры. Это свидетельствует о том, что руководство Советского государства придавало большое значение такому вопросу, как первая денежная эмиссия.

В конкурсе принимали участие лучшие художники и скульпторы того времени: С. Коненков, И. Желтовский, В. Фалилеев, Е. Орановский, А. Щусев. Автором первого эскиза советских денег стал художник и график Р.Г. Зарриньш. Примечательный факт, что в 1921 году именно Р.Г. Зарриньш явился автором герба и денежных знаков буржуазной Латвии. Необходимо отметить, что выбор новой власти пал на художника Зарриньша не случайно. Именно этому художнику принадлежал дизайн некоторых банкнот царской России. Он был автором кредитного билета достоинством 100 рублей той самой знаменитой «катыньки», как прозвали в народе эту банкноту. На эскизах новых советских денежных знаков художник впервые поместил изображение герба РСФСР.

В результате проведённой Народным банком РСФСР работы декретом Совнаркома от 4 февраля 1919 года новые денежные знаки РСФСР были введены в оборот, а в обращение они поступили только в марте того же года. В обращение поступили денежные знаки 1, 2 и 3-х рублёвого достоинства. Эти денежные знаки были упрощённого образца. На новых деньгах отсутствовала нумерация, не был указан год выпуска. Впервые на денежных знаках появилась надпись, которая позднее стала знаковой и, даже, расхожей фразой «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Необходимо отметить, что новые деньги имели весьма приличное качество и были не плохо защищены от подделки. Малый формат новых денежных знаков (в отличие от царских ассигнаций) повлиял на низкую себестоимость производства. Всё это позволило незамедлительно приступить к производству денежной массы и в кратчайшие сроки напитать экономику страны. В 1921 году в обращение поступают денежные знаки достоинством 3, 5 рублей. По образцу они схожи с ранее выпущенными деньгами. Поступает в обращение расчётный денежный знак достоинством 50 рублей с новым, отличным от ранее выпущенных образцов рисунком. Друг за другом в обращение поступали банкноты достоинством 15,30,60 рублей. Но это не могло решить экономических проблем государства. На помощь спешили купюры достоинством 100, 250, 500, 1000 рублей. Произошли и другие изменения. Если ранее на банкнотах печатали: «Расчётный знак РСФСР. Обязателен к обращению наряду с кредитными билетами», то теперь это звучало так — «Расчётный знак РСФСР. Обязателен к обращению наряду с кредитными билетами». Первые денежные знаки образца 1919 года выпускались в период с 1919 по 1921 гг.

Однако в связи с гражданской войной и проводимой политикой военного коммунизма процесс купли-продажи повсеместно вытеснялся натуральным обменом. Деньги ускоренным темпом теряли свой вес, свое значение. Необходимо отметить, что ещё с начала Первой мировой войны Государственный банк Российской империи перестал производить размен бумажных денег на мелкую разменную монету, а, уже, начиная с зимы 1916 года, по всей стране произошёл резкий и неуклонный рост цен. Всё это

явилось началом того процесса, который в итоге и привёл страну на грань финансового краха. В период военного коммунизма продукты питания стали выдаваться рабочим по карточкам. Натурализация произошла повсеместно. Натурализовали не только заработную плату трудящихся, но и налоги. Натурализовали повинности. Крестьян принудили сдавать излишки хлеба государству. На селе появилось понятие продразверстка. В результате этих действий доверие населения к денежным знакам было окончательно подорвано. Денежная система старого общества была разрушена. Вместе с тем предстояло создать новую денежную систему Советской России. Курс рубля был крайне нестабилен. Да и мог ли курс оставаться стабильным в условиях непрекращающейся гражданской войны и интервенции? Курс рубля необходимо было стабилизировать. Однако денежный счёт в стране велся на сотни тысяч, на миллионы, на десятки миллионов. К 1921 году уже был выпущен денежный знак достоинством 10 миллионов рублей! Это диктовалось уровнем цен. Одна поездка на трамвае в Москве стоила 500 рублей, а номер газеты «Правда» (орган ЦК РСДРП (б)) — 2500 рублей. Интересно, что дензнаки печатались на больших листах. Их не всегда успевали разрезать на фабрике и кассиры зачастую сами ножницами вырезали необходимое количество купюр, необходимую сумму при выдаче трудящимся заработной платы. Объём денежной массы в описываемый период возрос в 27 раз. Между тем, покупательная сила рубля снизилась почти в 200 раз. Дефицит бюджета вырос практически в 40 раз. Всё это вело к распаду прежних хозяйственных связей, к хаосу и стагнации экономики всей страны.

Произошла не только экономическая девальвация рубля. Произошла девальвация психологическая. Изменилось само отношение населения к деньгам, как к платёжному средству. В пору, когда миллионом рублей стал обладать практически каждый трудящийся, появляется уничижительное наименование этой суммы — «лимон». Именно такую цену просили базарные торговки за экзотический южный фрукт. Появились ещё выражения «кусоч» — тысяча рублей, «лимонард» или «лимонардище» — миллиард рублей. Деньги незаметно формируют новую культурную среду, фразеологию. Не будет преуве-

Денежное обращение в период военного коммунизма:

Денежная масса в обращении (млрд. руб)	Октябрь 1917 г.	Декабрь 1918 г.	Декабрь 1919 г.	Декабрь 1920 г.	Июнь 1921 г.
		19,6	61,3	225,0	1168,6
Октябрь 1917 г. =1	1	3	12	60	1290
Млн. руб. в ценах 1913 г.	1919	374	93	70	29
Объём бумажной эмиссии за месяц (млрд. руб)	2	4	33	173	225
Индекс розничных цен к уровню 1913 г.	10,2	164	2420	16800	80700
Индекс розничных цен к уровню октября 1917 г.	1	16	237	1647	7911

личением утверждение, что именно деньги (советские деньги) во многом послужили делу формирования новой общности советских людей. В рассказе писателя А. Толстого «Голубые города» приводится очень яркая и характерная для того периода картина: «...Седой человек в старом офицерском пальто с костяными пуговицами остановился, посмотрел и спросил уныло:

— Почем веники?

— Два миллиарда, — сердито ответила баба...»

Военный коммунизм полностью игнорировал законы развития товарного рынка. Формула товар-деньги-товар повсеместно не работала.

Примечательно высказывание В.И. Ленина, которое он сделал на IV конгрессе Коминтерна: «Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион».

Октябрь 1921 года время создания Государственного банка РСФСР. 8 сентября 1922 года был принят Декрет СНК «Об установлении однородности денежного обращения».

Об установлении однородности денежного обращения

Декрет СНК

8 сентября 1922 г.

Извлечение

В целях окончательного установления однородности денежного обращения и в дополнение и развитие постановлений Совета Народных Комиссаров от 28 июня... и 19 июля 1922 года... об изъятии из обращения советских денежных знаков, выпущенных до 1922 г. (а также и обяза-

тельств образца 1922 г. в 5.000 рублей), Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Воспретить всем кассам Народного Комиссариата Финансов и Государственного Банка выпускать в обращение всякого рода денежные знаки прежних до 1922 года выпусков, а именно:

а) серии (билеты) государственного казначейства;

б) обязательства государственного казначейства;

в) купоны государственных процентных бумаг по срок 1-е декабря 1917 года

г) облигации займа свободы до 100 рублей включительно (мелкие купюры).

2. Прием кассами Народного Комиссариата Финансов и Государственного Банка указанных в п. 1-м кредитных билетов, казначейских знаков и суррогатов в платежи и к обмену на денежные знаки образца 1922 года по установленному расчету производить до 1-го октября 1922 года.

3. После означенного в п. 2 срока кредитные билеты, казначейские знаки и суррогаты, указанные в п. 1-м, утрачивают свою платежную силу и не принимаются ни в платежи, ни к обмену.

Данным декретом закреплялось изъятие из обращения денежных знаков РСФСР первого выпуска. Так закончилась история первых денежных знаков новой советской России. В декабре 1922 года будет образован Союз Советских Социалистических Республик. В 1923 году появятся новые денежные знаки, где вместо герба РСФСР будет красоваться герб СССР. Но это уже совсем другая история.

Литература:

1. Верт, Н. История советского государства. 2-е изд. — М.: Прогресс-Академия, 1996.
2. Горький, М. «О единице», Полное собрание сочинений, Т. 20, Москва «Наука», 1974.
3. «Декреты Советской власти» (сборник документов), Подг. С. Н. Валк и др., Государственное издательство политической литературы, 1957.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35, 42. 1982.
5. Павлюченков, С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. — М., 1997.
6. Терещенко, Ю.Я. «История России XX—XXI вв». — М. Филологическое общество «СЛОВО»: Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 2004.
7. Шлейфер, И. О. Денежная реформа. М., 1924.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Восприятие искусства и формирование предметного образа на визуальной основе

Амангельдина Диана Шухратовна, студент

Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова (Казахстан)

В статье рассматривается предметный образ, формирование и восприятие искусства через элементы и мотивы казахских орнаментов.

Ключевые слова: *восприятие искусства, предметный образ, визуальное искусство, декоративно-прикладное искусство, орнамент, формальный образ.*

Народы многих стран сегодня стремятся изучить корни своей истории, понять истоки духовности, своей национальной причастности к мировой культуре. Находящейся в центре Евразийского континента, территории Казахстана всегда активно проходили различные политические и культурные процессы, связанные с историей разных народов. Возникновение орнамента уходит своими корнями в глубь веков, впервые его следы запечатлены в эпоху палеолита. В культуре неолита орнамент достиг уже большего разнообразия форм и стал доминировать. Со временем орнамент теряет свое господствующее положение и познавательное значение, сохраняя, однако, за собой важную упорядочивающую и украшающую роль в системе пластического творчества.

В орнаменте запечатлено эстетическое осмысление религиозных мотивов или деятельности человека, творчески преобразующей и упорядочивающей природу. Особенно ярко орнамент выражается в народном творчестве, где он имеет самое широкое распространение. В народном орнаменте запечатлелось фольклорно-поэтическое отношение к миру. Каждая эпоха, каждая национальная культура вырабатывали свою систему орнаментации. Поэтому орнамент является надежным признаком принадлежности произведений к определенному времени, народу, стране.

Со временем мотивы орнамента утрачивали свой первоначальный смысл, сохраняя декоративную и архитектурную выразительность. Большое значение в генезисе и дальнейшем развитии орнамента имели эстетические общественные потребности: ритмическая правильность обобщенных мотивов была одним из ранних способов художественного освоения мира, помогающим осмыслить упорядоченность и стройность действительности.

Путь к пониманию искусства начинается с восприятия его внешней формы. Наши чувства реагируют, прежде

всего, на чисто визуальные элементы — такие как линия, цвет, свет, композиция, структура и объем. Эти элементы присутствуют в любом произведении искусства, независимо от жанра. Однако их воздействие находится в прямой связи с материалом и техникой, который выбирает живописец или скульптор, от их конкретного сочетания, и определяет возможности и границы результата усилий художника.

Мир вокруг нас многоцветен, хотя надо сказать, что даже люди с нормальным зрением способны различать лишь небольшую часть светового спектра. Цвет может использоваться в графике, а иногда и в скульптуре, но как необходимое изобразительное средство он, прежде всего, связан со всеми видами живописи. Это относится и к монохромной живописи, использующей разные оттенки темных нейтральных тонов, преимущественно серого и коричневого. Из всех визуальных элементов искусства, цвет, несомненно, является наиболее выразительным и меньше всего подчиняется каким-либо законам и правилам.

Рис. 1. Балбал тас

Искусство иногда называют немим диалогом и это справедливо. Произведение искусства, хоть оно и не способно говорить, выражает намерение художника — точно так, как если бы он сам обращался к зрителю со словами.

Но диалог предполагает наличие двоих собеседников, значит, от зрителя требуется активное соучастие.

Реально говорить с картиной мы не можем, но мы можем научиться отвечать ей и в свою очередь задавать ей вопросы, с целью уяснить себе ее значение, проникнуть в ее смысл. А чтобы получить вразумительный ответ, надо научиться задавать разумные вопросы.

К примеру, казахский орнамент формировался на основе искусства древних скотоводческих племен — саков, усуней, гуннов, тюрков, канглы и кипчаков. В орнаменте отражалось их художественное видение мира. С определенностью можно сказать о происхождении и значении зооморфных мотивов в казахском орнаменте. В основе их — стилизация образов древнего звериного стиля, образы барана, лошади, верблюда, волка, орла, сокола, а затем — воспроизведение отдельных частей их фигуры: головы, рогов, ушей, копыт, горбов, ног и т.д. Так воз-

никли такие орнаментальные мотивы, как «цветок» — «гүл» и «верблюжий след» — «түйе табан», которые являются основными в казахском орнаменте.

Иными словами, ценность выбранного объекта состоит для нас именно в том, что в нем осуществился синтез формообразующих и смыслообразующих орнаментов и поэтому он дает возможность проследить сам процесс синтеза, все те эффекты внутренних и внешних взаимодействий, которые приведут их к конкретному результату. Однако здесь делается акцент на самом переходе от реальной формы к ее предметному содержанию и далее к форме выраженности в некоторой структуре. [1]

Объективность проведения анализа, рассекречивание содержания всех формообразующих факторов в проявлении их свойств и примеров в предметной форме, где требуется объективность логической структуры. Предметный образ должен быть художественно сложным

Объект

Формальный образ

Предметный образ

Рис. 2. Принципы формообразования

Рис. 3. Творческие работы студентов I курсов на занятиях по дисциплине «Композиция»

и обладать художественным содержанием. Если само это содержание, его структура и основание, его уровни, заданы схемой — матрицей, то наиболее сложное и ответственное дело для нас — это точный подбор средств выразительности, поскольку это не столько образ конструкции конкретного предмета, но скорее конспирация самого его образа. [3] После проведения тщательного и методически последовательного анализа исходного образа с целью выявления его содержания, следует художественно-образное осмысление полученного материала. Это декларация, не для получения исходных элементов, а чтобы проследить те трансформации, изменения, которые с ними происходят из-за включения в целостные взаимодействия, т.е. механизмы работы меры, то как она находит свое воплощение в формообразовании предмета [4]. Это необходимо не для слепого подражания предмету, его свойствам и признакам, его, стилистической народной самобытности, но для овладения самим механизмом их порождения за счет тщательного прослеживания его реального действия.

По сути, предметный образ (древних кочевников) является пояснением совокупных принципов формообразования представленных в их реалистически материальной воплощенности и выступающих не в виде самого предмета, а в комбинации принципов и средств системного целостного формообразования.

Проведенный нами опыт на занятиях по предмету «Композиция» на 1 курсах специальности «Дизайн» Актюбин-

ского регионального государственного университета им. К. Жубанова показывает, что орнамент — частный случай воплощения образных характеристик в предметном образе. Ограничение только непосредственно взятым образом существенно снижает эффективность задания, ведет к прямому подражанию. Это можно сравнить с тем как, например, в рисунке головы натурщика можно идти по пути прямого построения, а можно действительно создавать обобщенный образ натурщика. Поэтому, критерии оценки результатов работы должны предполагать возможность построения на основе созданного предметного образа, различных конкретных предметов, но обладающих именно этой заданной образностью [5]. И чем шире шкала возможных вариантов, тем правильнее, продуктивнее работает предметный образ.

По сути, в этом основная методическая ценность становления дизайнера-профессионала, который мыслит глубоко и образно, умеет обобщать, постигает сущность формообразования, что дает ему неограниченную творческую свободу при реализации своих художественных замыслов.

При этом он не отвлекается, не абстрагируется, не игнорирует формообразующие возможности, переосмысливает и формулирует их, переводит на язык орнаментальной композиции, тем самым, выполняя продуктивный творческий процесс формообразования, не нарушая целостности, сформированности всех составляющих предметного содержания проектируемой системы.

Литература:

1. Омирбекова, М. Ш. Толенбаев С. Казахские орнаменты, Алматы, — 1994, — 128 с.
2. Орнамент, Алматы: Онер 2009, — 240 с.
3. Кенжеахметулы, С. Культура Казахстана, Алматы 2006, — 384 с.
4. Амангельдина, Д. Ш. THE PERCEPTION OF ART AND THE FORMATION OF AN IMAGE A VISUAL BASIS // International conference «Global Science and Innovation» Chicago, USA 2013, — с. 500–513
5. Сагимбаев, А. А. Развитие изобразительного творчества студентов как важная часть учебно-воспитательного процесса // Научный вестник, Ульяновский государственный технический университет, 2008, №2, с. 11–13

Любительское народно-инструментальное исполнительство в России второй половины XX столетия. История и развитие

Миронов Борис Борисович, доцент
Казанский государственный университет культуры и искусств

Вторая половина 1950-х годов характеризуется определенными изменениями в бытовании любительского исполнительства, и прежде всего, в городах. Стремительное распространение со второй половины 50-х годов жанра авторской песни, связанное с активным освоением новых районов страны и соответственным ростом престижа геологических партий, массового молодежного туризма, значительным увеличением студенчества с открытием многих новых вузов и т. п., где авторы песен нередко были и их исполнителями, привело к явным изменениям в бытовом музыкальном инструментализме.

Авторская песня, ставшая незаменимой не только в туристическом походе, на студенческой вечеринке, но и во многих других проявлениях коллективного досуга городской молодежи, выдвинувшая своих талантливых «бардов», требовала особой доверительности интонации, предельной искренности эмоционального тона поющего. Основная смысловая нагрузка сосредоточивалась на тексте стихов и индивидуальной тембровой окраске его «омузыкаливания» в непритязательной мелодии. Четкая ритмизация стиха сопровождалась акцентной сменой простейших аккордов.

Наиболее соответствовала этому требованию гитара, причем в своей шестиструнной разновидности, ибо в авторской песне, по сравнению со стилистически близким ей городским романсом, потребность в басовой опоре на сильных долях тактов значительно уменьшилась. Дублированные в октаву трезвучия, септаккорды с удвоением некоторых звуков стали типичной фактурой гитарного сопровождения.

Никакие иные массовые инструменты городского быта более раннего времени — не только мелодические, типа домры или мандолины, но и предназначенные для аккордовой фактуры балалайка, гармоника — в этих условиях не подходили. Причем не подходили не только в силу своих устойчивых жанровых ассоциаций с частушкой или пляской. Они оказывались малоприемлемыми также, ввиду недостаточного соответствия авторской песне интонационно-акустических средств. Так, мелодическое начало гармоник, составляющее их сущность, оказывалось излишним из-за того, что в авторской песне основная смысловая нагрузка приходилась именно на словесный

текст и индивидуальную тембровую окраску их произнесения поющим. Помимо того, гармонь противоречила авторской песне своей «голосистостью и диатонизмом», а баян был гораздо менее удобен в транспортировке, чем гитара. Это было особенно важно для нестационарного бытования инструмента. Что касается балалайки, то она значительно уступала в полноте аккомпанемента дублируемому в октаву гитарным аккордам.

Другой особенностью развития молодежного городского музицирования явилось все большее распространение коммерческих танцевальных жанров, идущих от западной массовой культуры, особенно, рок-музыки, с середины 1960-х годов обусловившей резкое увеличение количества вокально-инструментальных ансамблей. Превалирующую роль в аккомпанементе теперь стала играть электрогитара¹ в совокупности с ударной установкой и электроорганом. Эстетика молодежного восприятия в связи со стремительным ростом рок- и бит-групп решительно менялась. Основные причины изменений — звучание в сфере очень высоких динамических градаций, вплоть до болевого порога, гипнотическое воздействие на психику остигнутых метроритмических формул с приоритетом метра. Все это делало неуклонно ширившуюся массу поклонников таких групп невосприимчивой к любой формами академического и фольклорного музыкального искусства, в частности, к балалайке, гармонике, гуслиям, домре, как в сольном, так и ансамблево-оркестровом бытовании.

В условиях городской культуры гитара, начиная со второй половины 1950-х годов, стала решительно вытеснять не только другие народные инструменты, но и все иные виды активного музицирования — в любительских духовых и эстрадных оркестрах, хоровых коллективах. Причем само любительское гитарное исполнительство большей, частью ограничивалось воспроизведением нескольких аккордовых последовательностей (на электрогитарах к ним добавлялись мелодическая линия гитары соло и басовая опора бас-гитары). Однако то, что традиционная гитара — и семиструнная, и особенно, шестиструнная параллельно существовала в профессионально-академическом искусстве, намного повышало ее социальную значимость в качестве народного инструмента, обусловив с начала 1960-х годов заметную профессионализацию данного вида исполнительства.

¹ Собственно, к семейству гитар этот инструмент не относится, несмотря на идентичность настройки некоторым аппликатурным признакам. Как и у любого другого «электрифицированного» инструмента кардинально меняются — по отношению к его прообразу — основные звуковые параметры, тембровые характеристики звука и т. д.

Названные тенденции не могли не отразиться и на сельской культуре, все более соприкасающейся с городской. Даже там, где испокон веков народный инструментарий был незаменимым при досуге людей, его роль стала переходить к грамзаписям и магнитофонному воспроизведению популярной, «легкой» музыки. Все ширелись здесь, вслед за городскими формами молодежного музицирования, также вокально-инструментальные ансамбли. Различного рода ВИА вытесняли и хоровые коллективы, и оркестры народных инструментов, и духовые оркестры, ранее широко бытовавшие в сельской любительской среде клубов и домов культуры.

Главное же — чрезвычайно интенсивно развивающиеся со второй половины 1950-х годов телевидение начало влиять на снижение активности любых форм домашнего любительского музицирования. Просмотр телепередач стал занимать у людей много свободного времени, не позволяя заполнять досуг игрой на музыкальных инструментах.

Факты свидетельствовали, что в различных областях России число любительских русских народных оркестров заметно уменьшалась. Например, согласно данным, опубликованным в журнале «Музыкальная жизнь» (1960, № 14, с. 10), в Ивановской области 1960 году оркестры, ранее активно действующие, распались, сокращалась их посещаемость, в некоторых коллективах были даже проданы имевшие комплекты народных инструментов.

Распространение в молодежном быту различных видов поп-культуры, массовых эстрадных жанров, активное тиражирование их на звуковоспроизводящей аппаратуре, все увеличивавшаяся популярность «авторской песни», рост потребительского отношения к музыке вместе со стремительным распространением бытовых телевизоров и увеличением часов телевещания взамен активного исполнительства — все это способствовало вытеснению фольклорного, досугового инструментализма.

И вот здесь возникает парадокс: параллельно снижению интереса к народным инструментам (за исключением гитары) в любительстве, функцию этого звена эстетического воспитания берут на себя звенья музыкального, культурно-просветительского и общепедагогического обучения. С начала 1960-х годов значительно расширяется сеть отделений и факультетов народных инструментов в музыкальных школах, училищах и вузах, культпросветучилищах и институтах культуры, на музыкальных отделениях и факультетах педагогических училищ и институтов. Они открываются повсеместно, в больших и малых городах. Только учебный процесс в них становится более целенаправленным по сравнению с любительством в сфере письменной традиции, поскольку связан с прохождением последовательного и разнообразного комплекса дисциплин.

К середине 1980-х годов стало очевидным, что инородного соединительного звена между народно-бытовым и ака-

демическим музицированием, помимо народных инструментов, сохраняющих в своей основе эстетические ценности фольклорного инструментализма и особо доступных для начального освоения, не может предоставить никакой иной инструментарий. Все яснее становилось также и то, что сама суть исполнительства на усовершенствованных и реконструированных народных инструментах — академическая в своей основе — не менее важна, чем суть их фольклорных прообразов. В этой связи особое значение стал приобретать вопрос о качестве исполняемого репертуара, и прежде всего — специально создающегося для данных инструментов.

Для многих музыкантов становится подлинным открытием знакомство с выдающимися сочинениями композиторов XX века, творчество которых на протяжении ряда лет считалось «формалистическим».

Выдвигается также ряд молодых исполнителей, лауреатов международных конкурсов и фестивалей, для которых потребность в новом оригинальном репертуаре и, следовательно, в сотрудничестве с композиторами, становится особенно острой.

Появляются новые имена неординарно мыслящих, творчески ищущих музыкантов, обратившихся к созданию произведений для народных инструментов — Б. П. Кравченко, В. Т. Бояшов, А. Л. Репников, Вл. А. Золотарев, позднее — А. Л. Рыбников, С. М. Слонимский, Г. Г. Белов, А. И. Кусяков, Г. И. Банщикова, С. А. Губайдуллина, Э. В. Денисов и многие другие. Заметное обогащение образов и музыкального языка происходит также в творчестве композиторов, работающих в данной области в более ранние годы, таких как Н. Я. Чайкин, Ю. Н. Шишаков, Г. С. Фрид, К. А. Мясков.

Расширяется сам эмоциональный строй произведений. Одной из наиболее примечательных тенденций становится обогащение фольклорного начала, отчетливо проявившееся во всех сторонах композиторского творчества.

Одновременно с этим все настойчивее происходит освоение авторами музыки новых фольклорных пластов, как древних, так и современных.

Параллельно расширению образных замыслов большим разнообразием отмечены приемы развития народной песенности, стали шире использоваться методы вариантного развертывания, оstinатности. В частности, в свойстве оstinато динамически нагнетать звучание преломляются особенности сельского инструментального музицирования, когда, к примеру, «бесконечное» вращение одних и тех же интонаций на гармонии или балалайке создает зримое впечатление разгорающейся пляски с неистощимым «затейничеством» инструментов.

Тенденция более глубокого подхода к фольклору отчетливо сказалась также в обновлении всей интонационной ткани музыки и проявилась как в сочинениях для русских народных оркестров и ансамблей, сольных струнных щипковых, так и для баяна.

Литература:

1. Имханицкий, М.И. История исполнительства на русских народных инструментах. Изд. РАМ им. Гнесиных, М., 2002—353 с.

ФИЛОЛОГИЯ

Семантическая дифференциация словарного состава на материале терминов генеалогического родства китайского и русского языков

Боровская Алина Владимировна, студент;

Казарян Арегназ Арсеновна, студент;

Ручина Александра Викторовна, старший преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Данная статья посвящена теме семантической дифференциации словарного состава китайского и русских языков.

Согласно современной семасиологии, лексическое, грамматическое и стилистическое значения являются планом содержания какой-либо одной лексической единицы [1]. При сопоставлении плана содержания лексических единиц в двух разных языках на соответствие (адекватности) их плана содержания, можно выделить три типа соотношений: эквивалентный, частично эквивалентный и безэквивалентный. При этом несоответствие в плане содержания в двух языках обуславливается рядом следующих факторов:

- 1) формально-структурные характеристики языка;
- 2) источники новых обозначений, продуктивность разнообразных средств пополнения словарного состава языка;
- 3) семантико-тематическая структура лексических единиц;
- 4) наличие, а также глубина дифференциации словарного состава [2].

Целью данной работы является изучение двух последних факторов, которые приводят к возникновению неполной эквивалентности лексических единиц в двух языках на материале китайского и русского языков.

В современной лингвистике существующий термин «значение» многозначен. В общем случае под этим понимают «существующую в нашем сознании связь (отношение) знака и тем, знаком чего он является». Поскольку значение может рассматриваться как в связи с отношением его к обозначаемому предмету или явлению действительности (денотату), так и в связи с отражением этого предмета или явления в нашем сознании (сигнификата), то, соответственно, различаются денотативные и сигнификативные значения.

Наибольший интерес представляет сигнификативное значение, поскольку отражение предметов и их свойств в сознании человека представляет собой существенный фактор в формировании знаковой системы языка, что предопределяет особенности семантической дифференциации словарного состава того или иного языка. Общеизвестно, что семантические поля слов разных языков, как правило, не совпадают, и объясняется это именно наличием различий в структурном делении отражаемой сознанием носителей разных языков экстралингвистической действительности.

В качестве примера можно привести соотношение значений слова «варить» в русском и китайском языках. В русском языке наряду с основным значением «приготовить пищу кипячением» оно имеет также значение «хорошо соображать» («голова варит»). В китайском же языке для каждого способа варки пищи существует свой термин: 煮 zhǔ «варить в котле», 熬 áo «тушить, томить», 炖 dùn «варить на медленном огне». Что же касается значения «голова варит», то оно передается словосочетанием 脑子好用 nǎozihǎoyòng.

Высшей формой отражения внешней действительности в сознании человека является понятие. «Понятие есть мысль, в которой отражаются отличительные, специфические свойства предметов действительности и отношений между ними» [1]. Понятие, как высшая форма обобщения отражает наиболее общие и существенные признаки предметов или явлений.

Соотношение значения слова и выражаемого им понятия является очень сложной и до сих пор еще не решенной проблемой. Единой точки зрения пока еще нет. Некоторые ученые считают, что значение слова шире, чем понятие, другие, наоборот, полагают, что значение уже, чем понятие, третья же группа лингвистов просто отождествляет их. Трудность в решении этой проблемы заключается в том, что значения сигнификата имеют свойство варьироваться от пре-

дельно широкого до самого узкого. В последнем случае мы имеем слова, «значение которых поддерживает развитие лишь «частных» понятий, не осложненных или почти не осложненных эмоционально-волевыми и другими наслоениями. Такие слова называются терминами» [1].

Что касается слов, выражающих предельно широкое понятие, то они, как правило, не несут эмоциональной нагрузки, но зато в силу предельной обобщенности своего значения они, в отличие от терминов, могут употребляться в самом широком контексте. Эта чрезвычайно многообразная употребительность приводит к тому, что их значение в каждом отдельном случае устанавливается по значению слов, с которыми они сочетаются. В современном китайском языке к таким словам можно отнести 搞gǎo «получить, добиться; делать, заниматься и т. д.», 弄nòng, имеющее такие же значения, 发fā «выпустить, выдать; отправить и т. д.» и другие.

Наиболее ярким примером, отражающим семантическую дифференциацию и несовпадение в структурном делении объектов окружающего мира в русском и китайском языках, является различие в названии родственных отношений.

Языковая картина мира каждого народа является отражением восприятия окружающей его действительности. Концепт как ментальная сущность формируется под непрерывным влиянием на нее таких факторов, как: мировоззрение, быт, традиции, культура, религия и другие сферы жизни.

Семья как социальная единица состоит из определенного количества близких людей, связанных кровными узами. Как в древности, так и по сей день, большое значение и для китайцев, и для русских играет семья, что ярко отражается в языке и культуре. В качестве примера можно привести известное китайское выражение «家和万事兴» jiāhéwànwànshìxīng «в дружной семье все получится» [4].

В китайском языке родственные отношения определяются в одном слове одновременно и по старшинству, и по полу: 弟dì «младший брат», 姐jiě «старшая сестра», 哥gē «старший брат». В русском же языке, как и в английском, эти отношения определяются только по полу, но не по старшинству: «брат-сестра», если же требуется указать их возрастное различие, то приходится добавлять слово «старший» или «младший». В ходе исследования было выявлено 55 лексических единиц, выражающих родственные отношения в китайском языке, и в русском — 29. Вследствие того, что китайских терминов практически в два раза больше русских, весь материал был систематизирован в соответствие с китайской генеалогической терминологией. Вся терминология была классифицирована на такие группы, как термины по линии отца, по линии матери и термины, не зависящие от линии родства. Русские термины, ввиду своей немногочисленности по отношению к китайским терминам, приведены либо эквивалентами, либо с дополнительными пояснениями.

Таким образом, по линии отца в китайском языке насчитывается 21 понятие, среди них 15, которые являются синонимами.

№	Китайский язык	Русский язык
1.	三代sāndài	три поколения (прадед, дед, отец)
2.	儿媳妇érxifu	невестка (жена сына)
3.	公公gōnggong	свекор
4.	伯母bómǔ	жена старшего брата отца (тетя)
5.	叔叔shūshu	младший брат отца (дядя)
6.	婶婶shěnshen	жена младшего брата отца (тетя)
7.	姑父gūfù	муж сестры отца
8.	弟兄dìxiong	старший деверь (старший брат мужа)
9.	夫弟fūdì	младший деверь
10.	大姑子dàgūzi	золовка, сестрица (старшая сестра мужа)
11.	侄子zhízi	племянник (сын брата)
12.	侄女zhínǚ	племянница (дочь брата)
13.	孙子sūnzi	внук
14.	孙女sūnnǚ	внучка
15.	从祖叔父zòngzǔshūfù	двоюродный дядя (младший двоюродный брат отца)
Синонимичные ряды понятий в китайском языке		
16.	爷爷yéye/祖父zǔfù	дедушка
17.	奶奶nǎinai/祖母zǔmǔ	бабушка
18.	婆婆pópo/婆母pómǔ	свекровь
19.	伯伯bóbo/伯父bófù	старший брат отца (дядя)
20.	姑姑gūgu/姑母gūmǔ	сестра отца (младшая или старшая)
21.	堂妹tángmèi/堂侄女tángzhínǚ/从妹cóngmèi	двоюродная тетя (младшая двоюродная сестра)

По линии матери в китайском языке насчитывается 18 слов, из них 11 являются абсолютными синонимами.

№	Китайский язык	Русский язык
1.	外曾祖父 wàizēngzǔfù	прадед по матери
2.	女婿 nǚxū	зять (муж дочери)
3.	舅舅 jiùjiu	брат матери (младший или старший)
4.	舅妈 jiùmā	жена брата матери
5.	内兄 nèixiōng	старший двоюродный брат (сын брата матери)
6.	内弟 nèidì	младший двоюродный брат (сын брата матери)
7.	姨父 yīfù	муж сестры матери
8.	姐夫 jiěfu	муж старшей сестры
9.	妹夫 mèifu	муж младшей сестры
10.	外甥 wàisheng	племянник (сын сестры)
11.	外甥女 wàishengnǚ	племянница (дочь сестры)
12.	外孙 wàisūn	внук (по линии дочери)
13.	外孙女 wàisūnnǚ	внучка (по линии дочери)
Синонимичные ряды понятий в китайском языке		
14.	外祖父 wàizǔfù/外公 wàigōng	дедушка (со стороны матери)
15.	外婆 wàipó/姥姥 lǎolao/外祖母 wàizǔmǔ	бабушка (со стороны матери)
16.	岳父/丈人 zhàngrén	тесть
17.	岳母/丈母娘 zhàngmǔniáng	теща
18.	姨母 yímǔ/姨 yí	сестра матери (старшая или младшая)

Среди многообразия терминов генеалогического родства в китайском языке существуют 16 понятий, которые являются нейтральными и употребляются вне зависимости от линии родства, причем 12 терминов являются синонимами. [3, 4, 5].

№	Китайский язык	Русский язык
1.	儿子 érzi	сын
2.	女儿 nǚér	дочь
3.	哥哥 gēge	старший брат
4.	弟弟 dìdi	младший брат
5.	姐姐 jiějie	старшая сестра
6.	妹妹 mèimei	младшая сестра
7.	嫂子 sāozǐ	жена старшего брата
8.	堂哥 tánggē	старший двоюродный брат
9.	堂姐 tángjiě	старшая двоюродная сестра
10.	表弟 biǎodì	младший двоюродный брат
11.	表妹 biǎomèi	младшая двоюродная сестра
Синонимичные ряды понятий в китайском языке		
12.	母亲 mǔqīn/妈妈 māma	мама
13.	父亲 fùqīn/爸爸 bāba	папа
14.	弟妹 dìmèi/弟媳 dìxí	жена младшего брата
15.	老公 lǎogōng/丈夫 zhàngfu	муж
16.	老婆 lǎopo/妻子 qīzi/太太 tàitai/夫人 fūren	жена

Таким образом, можно сделать вывод, что словарный запас терминов генеалогического родства китайского языка богаче русского почти в 2 раза. Это связано с тем, что два разных народа воспринимают окружающую действительность по-разному. Для китайцев, в отличие от русских, очень важными являются не только пол, но старшинство и линия, что и находит свое отражение в языке. Однако, несмотря на это, семья занимает особое место как в жизни китайцев, так и в жизни русских.

Родственные отношения и термины родства являются очень сложными для понимания иностранцев, однако составляют одну из ведущих областей для изучения учеными.

Литература:

1. Кленин, И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. — М.: Восточная книга, 2013. — с. 20–48.

2. Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков/Ли Сяндун // Русский филологический портал. — (http://www.philology.ru/linguistics4/li_siandun-03.htm).
3. Петрова, А. С. Термины родства в русском и китайском языках/А. С. Петрова // Научно-практические конференции ученых и студентов с дистанционным участием. Коллективные монографии. — (<http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/1712-2012-03-27-07-50-21>).
4. Ян Фан. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира/Ян Фан // Известия Томского политехнического вестника (<http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-semya-v-russkoy-i-kitayskoy-yazykovyh-kartinah-mira>)
5. Большой китайско-русский словарь (<http://bkrs.info/>) Научный руководитель А. В. Ручина, старший преподаватель ТПУ

Методы и принципы изучения фразеологии в вузе и школе

Волкова Елена Викторовна, магистрант
Башкирский государственный университет

В статье дан анализ методов и принципов изучения фразеологии в ВУЗе и школе. Акцентировано внимание на основных формах преподавания раздела науки о языке фразеологии, рассматриваются методы её изучения и основные характеристики.

Ключевые слова: фразеология, урок, задача, цель, умения.

Одним из средств образной и выразительной литературной речи являются крылатые слова. Крылатые слова — это термин, обозначающий вошедшие в нашу речь из литературных источников краткие цитаты, образные выражения, изречения исторических лиц, имена мифологических и литературных персонажей, ставшие нарицательными и т. п. Нередко термин «крылатые слова» толкуется в более широком смысле: им обозначают народные поговорки, присловия, всевозможные образные выражения, возникшие не только из литературных источников, но и в быту.

Крылатые слова или фразеологизмы изучаются в раздел языкознание, изучающей устойчивые сочетания слов — фразеологии.

Употребление фразеологизмов в нашей речи очень важно, именно поэтому фразеологию начинают изучать в школе с 7-го класса в разделе «Лексика и фразеология» и продолжают изучение в ВУЗе более углубленно на 3-м курсе по программе бакалавра. Благодаря свойствам фразеологизмов, а именно: образности экспрессивности и слитности значения, — наша речь становится ярче, эмоциональней, образней и выразительней. Именно поэтому почти все известные писатели, даже во времена Гомера, использовали фразеологизмы для создания колорита и стилистической окраски своих произведений.

Главная задача, которая должна быть решена при обучении русскому языку, состоит в том, чтобы процессы усвоения знаний об устройстве и функционировании родного языка, овладения основными нормами современного русского литературного языка, формирования умения пользоваться его богатейшими стилистическими ресурсами органично сочетались с интенсивным развитием речемыслительных, интеллектуальных, творческих способностей.

Именно поэтому в школьном курсе русского языка раздел науки о языке фразеология занимает особое место. Ознакомление с ней предполагает познание основных свойств изучаемых языковых единиц, их языковых особенностей и функционирования в речи, фразеологического богатства русского языка.

Формирование учебно-языковых умений как задача изучения фразеологии в школе способствует закреплению полученных лингвистических знаний.

Кроме того, изучение фразеологизмов должно сопровождаться использованием их в речи, толкованием значения фразеологических оборотов и уместным употреблением их в разговоре. Это также является одной из задач обучения детей на уроках русского языка, посвященных изучению раздела фразеологии.

Е. И. Литневская и В. А. Багрянцева указывают следующие задачи изучения фразеологии в школе.

Основной целью ставится дать представление о фразеологизме как о языковой единице. Из поставленной цели вытекают следующие задачи:

- 1) показать сходство и различие со словом и словосочетанием;
- 2) показать специфику значения фразеологизма по сравнению со свободным словосочетанием;
- 3) дать представление о системных отношениях во фразеологии (синонимия, антонимия);
- 4) дать понятие о фразеологических словарях [2; с. 210].

Проблема изучения фразеологии в школе в настоящее время весьма актуальна. Многие исследователи сетуют на то, что разделу фразеологии в школьном курсе русского языка отводится небольшое количество часов. Поэтому в задачи педагога входит оптимальное поурочное

распределение материала, чтобы в короткие сроки дать учащимся комплексное представление о фразеологизмах.

Все понятия лексикологии (в том числе и фразеологизмы) описываются в школьном курсе следующим образом:

- 1) определение понятия;
- 2) функция;
- 3) отражение в словаре.

Е.И. Литневская и В.А. Багрянцева отмечают, что фразеология «представляет собой относительно самостоятельную область лингвистики, и изучение фразеологизмов в лингвистике обычно осуществляется по той же схеме, что и описание лексических единиц — слов:

- 1) значение;
- 2) однозначность и многозначность;
- 3) омонимия, синонимия, антонимия;
- 4) происхождение;
- 5) функционирование;
- 6) отражение в словарях» [2; с. 267].

Однако небольшое количество часов, отведенных на эту тему, не позволяет провести достаточно широкий обзор, поэтому, по мнению исследователей, педагог должен ограничиться лишь наиболее существенными моментами:

- 1) спецификой фразеологизмов по сравнению со словами и со свободными словосочетаниями;
- 2) стилистической окрашенностью фразеологизмов;
- 3) системными отношениями между фразеологизмами или фразеологизмами и словами (синонимия, антонимия).

При изучении фразеологии используются такие общеметодические принципы, как экстралингвистический, системный, функциональный, синхронический с обращением к диахронии.

Одним из важных аспектов изучения фразеологизмов является рассмотрение их функционирования, то есть использования в текстах разного стиля. Здесь постоянно осуществляется связь уроков по теории фразеологии и уроков по развитию речи.

Объектом изучения в школе является современный русский язык. Все основные понятия рассматриваются в синхронном срезе. Однако в курсе лексикологии (и в частности фразеологии) происходит обращение и к процессу исторического развития языка.

В курсе изучения фразеологии ученики должны приобрести следующие умения и навыки:

- 1) определять лексическое значение фразеологизма, отличать его от грамматического значения;
- 2) давать толкование лексического значения фразеологизма, взятого из контекста (описательно или через подбор синонимов);
- 3) находить фразеологизмы в тексте;
- 4) подбирать к фразеологическим оборотам синонимы и антонимы;
- 5) приводить примеры фразеологизмов;
- 6) группировать фразеологизмы по заданному основанию;
- 7) определять функцию употребления фразеологизмов в тексте;

8) пользоваться фразеологическим словарем.

Изучение такой темы, как «Фразеология» в ВУЗе требует от студентов постоянного поиска, умения анализировать, сопоставлять и находить наиболее эффективные и рациональные пути освоения знаний, способы формирования осознанных умений и навыков, самостоятельности мышления, познавательной активности. Будущий учитель должен быть по-настоящему исследователем: уметь анализировать, обобщать полученный опыт, творчески использовать методическое наследие прошлого и достижения современных методик.

При изучении фразеологии преподаватель использует следующие «мероприятия»:

- лекции;
- практические занятия;
- рефераты, доклады;
- лабораторные работы;
- контрольные работы.

Подготовка студентов в педагогическом вузе складывается из усвоения ими теории о фразеологии и из овладения умениями научить будущих школьников пользоваться фразеологизмами в разных сферах их применения.

Каждый раздел науки о языке обладает своей спецификой. В изучении фразеологии в ВУЗе фразеологии, неразрывно с разделом науки о языке «Лексикой», действуют следующие принципы:

- лексико-грамматический (сопоставление лексического и грамматического значений слова);
- системный (учёт всех элементов лексической парадигмы);
- контекстный (рассмотрение слова в его синтагматических связях в достаточном контексте);
- лексико-синтаксический (сопоставление слова и словосочетания).

Все эти принципы обеспечивают студентам понимание сущности слова и фразеологизма, необходимости их рассмотрения в контексте, из которого можно выяснить семантику того или иного слова.

Фразеология, совместно с лексикой, в вузовском изучении русского языка занимает менее значимое место и по объёму, и по отводимому времени, чем, к примеру, морфология или синтаксис. Однако ознакомление с данным разделом предполагает познание основного функционирования его в речи. В соответствии с этим перед ознакомлением с разделом фразеологии ставятся следующие частные специальные цели:

- изучение основных особенностей фразеологизмов;
- углублённое изучение их функций в речи;
- формирование и закрепление учебно-языковых умений.

Изучение лингвистических понятий, естественно, сопровождается употреблением их в связных ответах. Они представляют собой учебные тексты, доклады, рефераты, выступления на научно-языковые темы.

Как показывает опыт, целесообразно раскрывать студентам некоторые вопросы теории следующим образом:

- 1) прочитать лекционный курс;
- 2) составить ряд вопросов для практических занятий;
- 3) разработать задания поискового характера;
- 4) выполнить со студентами необходимое количество лабораторных и контрольных работ.

Знакомя студентов на лекциях по фразеологии, преподаватель опирается, в основном, на работы таких учёных, как-то: Николай Максимович Шанский и Виктора Владимировича Виноградова.

В программу лекционного курса по фразеологии включаются такие темы:

- «Введение во фразеологию»;
- «Фразеология как проявление лингвокультурной общности носителей языка и языковой картины мира»;
- «Классификация фразеологических единиц»;
- «Семантические отношения в системе фразеологии»;
- «Основные тенденции развития фразеологии»;
- «Сопоставительное изучение русской фразеологии и фразеологий других языков»;
- «Стилистическое использование фразеологических единиц» — данная лекция построена на конспекте статьи Дубровиной К. Н. «Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике» [1; с. 100];
- «Фразеологические словари».

Одним из важнейших этапов в обучении студентов фразеологии (как одной из составляющих общего комплекса) являются зачёты и экзамены. Именно поэтому, тот материал, который даёт преподавателем на лекциях, может стать частью экзаменационного билета.

Исходя из этого, лекции по фразеологии — это одна из составляющих по подготовке студента к экзаменам или зачётам по лингвистике.

На практических занятиях студенты могут и изучать новый материал, и его закреплять. Поэтому целесообразно использование различных типов заданий, чтобы студенты смогли овладеть и разными способами их выполнения. Задания могут выполняться без непосредственного участия преподавателя, без его помощи с использованием исследовательского метода. В случае необходимости преподаватель приходит на помощь, но оставляет место для самостоятельности студента.

Задания распределяются таким образом, чтобы часть из них была выполнена на занятии под руководством преподавателя, часть предложена в качестве домашнего задания.

В качестве примеров практических заданий могут выступать такие задания, как:

- работа с учебным материалом (по приведённым заданиям);
- анализ фразеологизма;
- анализ фразеологического словаря.

Задания поискового характера могут быть использованы во всех звеньях обучения студентов. Так, при изложении материала лекции объяснительно-иллюстративным методом, сущность которого сводится к сообщению теоретических сведений в готовом виде и иллюстрации их примерами, преподаватель вводит задание поискового характера, создавая проблемную ситуацию, важную для активизации внимания студентов, для более осознанного и прочного, творческого усвоения ими определённой проблемы. Таким путём осуществляется сочетание объяснительно-иллюстративного метода и метода проблемного изложения. Предлагая задание поискового характера при использовании метода проблемного изложения, преподаватель сам разрешает созданную им ситуацию: раскрывает студентам путь поиска ответа на вопрос задания, учит делать обоснованные выводы, учит ориентироваться в новой ситуации.

К заданиям поискового характера можно отнести такие типы работ:

- рефераты;
- доклады;
- сообщения;
- разработка урока;
- курсовые работы;
- диссертации.

Практикуемая в ВУЗах система контроля (лабораторные и контрольные работы) позволяет закрепить знания студентов.

Лабораторная работа по фразеологии может состоять из перечня вопросов, выполнение которых непосредственно связано с использованием фразеологических словарей.

В итоге можно сделать такие выводы, что основной формой обучения является лекционный курс в вузах и ознакомительные уроки в школах, формирующие у них методическое мышление. Практическая работа студентов и школьников реализуется на уроках, практических и лабораторных занятиях.

В результате использования различных методик преподавания информации, ученики и студенты усваивают знания, что способствует формированию у них представления о фразеологии, как о целостной, неотъемлемой части освоения русского языка. На основе теоретико-методических знаний развиваются методические умения.

Литература:

1. Дубровина, К. И. Лингвистические основы стилистических приёмов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика». — 2005. — № 7. — с. 100–118
2. Крысин, Л. П. Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебное пособие. 2-е изд. М.: Академия, 2009. — 240 с.

3. Литневская, Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе. М.: 2006. — 590 с.
4. Методика преподавания русского языка/М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов и др. — М.: Просвещение, 1990. — 368 с.
5. Рахманова, Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебное пособие. М., 1997. — 19–267 с.
6. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка: Учеб. Пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература»/Н. М. Шанский. — М.: Высш. шк., 1985. — 160 с.

Особенности перевода терминологических сочетаний горнодобывающей промышленности с китайского языка на русский

Козлов Артем Андреевич, студент;

Суван-оол Евгения Сергеевна, старший преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Горнодобывающая промышленность является одним из основных видов тяжелой промышленности в России, что связано с богатыми залежами угольных пород на ее территории. Тем временем, Китай завоевал авторитет в производстве качественного горнодобывающего оборудования. В связи с этим обе стороны наладили производственные отношения в данной области и на данный момент являются партнерами.

Налаживание международных связей требует легкого и доступного общения между представителями разных культур. В связи с этим изучение иностранных языков сегодня является обязательным требованием в условиях глобализации. Однако, знания только лишь языка и его лингвистических составляющих не достаточно для полноценного понимания собеседника. Фоновые знания и нахождение национально сложившихся в языке закономерностей играют не меньшую роль в переводе.

Для успешной реализации переводческой деятельности необходимо умение ориентироваться в стилевых особенностях сферы переводимого текста. Немаловажны как фоновые, так и специальные знания в области перевода. Особенно актуальным это требование является для перевода в технической сфере, особенностью которого является заметное преобладание специализированной терминологии. Такая лексика вызывает значительные трудности при переводе и требует от переводчика владения определенным объемом технической терминологии. Сфера горнодобывающей промышленности особенно переполнена узкоспециализированными терминами и терминологическими сочетаниями.

В. Н. Комиссаров определяет термины, как «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки и техники. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации» [1, с. 110].

Еще одним важным элементом специализированной лексикологии является понятие терминологические сочетания, «многокомпонентные, отдельно оформленные семантически целостные сочетания, образованные путем соединения двух, трех или более элементов» [2, с. 27]. К терминологическим сочетаниям можно отнести следующие примеры: 压印辊 (дословный перевод — барабан печати натиском), реальный перевод — «растрированный или анилоксовый вал».

Терминологические сочетания на китайском языке представляют особую сложность для переводчиков по ряду причин. Первой и основной причиной является острая нехватка специализированных технических китайско-русских и русско-китайских словарей. Во-вторых, терминологические сочетания, в отличие от терминов, редко фиксируются в словарях. В-третьих, перевод терминологического сочетания редко соответствует сумме переводов его компонентов — терминов, из которых оно состоит. В-четвертых, для перевода с китайского языка характерно такое явление, как использование в переводе реального или актуального термина вместо словарного по причине отсутствия нужного в данном контексте в словаре, т.е. предложенное словарем терминологическое сочетание не соответствует контексту перевода. Таким образом, приступая к переводу технического текста, переводчику следует придерживаться следующего алгоритма.

Прежде всего, необходимо ознакомиться с основными терминами данной области в обоих языках. Этот шаг способствует созданию картины возможных эквивалентов при переводе. Так, например, для первичного анализа терминологического состава лексики горнодобывающей промышленности подойдут веб-сайты производителей оборудования, где перечислен полный перечень товаров со всеми наименованиями и описанием принципа их работы. [3–5, 7–9]

При этом стоит обратить внимание не только на иностранный язык, но и разобраться в значении незнакомых терминов в родном языке, изучить суть явления, устрой-

ство механизма, описание предмета. В ходе анализа было выявлено, что, в целом, названия технических приборов основаны на принципе их работы и особенностях их строения (например, форма основной детали). К примеру, термин «роторная дробилка» не дает представления о механизме без знания специфики технической лексики. Ротор — это вращающаяся часть в двигателе или электрической машине. Следовательно, дробление в таком оборудовании происходит по принципу вращения ротора с ножами для измельчения камня. Знание подобных деталей существенно помогает при переводе терминов, как на иностранный язык, так и наоборот.

Произведенная после первичного анализа обработка полученных данных показала, что перевод 18% терминологических сочетаний можно найти в словаре, и он полностью соответствует контексту. Лексико-семантический анализ терминологических сочетаний, не имеющих эквивалентов в словарях, и их компонентов, терминов сферы горно-шахтного оборудования, в зависимости от способа возможного перевода, позволил разделить их на несколько групп.

В первую группу вошли терминологические сочетания, которые не имеют словарного эквивалента, однако дословный перевод отдельных значимых единиц позволяет создать цельную картину горнодобывающего устройства. Полученный дословный перевод сверяется с имеющимся аналогом специализированной литературы на русском языке, таким образом, находится эквивалент. Например:

1) 重型锤式破碎机 — молотковая дробилка (重型锤 — «крупногабаритный молот», 式 — «модель», «тип», 破碎机 — «дробилка»; дословно — «дробилка молоткового типа»);

2) 移动破碎站 — портативная дробильная установка (移动 — «портативный», «мобильный», 破碎 — «дробить», «разбивать в дребезги», 站 — «станция», «установка»; дословный перевод — «портативная дробильная станция»);

3) 反击式破碎机 — ударно-отражательная дробилка (反击 — «возвратный удар», «удар с отдачей», 式 — «тип», «модель», 破碎机 — «дробилка», дословно — «дробилка типа удара с отдачей»);

4) 混凝土搅拌站 — бетоносмесительная установка (混凝土 — «бетон», 搅拌站 — «смесительная установка»; дословный перевод — «установка, смешивающая бетон»);

5) 直通式破碎机 — прямоточная дробилка (直通 — «прямой», «беспересадочный», 式 — «модель», «тип», 破碎机 — «дробилка»; дословный перевод — «дробилка прямого типа») и т. д.

В эту же группу вошли терминологические сочетания, один из компонентов которых не имел перевода в китайско-русских словарях, но при этом встречался в китайско-английских:

1) 碓礮双功能一次性石料破碎机 — роторная дробилка для камня (碓 — «толчея», «крупорушка»; 礮 — «ударяться друг о друга»; «стучать»; 双功能 — «difunctionality» («дифункциональный»); 一次性 —

«одноразовый», 石料 — «строительный камень», 破碎机 — «дробилка»);

2) 超细层压自磨 — мельница самоизмельчения (超细 — «ультрамелкий», «ультратонкий»; 层压 — «ламинировать», «ламинация»; 自磨机 — «autogenousmill», «autogenoustumblingmill» («автогенная мельница»)).

Китайско-английские словари помогают не только при переводе отдельных компонентов терминологического сочетания, но и при переводе всего сочетания в целом.

В ходе работы 24% терминологических сочетаний не имели эквивалентов в китайско-русских словарях, однако переводятся с китайского на английский, например:

冲击式破碎机 — ударная дробилка («impactcrusher», «impactbreaker»); 振动筛 — вибросито («vibratingscreen», «vibrosieve»); 凿岩机械 — перфоратор, бурильная установка («rockdrillingmachinery»); 液压圆锥破碎机 гидроконусная дробилка («hydro-conecrusher»);

液压钻机 — гидравлический бур («hydraulicrig»); 惯性筛 — инерционный грохот («unbalanced-throwscreen») и др.

Иногда дословный перевод слова не дает четкого представления об оборудовании и принципе его работы и не имеет очевидного аналога в русском языке. В таком случае найти эквивалент намного сложнее. При наличии таких терминов следует обращать внимание на контекст всего предложения, либо на ближайшее окружение слова. В ходе данной работы было отмечено, что помощником при переводе может послужить такая дополнительная информация, как модель машины. Например, PCS系列碓礮双功能一次性石料破碎机 («роторная дробилка для камня серии PCS»).

В данном примере выражение «碓礮双功能一次性石料破碎机» (碓 — «толчея»; 礮 — «стучать», «бить», «ударяться»; 双功能 — «дифункциональный»; 一次性 — «одноразовый»; 石料 — «камень»; 破碎机 — «дробилка») вызывает сложности при переводе на русский язык. Однако, указатель модели PCS позволяет найти аналог в русском языке, так как используемые в горнодобывающем машиностроении модели техники по всему миру являются общепринятыми. Данный индекс используется в названии такого агрегата, как роторная дробилка для камня. На основании соотношения перевода отдельных компонентов терминологического сочетания с русским аналогом, можно сделать вывод, что такой перевод действительно является эквивалентным.

Сложность перевода лексики сферы горнодобывающего оборудования заключается в том, что она включает в себя не только термины, но и терминологические сочетания, эквивалент которых зачастую отсутствует в словарях. В ходе работы было проанализировано 60 лексических единиц. Из них только 18% имели перевод в русском словаре, 46% единиц переводилось посредством разбора всего сочетания на отдельные компоненты и сопоставления их дословного перевода с имеющимися эквивалентами в русском языке. Среди них 2 терминологических сочетания имели в составе компоненты, пере-

водимые только на английский язык. Помимо этого, 24 % проанализированной технической лексики имело эквивалент только в английских словарях, следовательно, перевод осуществлялся не напрямую, а через еще один язык. Также было отмечено, что 4 % терминологической лексики горнодобывающей промышленности возможно перевести, опираясь исключительно на контекст.

Таким образом, в ходе исследования была выведена следующая классификация терминологических сочетаний горнодобывающей отрасли по способу перевода с китайского языка на русский, которая имеет как практическую, так и теоретическую ценность:

1. Терминологические сочетания, имеющие эквивалент в словаре.

2. Терминологические сочетания, не имеющие эквивалент в словаре:

— терминологические сочетания, переводимые посредством лексико-семантического анализа, при котором компоненты могут быть переведены только с китайского на русский язык;

— терминологические сочетания, переводимые посредством лексико-семантического анализа, при котором компоненты могут быть переведены только с посредничеством словарей английского языка;

— терминологические сочетания, переводимые посредством контекста или относящегося к сочетанию индекса оборудования.

Литература:

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст]. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз./Комиссаров В. Н. — Москва: Высш. шк., 1990. — 253 с.
2. Ткачева, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии [Текст]/Ткачева Л. Б. — Томск, 1987. — 200 с.
3. Веб-сайт Тульского завода горно-шахтного оборудования. [Электронный ресурс] — <http://www.tzgsho.ru/catalog/>.
4. Веб-сайт ЗАО «Кыштымское машиностроительное объединение» [Электронный ресурс] — <http://www.oaokmo.ru/ru/catalogue/>.
5. Веб-сайт ЗАО «Атлас Копко» [Электронный ресурс] — <http://www.atlascopco.ru/ruru/products/navigationbyproduct/>.
6. Большой Китайско-русский Словарь (БКРС) [Электронный ресурс] — <http://bkrs.info/>.
7. 山东东平矿山设备有限公司网 [Электронный ресурс] — <http://sddpps.cn.china.cn/>.
8. 上海磊友成套机械设备有限公司网 [Электронный ресурс] — <http://www.sanyyo.cn/>.
9. 东平矿山机械设备厂网 [Электронный ресурс] — <http://dpkssb.cn.china.cn/>.

Стихотворение А.-Ч. Суинберна «В саду» как часть «садовой трилогии», объекта наивысшего интереса русских переводчиков (XIX–XXI вв.)

Комарова Елена Васильевна, старший преподаватель
Перенский государственный университет архитектуры и строительства

Данная статья посвящена анализу восприятия стихотворения А.-Ч. Суинберна «В саду» русскими поэтами-переводчиками конца XIX — начала XXI века. Проведенное исследование позволяет утверждать, что переводы К.И. Чуковского и И.Д. Копостинской характеризовались интересными творческими находками, во многих случаях позволявшими посредством иных, нежели у Суинберна, художественных приемов передать как специфику замысла английского поэта, так и неповторимую выразительность его стиха, в котором каждая деталь обретала свой глубокий смысл, свое значение.

Ключевые слова: А.-Ч. Суинберн, поэтический перевод, русско-английские литературные связи, компаративистика, художественная деталь.

В обширном поэтическом наследии А.-Ч. Суинберна внимание русских переводчиков более других привлекли три стихотворения («Заброшенный сад», «В саду», «Сад Прозерпины»), объединенных обобщенным образом сада, символизирующим переходящую самую жизни, ее

радостей, бесплодность молодости, неизбежность утраты иллюзий.

В стихотворении садовой «трилогии» «In the Orchard (Provençal Burden)» («В саду (Напев Прованса)», 1866), содержащем размышления о порочной страсти в ее тра-

диционной связи со смертью, Суинбёрн усматривал пароксизм удовольствия в поиске смерти. Замысел английского поэта привлек внимание К.И. Чуковского, осуществившего перевод шести (1, 2, 4, 5, 6, 8) из десяти строф (запись в дневнике писателя от 28–29 июня 1904 г., впервые опубликованная в 2006 г.) и И.Д. Копостинской, напечатавшей в 1977 г. и в 1981 г. две редакции своего полного перевода. Однако тема эстетизации смерти, в чем-то даже отождествления любви и смерти, оказалась не близка русским переводчикам — К.И. Чуковскому в силу фрагментарности его прочтения, И.Д. Копостинской — в виду изначального акцента на экстазе героев, их страстном томлении, сочетании наслаждения и боли.

Рефрен, завершающий каждую из десяти строф оригинала («Ah God, ah God, that day should be so soon» [1, p. 116–118] [О Бог, о Бог, этот день настанет так скоро]), был сохранен только И.Д. Копостинской («О боже, боже, скоро день взойдет» [2, с. 183–185; 3, с. 459–461], тогда как К.И. Чуковский предпочел его варьировать, предложив экспрессивные трактовки, непосредственно соотносимые с оригинальным текстом: «Ах, уж день недалек, недалек уже день/<...>/Недалек уже день, ах, уж день недалек/<...>/О! Зачем этот день? О, не нужно мне дня/<...>/Скоро день. О, зачем? Он не надобен нам!» [4, с. 76].

Перевод К.И. Чуковского, несомненно, более волен, но вместе с тем позволяет увидеть в переводчице яркую, незаурядную личность. Например, К.И. Чуковский соотносит луну с цветком, отказываясь от предложенного Суинбёрном сближения эффекта, производимого листвою подсветом луны, цветами: «Clear apple-leaves are soft upon that moon/Seen sidelong *like a blossom in the tree*» [10, p. 116] [Светлые яблонево-листья нежны под этой луной,/Если сбоку смотреть, *как цветы на дереве*] — «А луна! Как нежна на цветах ее сень;/*Как цветок*, она тянется к небу прильнуть...» [4, с. 76]; ср. в ранней и поздней редакциях перевода И.Д. Копостинской: «Спят яблони. И листьев хоромод,/Как белых лепестков *продрогший рой*» [2, с. 183]; «Спят яблони, но их листва цветет,/Как лепестки, *зажженные луной*» [3, с. 459]. Если в английском оригинале *травы* (*grass*) охарактеризована как *густая* (*thick*), *прохладная* (*cool*), то в переводе К.И. Чуковского особую значимость приобретает *мягкость* травы, возможность лежать на ней, в результате чего используется народно-поэтическая лексема *мурава*: «The grass is thick and cool, it lets us lie./Kissed upon either cheek and either eye» [1, p. 116] [Трава густа и прохладна, можно нам лежать./Исцелованы щеки и глаза] — «Исцелована вся я лежу, и наш сад/Мне для ложа отдать *мураву* свою рад» [4, с. 76]; И.Д. Копостинская в данном случае предпочла построить описание на сравнениях, что особенно заметно в ранней редакции ее перевода, ср.: Прохладе трав доверься, *как во сне*./Твой поцелуй — *как роза на волне*» (ранняя редакция; [2, с. 183]) — «Прохладе трав доверься *как во сне*./Целуй нежно губы, щеки мне...» (поздняя редакция; [3, с. 459]).

Суинбёрновское сравнение тяги юноши к возлюбленной с завершением, закатом *цветущего* дня, всячески противящегося самой возможности неизбежного конца («I turn to thee *as some green afternoon/Turns toward sunset, and is loth to die*» [1, p. 116] [Я клонюсь к тебе *как цветущий день/Клонится к закату и не хочет умирать*]), было трансформировано К.И. Чуковским сразу в две параллели с явлениями окружающего мира: «И хочу я тебя, *как полдневная тень/Хочет ночи, как полдень, влюбленный в закат*» [4, с. 76]; у И.Д. Копостинской, стремившейся к большей точности в передаче нюансов описания, оказался утраченным мотив смерти и вместе с тем нежелания умирать: «К тебе клонюсь... *Так летний небосвод/К закату клонится, томясь в огне*» [2, с. 183; 3, с. 459]. Наблюдение Суинбёрна, лапидарно переданное в стихе «The pleasure lives there when the sense has died» [1, p. 116] [Удовольствие живет, когда сознание умерло], первоначально было искажено И.Д. Копостинской («У наслажденья есть священный час,/Когда стремится жизнь покинуть нас» [2, с. 183]), что дало основание для появления позднейшей более точной редакции фрагмента перевода, которая, впрочем, также избыточно многословна: «Пусть дольше длится наслажденья час,/Когда сознание покидает нас» [3, с. 459].

Предложение девушки, дающей влюбленному цветок вместо поцелуя («...I charge you leave me this:/Is it not sweeter than a foolish kiss?/Nay take it then, my flower, my first in June,/My rose, so *like a tender mouth* it is» [1, p. 117] [...я требую, чтобы ты оставил мне это <покой>:/*Не слаще ли это, чем безрассудный поцелуй?*]/Нет, возьми его тогда, мой цветок, мой первый в июне,/Мою розу, *как нежный рот* она]), интерпретировано К.И. Чуковским с отдельными эмоциональными нюансами, — в частности, *безрассудный* поцелуй стал *шалым*, а *нежный рот* превратился в *нежное лобзанье*: «...Молю: отдохни, не целуй!/Разве отдыха *слаще шальной поцелуй?*]/Да? Так вот он, возьми, мой июньский цветок,/Мою розу; она — *как лобзанье нежна*» [4, с. 76]. И.Д. Копостинская метафоризировала поцелуй как розу, полностью отказавшись от риторического вопроса, акцентировавшего возможность предпочтения покоя поцелую или, напротив, поцелуя покою: «Лишь наслажденья гибельный покой/Не отнимай совсем <...>/*Июньской розой поцелуй цветет*./Но даже он не радуется порой» [2, с. 183; 13, с. 459].

Музыкальность, переданная Суинбёрном при помощи ассонанса, в частности, повторения дифтонга/трифтонга [ai]/[aiə] в пятой строфе («Love, till dawn sunder *night* from day with *fire*,/Dividing my delight and my desire./The crescent *life* and love the plenilune,/Love me though dusk begin and dark *retire*» [1, p. 117] [Люби, пока заря не разлучит ночь с днем огнем./Разделяя мой восторг и мое желание,/Жизнь неполной луны и любовь полнолуния,/Люби меня, хотя светать начинает и темнота отступает]), во многом оказалась утраченной в русских переводах, причем и К.И. Чуковский, и И.Д. Копостин-

ская прибегли к олицетворениям, помогавшим хотя бы отчасти проникнуться тональностью и эмоциональным миром подлинника: «Ах, *отнимут огни* эти первых лучей/Ночь у дня и восторги у страсти моей./А пока — в полнолуние — люби же меня,/Хоть *бежит* уже *тьма* от рассветных огней» (К.И. Чуковский; [4, с. 76]); «Люби, пока *не вздрогнула зоря*,/Над полнолунием сердца *воспаря*./Светает... Скоро огненный *восход*/Рассеет тени, сумрак *покоря*» (И.Д. Копостинская, ранняя редакция; [2, с. 185]); «Люби, пока *не вздрогнул луч* зари,/Над полнолунием сердца *воспарив*./Люби... Ведь скоро огненный *восход*/Рассеет тени, сумрак *покорив*» (И.Д. Копостинская, поздняя редакция; [3, с. 459]). Суинбёрновское *blood draws back* («кровь застывает») оказалось созвучно устойчивому обороту *стынет кровь*, что не прошло мимо И.Д. Копостинской, также усилившей описание сравнением крови и полыньи: «Ah, my heart fails, my blood draws back...» [1, p. 117] [О, мое сердце останавливается, моя кровь застывает...] — «Но *стынет* кровь моя, *как полынья*» [2, с. 185; 3, с. 461]; К.И. Чуковскому удалось сохранить и первый суинбёрновский образ — *останавливающегося (падающего) сердца*, однако фактографическая насыщенность лишила описание лирической трогательности: «Вот уж падает сердце, уж кровь не слышна» [4, с. 76].

Существенный для осмысления суинбёрновского замысла параллелизм синтаксических конструкций седьмой строфы «не надо <...> коль», позволявший увидеть противоречие между реальным и желаемым («There is *no building now the walls are built*,/No quarrying now the corner-stone is hewn,/No drinking now the vine's whole blood is spilt» [1, p. 117] [Не надо строить, коль стены возведены,/Не надо разрабатывать карьер, коль камень высечен,/Не надо пить, коль вся кровь лозы пролита]), был частично представлен в ранней редакции перевода И.Д. Копостинской («Дом кончен. Камень незачем дробить./Сок выпит и лоза не расцветет./Рисунок выткан. Пусть же рвется нить» [2, с. 185]), однако в позднейшей редакции, в виду желания переводчицы сделать единым целым упоминания выпитого сока и не расцветшей лозы, оказался утраченным: «Дом создан. Камень незачем дробить./И снова сок лоза не разольет./Рисунок выткан... Пусть же рвется нить» [3, с. 461].

И.Д. Копостинская несколько преобразовала мотив боли, сделав его, в сравнении с суинбёрновским, менее резким и агрессивным, но при этом более длительным не отпускающим, цепляющим, пытающимся удержать, ср.: «Pluck thy red pleasure from *the teeth of pain*,/Break down thy *vine* ere yet grape-gatherers prune» [1, p. 117] [Вырви свое страстное наслаждение из *зубов боли*,/Сорви

свою *лозу* прежде, чем сборщики винограда срежут] — «Не отдавай другим твоё *вино*,/И вырви наслажденье из *тенет/Глубокой боли, жалающей давно*» [2, с. 185; 3, с. 461]; К.И. Чуковский в своем раннем переводе первым отказался от образа *сорванной лозы* («vine»), используя образ *разметанного винограда* (у И.Д. Копостинской — *не отданного вина*), соотносимый в языке-оригинале с той же группой однокоренных слов, что и *лоза*: «И багряный восторг отыми у скорбей./Разметай *виноград*, пока сладок в нем сок» [4, с. 76]. Первоначальная трактовка стиха «For sweet night's sake I will not live till day» [1, p. 118] [Ради сладкой ночи я не доживу до дня] как «За эту ночь я жизнь мою отдам» [2, с. 185] была заменена И.Д. Копостинской абстрактным, лишенным внутреннего эротизма прочтением: «Лишь наслажденья сном душа горда» [3, с. 461]. В концовке перевода, отказавшись от повтора лексемы *sweet* («сладкий, милый, любимый, нежный»), И.Д. Копостинская ввела оригинальное сравнение силы любовного плена и силы смерти, вполне гармонирующее с общим мотивным рядом суинбёрновской лирики: «Ah *sweet*, too *sweet* to me, my *sweet*, I know/Love, sleep, and death go to the *sweet* same tune» [1, p. 118] [О *нежно*, слишком *нежно* для меня, мой *милый*, я знаю,/Любовь, сон и смерть сливаются в одну *нежную* мелодию] — «*Любимый мой, любовь и смерть, как сон./Сильнее смерти нежности полон*./<...>/Любовь и *смерть* соединяет он <поцелуй>» [2, с. 185; 3, с. 461]. Кроме того, используя анафонию сонорных согласных [л], [м], [н] с шумным согласным [с], переводчица смогла выпукло подчеркнуть гармонию в сочетании двух, казалось бы, противоположных начал — любви и смерти.

Не отражая в полной мере художественного своеобразия суинбёрновского подлинника, переводы К.И. Чуковского и И.Д. Копостинской характеризовались интересными творческими находками, во многих случаях позволявшими посредством иных, нежели у Суинбёрна, художественных приемов передать как специфику замысла английского поэта, так и неповторимую выразительность его стиха, в котором каждая деталь обретала свой глубокий смысл, свое значение. Переводчики, вслед за английским поэтом, гармонизировали и одухотворили страсть, пылкие чувства возлюбленных, существенно смягчив некоторые нарочито грубые детали оригинального описания, такие, как мотив стекающей по бедрам росы и почти мазохистский призыв героини к любимому сразить ее мечом (клинком) или нежным поцелуем, воспринимавшиеся в период создания произведения как своеобразный вызов пуританской морали. Вместе с тем русским трактовкам оказалось чуждо понимание любви как смерти, в результате чего их пафос стал более оптимистичным.

Литература:

1. Swinburne A.-Ch. Poems and Ballads. — L.: Edward Moxon & Co, 1866. — 296 p.
2. Копостинская, И.Д. В саду (На провансальскую тему); Рондо // Поэзия Европы: В 3 т./Вступ. ст. Н.С. Тихонова. — М.: Худ. лит., 1977. — Т. 1. — с. 183–187.

3. Копостинская, И.Д. В саду (Напев Прованса) // Английская поэзия в русских переводах (XIV—XIX века)/Сост. М. П. Алексеев, В. В. Захаров, Б. Б. Томашевский. — М.: Прогресс, 1981. — с. 458—461.
4. Суинбёрн А.-Ч. «О, пусти мои руки, о, дай мне вздохнуть...»/Пер. К. И. Чуковского // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. — М.: Терра — Книжный клуб, 2006. — Т. 11. Дневник (1901—1921). Конспекты по философии. Корреспонденции из Лондона. — с. 76.

Теккерей глазами викторианского читателя в сравнении с Диккенсом

Кугультинова Аюна Саналовна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Данная статья посвящена реалистичному видению жизни английского писателя Теккерей и восприятие викторианского читателя его произведений.

Ключевые слова: Теккерей, реализм, викторианский читатель, Диккенс, ирония

Переход от романтизма к реализму ознаменовался появлением на литературном поприще таких мастеров пера, как Диккенс и Теккерей. Но литературная слава бывает капризной. И судьба этих великих писателей сложилась по-разному. Слава пришла к Диккенсу рано и не покидала его до последнего часа.

Иначе сложилась творческая судьба Теккерей. В 1847 г. после выхода первых выпусков самого известного романа Теккерей «Ярмарка тщеславия», и рядовые читатели, и даже литературные критики ничего не могли сказать в пользу писателя, так как совершенно не знали его предыдущих произведений. А между тем Теккерей к тому времени уже сотрудничал с сатирическим журналом «Панч» и напечатал там несколько своих произведений, таких как «Записки юного сноба» и «Баллады о полисмене Икс».

Теккерей был незаслуженно осмеян некоторыми английскими критиками, однако его стиль жизни, характер совершенно не совпадали с их злыми и колкими высказываниями о писателе.

Классик XIX в., автор «Ярмарки Тщеславия» был открыт по-настоящему только в середине двадцатого века. Однако этому парадоксу найдется справедливое объяснение.

Теккерей не шел на поводу моды викторианской эпохи. Он не гнался за славой и не стремился потакать прихотям его читателей. Он нес благородное бремя в Англии, как это делал Достоевский в России. Он писал правду. Настоящую правду, без прикрас и лживых слез, без красноречивых, пышных и бесполезных восклицаний. Если Бекки Шарп хитрая, корыстная, беспощадная авантюристка, она будет показана автором именно в таком облике. Автор без стеснений нарекает ее эпитетами, которые ярко раскрывают настоящий образ Ребекки: «паук», «змея», «лисица», «сирена», «Клеопатра» и т.п. Но автор не наказывает Ребекку за всё зло, которое «везде и всюду несла эта женщина», ведь она не отличается от всех жителей ярмарки, так что наказывать ее не за чем. В мире героев

Теккерей тщеславие — норма человеческого поведения, что противоречило правилам викторианской этики. Однако парадокс заключался в том, что в то время на деле все обстояло совсем иначе. Поэтому писатель в укор самому себе решил разоблачить английское общество XIX в. и обеспечить себе не самую лучшую репутацию, в отличие от Диккенса.

У Теккерей был свой взгляд на многие истины, представления и верования эпохи. Он не терпел вычурности, преувеличений и фальшивых восклицаний.

«Искусство романа, — писал Теккерей в письме известному критику Дэвиду Мэссону, — в том и состоит, чтобы изображать Природу, передавать с наибольшей силой ощущение реальности... Я не думаю, что Диккенс надлежащим образом изображает природу. На мой вкус, Микобер не человек, но ходячее преувеличение, как собственное и его имя — не имя, а лишь гротеск. Этот герой восхитителен, и я от души смеюсь над ним, но он не более живой человек, чем мой Панч, и именно поэтому я протестую» [4].

Викторианская публика была приучена к романтически-возвышенному облику преступника. Однако Теккерей в произведении «Барри-Линдон» показал истинное и совсем не привлекательное лицо преступника. «Замахнулся Теккерей и на самое святое в викторианской морали — на добродетель, на всех этих ангелоподобных героинь, которые были почти обязательной принадлежностью романов того времени» [4].

Приверженец права изображать людей, а не героев, Теккерей в подзаголовке к «Ярмарке тщеславия» сделал важное уточнение — «роман без героя».

Читатель, привыкший к тому, что автор должен интерпретировать каждую ситуацию, каждую главу и сцену, чувствовал себя потерянным без подсказки, без одобрений или осуждений писателя. Ему приходилось искать ответ на вопрос, кого одобряет Теккерей в своих книгах, а кого нет. Как относиться к беспощадной авантюристке Бекки Шарп, когда она помогла Доббину обрести свою

любовь? Доббину, который всегда относился с отвращением к ее хитрым и коварным поступкам. Викторианский читатель в замешательстве. Образ автора совершенно не уловим.

Критики того времени называли «Ярмарку тщеславия» «желчной, злой, не возвышающей душу книгой, увидели в ней лишь жестокою сатиру на современное общество, но не заметили дидактической посылки автора» [4].

Подобно Лермонтову Теккерей был талантлив не только в литературе. Он также отлично рисовал. Но однажды, попробовав написать иллюстрации к одному из произведений Диккенса, Теккерей был безжалостно раскритикован викторианским почитателем Диккенсом. Диккенс, будучи не менее талантливым писателем, сумел распознать в рисунках Теккерей сатирические и насмешливые образы. Однако, автор «Пиквика» нуждался в добрых и по-детски смешных рисунках.

Личные и творческие взаимоотношения Диккенса и Теккерей — одна из любопытнейших страниц в истории английской литературы XIX столетия. Они были не похожи друг на друга во всем.

«Теккерей вырос в обеспеченной, интеллигентной семье. У него были прекрасные, по-настоящему дружеские отношения не только с матерью, но и с ее мужем, который принимал самое деятельное участие в судьбе папынка» [4].

«Диккенс, человек крайне эмоциональный, весь во власти минуты и настроения, мог быть безудержно добрым и столь же неумеренно нетерпеливым даже с близкими и друзьями, безропотно сносившими капризы его поведения. Он был ярок и неумерен во всем: любовь к преувеличению, гротеску, романтическое кипение чувств» [4].

Другое дело — Теккерей. Безжалостный сатирик и смелый пародист, он был терпимым и доброжелательным человеком. Не жалуясь на свою судьбу, Теккерей воспитывал двух дочерей, «стоически» сносил болезнь. Теккерей был готов первым протянуть руку не только помощи, но и примирения, что и произошло, когда они поссорились с Диккенсом. «Скандал был глупым. Диккенс, подавшись настроению, поддержал некоего мистера Йейтса, крайне пренебрежительно отозвавшегося в своей статье о Теккерее, в частности, об обстоятельствах его семейной жизни. Спустя несколько лет, Теккерей, увидев уже тяжело больного Диккенса, хотя Диккенс и был явно неправ во всей этой истории, окликнул его и первым в знак примирения протянул руку» [4].

«Воззрения их на искусство также были различны. Каждый утверждал Правду — но свою. Диккенс создавал гротески добра (Пиквик) и зла (Квилп, Урия Гип), его безудержное воображение вызвало к жизни дивные романтические сказки, где правда идей важнее и значительнее правды фактов («Лавка древностей», «Рождественские повести»)» [2]. Однако, Теккерей в своих произведениях «Ярмарка тщеславия», «Генри Эсмонд», «Ньюкомы»,

«Виргинцы» обличал несправедливость и нравственную ущербность.

«Современная Теккерее критика окрестила писателя «апостолом посредственности». Даже Шарлотта Бронте писала: «Его герои неромантичны как утро понедельника» [4].

«Сила социального и нравственного воздействия прозы Теккерей не только в обличении, но во всепроникающей иронии, обнажающей фальшь, порок, претенциозность и не жалеющей при этом даже самого себя» [4].

Честертон, понимавший эту особенность художественной манеры Теккерей, остроумно заметил, что книгу очерков об английских снобах мог бы написать и Диккенс, но только Теккерей мог сделать такую важную приписку к заглавию — «написанную одним из них».

«В своеобразии его иронии и весьма непростою понимании жизни отчасти содержатся объяснение относительно малой популярности Теккерей при жизни» [2]. Современники Теккерей ценили комизм ради комизма и потому с такой готовностью откликались на романы Диккенса, особенно ранние, «Крошка Доррит», «**Жизнь и приключения Николаса Никклби**», где всегда есть целый ряд забавных, веселых эпизодов. «Викторианский читатель ценил гротеск, отдавал должное сатире, был сентиментален, с радостью умилялся добродетели и скорбел о поруганной невинности» [2]. Теккереевская ирония оставляла его равнодушным и даже пугала. Слезы, которые исторгала у него смерть Крошки Нелл из «Лавки древностей» или же маленького Поля из «Домби и сына», нравственно возвышали его. «Но смех от иронических замечаний или отступлений Теккерей настораживал — в любую минуту он грозил сделать своей мишенью и самого читателя» [4].

Еще одна особенность Теккерей, которая отличает его почти от всех его современников — это чувство реальности, проникающее во все его писания, реальности, о которой он помнит даже во время самых «сумасбродных взрывов юмора». В его манере нет ничего театрального; то же самое следует сказать о его персонажах. Они все индивидуальны в правильном смысле этого слова. Теккерей пишет «с натуры», а не выдумывает, не «роется в реквизите какого-то захудалого театра».

Есть у него еще одна особенность, за которую ему достается от критиков, а именно — что он «безжалостно раскрывает тайну, которая хранится в каждом чулане». Он являет нам иллюзии лишь для того, чтобы показать их безумие. «Насмешливый Мефистофель, он не даст вас обмануть, он смеется над вами, над всеми, над собой» [4].

Итак, Теккерей был настоящим реалистом и потому обладал реалистическим видением жизни, что доказывает его собственное высказывание: «Диккенс пытался передать мне свое восхищение поэзией Теннисона, — сказал Теккерей, — но все возвышенное, идеальное не трогает меня. Держись от него подальше! Англичанам больше по душе ростбиф!»...

Литература:

1. Википедия, Теккерей Уильям Мейкпис [Электронный ресурс]. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Теккерей,_Уильям_Мейкпис
2. Гениева, Е.Ю. Странная судьба Уильяма Теккерея [Электронный ресурс]. — <http://www.philology.ru/literature3/genieva-89c.htm>
3. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М., 1997.
4. Теккерей в воспоминаниях современников [Электронный ресурс]. — http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/tekkerej_memoirs.txt
5. Чарльз Диккенс. Первые романы [Электронный ресурс]. — <http://detectivemethod.ru/english-authors/dickens-first-novels/>

Методологические основы исследования когнитивных механизмов и языковых средств создания комического в художественном тексте (на материале произведений Джером К. Джерома и О. Генри)

Савина Юлия Александровна, аспирант
Херсонский государственный университет (Украина)

Статья посвящена основным принципам методики анализа и обзора когнитивных механизмов и языковых средств, которые широко используются авторами при написании юмористических произведений и являются непосредственным источником создания комического.

Ключевые слова: комическое, языковые средства, юмористическое произведение, когнитивный механизм, антропоцентризм, метод.

Одним из основных методологических приемов исследования когнитивных механизмов и языковых средств создания комического в художественном тексте выступает антропоцентризм и является общепризнанным методологическим принципом, считается одним из типов мировоззрения, согласно которому в центре вселенной находится человек, который и является вселенной, а также высшей целью мироздания. Данный прием, в первую очередь, основывается на понимании и осознании мира с точки зрения самого человека с его взглядами на действительность, которая его окружает. Философия рассматривает антропоцентризм как сосредоточие философских исследований, которые основываются на проблематике человека.

В начале следует отметить, что в лингвистике антропоцентризм выступает главным и основным исследовательским принципом с конца XX ст., когда в языкознании происходит смена парадигм исследования языка, в результате чего внимание лингвистов смещается от системно-структурного рассматривания языка к антропоцентрическому, то есть к изучению языковой личности. Заимствование антропоцентрического принципа при исследовании языка как продукта человеческой деятельности, предназначенного для выражения потребностей человека, способа сохранения его знаний и опыта, предполагает рассмотрение связи между языком и мышлением человека, его

внутренним состоянием, общечеловеческими и национально-культурными ценностями.

Следует отметить, что антропоцентризм привлекал внимание еще античных философов, а именно Сократа, Платона, Гераклита, Протагора, Демокрита и Аристотеля, которые рассматривали человека как «мерило всем вещам». Но во времена Средневековья и практически до начала XIX ст. основы антропоцентризма игнорировались науками о человеке [15, с. 38].

Позже особое внимание антропоцентрический подход приобрел в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, который объединил коллективный и индивидуальный антропоцентризм на основе взаимопонимания носителей одного языка, что потом и имело популярность во всех лингвистических школах, и к середине XX ст. в работах лингвистов антропоцентризм практически не упоминался и не использовался. [4 с. 66]

Поскольку антропоцентризм направляет исследование языка в сторону изучения языковой личности, а также ее индивидуальных смыслов, языковой, коммуникативной и культурной компетенции, он служит методологической основой при исследовании природы комического. Отмечается, что в онтогенезе как индивидуальном развитии человека с дня рождения и до самой смерти, и в филогенезе, который трактуется как историческое и социальное развитие человека, сначала рождается смех, а потом понятие

о комическом и чувство юмора. Поэтому с точки зрения антропологического подхода, человек не может существовать без комического. И как отмечает А. Г. Козинцев, юмор невозможно рассматривать, без учета антропологического принципа [7, с. 5–7].

Шутки, высмеивания человеческих недостатков, курьезных ситуаций всегда помогали человеку переживать его жизненные невзгоды [ibid]. Сущность феномена комического основывается на его способности порождать импульс удовлетворения у того, кто смеется. Существует большая разница между обычным смехом и комическим (комизмом).

Л. Н. Лубина утверждает, что в большинстве случаев смех имеет чисто физиологический характер, сигнализирует о врожденной реакции мозга на определенные стимулы, выражает природную, физиологическую реакцию индивида, его субъективное отношение к полученным впечатлениям. Комизм же имеет более общий характер. Он являет собой самую высокую степень смеха [8, с. 63].

В той или иной мере комическое может переживать каждый человек, но в более выраженной и концентрированной форме комическое проявляется в искусстве, и разные его грани лежат в основе таких жанров, как сатира, эпиграмма, пародия, памфлет, комедия, буфонада, фарс, бурлеск, травестия и т. д. [2, с. 54].

Определение и анализ когнитивных механизмов и языковых средств достижения комического эффекта в художественном тексте на примере юмористических произведений Дж. К. Джерома и О. Генри допускает обращение к художественному творчеству писателей, в котором воплощается лингвокреативная деятельность творческого сознания мастеров слова, материальной формой чего выступает совокупность языковых знаков, которые в художественной форме отображают этнокультурное восприятие действительности.

Обусловленность феномена комического в «малой» прозе Дж. К. Джерома и О. Генри культурно-историческими, биографическими, литературными и сугубо лингвальными факторами требует использования полипарадигмального подхода в исследовании когнитивных механизмов и языковых средств создания комического, основой которого есть методологические основы трех научных направлений — лингвокультурологического, лингвопоэтического и когнитивного.

Тесная связь повести «Трое в лодке, не считая собаки» с традициями англоязычной литературы о юмористическом путешествии (М. Твен, Ч. Диккенс) просматривается в статье В. Притчетта [16, с. 783]. Вместе с этим исследователь дает обозначение и характеристику юмора Джерома («легкий»), стиля («иронический») и языка («афористический») [ibid]. Несколько родственно, хотя и в другой манере, характеризует юмор Дж. К. Джерома и американский автор юмористических новелл П. Врайес. Критик называет писателя «универсальным и вневременным явлением» [17, с. 17], основываясь на том, что смех Джерома понятен людям любой национальности, поскольку объединяет юмористическое начало с философским.

Исследуя юмористические произведения Дж. К. Джерома, а именно повесть «Трое в лодке, не считая собаки», ученая М. Р. Форс впервые затрагивает вопрос о самоиронии писателя, так как, по ее мнению, ценность этого произведения заключается в первую очередь в том, что «насмешка автора направлена против самого героя, его самоуверенности, самовлюбленности и эгоизма». Большое количество исследователей, таких как Томановская Н., Храпченко М., Moss A. подчеркивают склонность Дж. К. Джерома к употреблению ситуационного юмора и комической стихии, которые являются типичными для английской литературы, делая акцент на то, что они являются определяющими факторами в стилистике его произведений. Что же касается средств создания комического у Дж. К. Джерома, то А. Гозенпуд выделяет следующее: создание комических масок, которые олицетворяют чудачества натуры человека, изображение героев, как чудаков, которые любят давать ненужные советы, или как людей, которые стают по-детски беспомощны, когда сталкиваются с реальной жизнью и сложными жизненными ситуациями [5, с. 202–204].

Таким образом, не смотря на разнообразную антологию исследований, природа, жанровая своеобразие, специфика языкового внедрения и, безусловно, когнитивная природа комического в произведениях Дж. К. Джерома до сих пор остается вопросом многих научных дискуссий.

Короткие рассказы О. Генри стали качественно новым явлением в американской литературе. Комическое в рассказах американского писателя имеет в своей основе достаточно стойкую социальную основу, которая становится еще понятнее если спроектировать произведения О. Генри на американскую историю [6, с. 18]. В рамки своих произведений писатель заключает важные проблемы своего времени, критически его оценивая и, в то же время, сохраняя легкость, изысканность, интересное содержание и эффектный финал. Об этом утверждали такие исследователи творчества О. Генри как Current-Garcia E., Adcock D., Вербицкий О. Писатель использует все аксессуары захватывающей литературы своего времени — прием тайны, параллельных сюжетных линий, случайных встреч и событий, комизм ситуаций и контекстуальные ассоциации, стилистическое наслоение и метафоры, что и предопределяет разнообразие интерпретаций авторского замысла. Среди палитры юмористических произведений американского юмориста встречаются образцы грустного и веселого настроения, а также смешанные тексты [6, с. 20]. Оттенки иронии, которой пронизанные все его рассказы создают довольно-таки обобщенное восприятие. Авторская легкая ирония, при помощи которой автор описывает своих героев, самоирония персонажей и ироническое отношение участников событий друг к другу всегда свойственны «веселому» образу и характеру рассказов. Многие исследователи творчества О. Генри, такие как Мусейчук М. В., Балдицын П. В., Богословский В. И., Schneider D. среди основных объектов, на которых останавливается иронический взгляд писателя, выделяют и такие, не менее важные: «финансовые

вопросы», «любовь и супружеские отношения», «женский характер», «еда» и «литературная деятельность». Спецификой творческого метода, равно как и стилистика О. Генри, представляется гармоничное сочетание в рамках одного рассказа нескольких тем, содержательное наполнение которых, осуществляется путем наслоения разных лингвистико-стилистических приемов [9, с. 12]. Развиваясь в русле сатирико-юмористической традиции, О. Генри значительно обогатил ее средствами комического, идя от «дикого юмора» Запада с его гиперболизированным представлением окружающего мира, карикатурностью и гротеском, в направлении сатирического изображения жизни в формах самой жизни, не выходя за рамки жизненной достоверности. Здесь можно проследить и охарактеризовать саму специфику языка рассказа — она динамическая и улыбочивая, делает композицию совершенной, а сюжет и стиль — оригинальными [13, с. 8].

Важно отметить, что лингвостилистичный анализ, который направлен на изучение языковых средств создания комического в «малой прозе» Дж. К. Джерома и О. Генри, предусматривает использование общенаучных методов индукции и дедукции, эмпирико-теоретических методов анализа и синтеза, а также специальных методов: интерпретационно-текстового анализа, который служит для выделения из художественных произведений Дж. К. Джерома и О. Генри комически маркированных контекстов; контекстуального анализа — для выяснения прямого (эксплицитного) и непрямого (имплицитного) способов создания комического в выделенных комически маркированных контекстах. Как известно, комическое имеет эвристическую природу и создается при помощи выборочного поиска соответствующих языковых средств. Изобретение лингвистических путей порождения комизма в любом случае есть субъективным и неповторимым результатом свободной творческой деятельности писателя, а языковые средства, таким образом, являются «осознанными и контекстуально, и ситуативно обусловленными» [11, с. 34].

И. П. Тарасова утверждает, что в языковой системе есть общий потенциал для возникновения и развития стилистических приемов, которые являются характерными для текстов комического характера. С точки зрения лингвостилистики, основные языковые средства создания комизма возможно найти проанализировав все уровни художественного текста, поскольку по форме они совпадают с общепринятыми определениями стилистических приемов, фигур, тропов, выразительно — образительных средств повествования. В связи с этим, анализ языка художественного произведения выполняется с помощью разделения языковых средств на выразительные и образительные [12, с. 1614]. Таким образом, к образительным средствам языка И. В. Арнольд относит образное употребление слов, словосочетаний и фонем, совмещающая при этом все виды переносных наименований, которые имеют общее название — «тропы» [1, с. 146]. Особенность языковых средств создания комического заключается в их функции, ведь они имеют оценочную на-

правленность, выражают разную степень негативной нагрузки, могут принимать или не принимать участие в создании двухсмысленности высказывания.

Современный этап развития мирового языкознания невозможно представить без последних достижений когнитивной лингвистики, которая полностью по праву считается его характерным направлением. Уже почти свыше трех десятилетий научные разведки в отрасли когнитивистики занимают ведущее место в общей системе исследований, научных взглядов и методов изучения языка. Базируясь на собственных теоретико-методологических установках и понятийно-терминологическом аппарате, когнитивная лингвистика закономерно рассматривается как новая пост-генеративная парадигма научного знания, которое формируется под воздействием когнитивной науки и характеризуется достаточным разнообразием теоретических позиций.

Что же касается когнитивно-дискурсивного анализа при исследовании когнитивных механизмов создания комического, то Н. А. Беседина считает, что принципом такого рода анализа является выявление и выделение определенных структур знания, мыслей и оценок, которые стоят практически за каждой языковой единицей, категорией или формой. Если акцент делается на когнитивную составляющую, то идет речь о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную — о способе подачи и распределении информации по «поверхности» единиц, которые рассматриваются (от самых малых слов — к самым крупным) [3, с. 33]. В основе юмористических текстов когнитивно-дискурсивной парадигмы находятся сложные новообразования типов текстов и дискурса. Однако, с помощью традиционных лингвистических средств можно обнаружить способы функционирования конкретного вида текста. Таким образом следует отметить, что, когнитивно-дискурсивную парадигму юмористических произведений можно исследовать из разных точек зрения, уделяя отдельное внимание выявлению лингвистических средств, которые способствуют созданию юмористического эффекта в художественном произведении. На современном этапе в когнитивной парадигме юмора выделяют следующие аспекты: юмор — форма отображения объективного мира; процесс познания, который опосредствован юмором и протекает на основе борьбы противоречий; юмор обеспечивает свободу когнитивного выбора личности; юмор за уровнем обобщенности аналогичен с абстрактным мышлением; когнитивный механизм юмора учреждается в мисленном сближении и сопоставлении двух или более несовместимых подходов исследования человека, ситуации или чьей-то мысли; [9, с. 322]. Следовательно, юмор является разновидностью интеллектуальной игры, которая способствует накоплению и приобретению опыта, а остроумие — это неотъемлемая часть творческих личностей. Совокупность условий для возникновения комического эффекта, который становится следствием реализации специфически маркированного контекста, всегда находится в соответствии с существованием отдельных факторов, которые в терминах современной когнитиви-

стики (стоит отметить труды В. А. Самохиной, Б. Дземидока, Д. С. Лихачева, Т. М. Рюминой, Л. Ф. Карасева и др.) отражаются как факторы реализации инконгруэнтности, или нарушения норм разных типов. Инконгруэнтность (от лат. *incongruentia* 'несоответствие, противоречие') — игра противоречиями, противопоставлениями, теми вещами, какие несовместимы между собой. Из позиций когнитивистики инконгруэнтность — это состояние сознания, которое возникает, когда индивид положительно относится к сообщению, но негативно — к его источнику, и наоборот. Такое расхождение имеет влияние на отношение к этому сообщению. К базовым составляющим инконгруэнтности как механизму создания комического относятся: а) нарушение онтологических норм; б) нарушение норм на логико-понятийном уровне; в) нарушение валоративных норм [14, с. 3]. На уровне текста, отмеченные механизмы актуализируются через смежное применение противоположных или несоответствие значений и оценок; алогическое соотношение разноплановых понятий; изобретение причинно-следственных связей между объектами, которые таких связей не имеют, нарушение существующей графической или фонетической нормы; нарушение целостности стойкой языковой структуры (фразеологизма); преувеличение (гиперболизирование) признаков объектов-участников комической ситуации. Исследование инконгруэнтности как когнитивного механизма создания комического способствует актуализации приемов и средств лингвоситуативного и лингвального уровней, основой которых является нарушение нормы. При этом нормой считается любой стандарт или способ выражения, который был принят определенным социумом. Отклонение от нормы создает в тексте новую норму, а также дополнительные коннотации оценочности, эмоциональности и экспрессивности. На отклонении от нормы в юмористических текстах основывается

вся экспрессия и эмоциональность, что и позволяет им выполнять функцию влияния [14, с. 77]. Однако не всякое противоречие может быть комическим. В основе несоответствия должен быть комический образ или ситуация, распознавание которых для реципиента не будет трудным. Языковая игра должна основываться на знании системы языковых единиц, на способности к творческой интерпретации этих единиц, то есть к нарушению нормы. Такого рода использование языка, отмечает В. А. Самохина, является когнитивным процессом и допускает наличие общих фоновых знаний как у адресанта, так и у адресата, который становится особенно актуальным при анализе комически окрашенных ситуаций [14, с. 71].

Следовательно, комическое связано с определенными переживаниями человека. Смех, который является результатом комического, возникает на основе понимания алогичности определенных жизненных ситуаций, то есть на постижении отдельных противоречий и диссонансов, отклонений от нормы, инконгруэнтности. Комическое — это необходимая черта творческого мышления человека. Нарушение определенных норм является неотъемлемой частью создания комического эффекта в художественном произведении.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод, что комическое всегда было и остается одним из вопросов заинтересованности многих направлений гуманитарной науки, не исключая при этом литературоведческие студии. Но с изменением культурных эпох и эстетических взглядов изменяется и восприятие комического, относительно трактовки его форм и средств. Именно поэтому, изучая особенности творческой лаборатории отдельного писателя, следует, в первую очередь, определиться с методологическим аппаратом исследования.

Литература:

1. Арнольд, И. В. *Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования*: [учеб. пос. для студ. пед. ин-тов по спец «иностр. яз.】/И. В. Арнольд. — 3-е изд. — Л.: Просвещение, 1990. — 330 с.
2. Арутюнова, Н. Д. *Жанры общения*/Н. Д. Арутюнова // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. — М.: Наука, 1992. — с. 52–56.
3. Беседина, Н. А. *Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике*/Н. А. Беседина // *Логика, методология и философия науки. Научные ведомости*. — Белгород, 2010. — № 20 (91). — Вып. 14. — с. 31–38.
4. Гумбольдт, В. фон *Избранные труды по языкознанию*/В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
5. Гозенпуд, А. *Джером К. Джером. Трое в лодке не считая собаки*/А. Гозенпуд. — Л.: Лениздат, 1980. — 575 с.
6. Должикова, С. Н. *Социально-мировоззренческие мотивы в языке произведений О. Генри: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка»*/С. Н. Должикова. — Краснодар, 2003. — 24 с.
7. Козинцев, А. Г. *Человек и смех*/А. Г. Козинцев. — СПб, 2007. — 240 с.
8. Лубина, Л. Н. *Комический эффект как трансформации нормы, национально-культурное в комическом*/Л. Н. Лубина // *Вестник Югорского гос. университета* — 2011. — № 1 (20). — с. 85–88.
9. Мусейчук, М. В. *Когнитивная парадигма юмора*/М. В. Мусейчук // *Материалы конференции Ананьевские чтения. Современная психология: методология, парадигмы, теория*. — 2009. — Вып. 2. — 622 с.
10. Мысоченко, И. Ю. *Лингвистилистические реалии комического в произведениях О. Генри: в подлиннике и переводах: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка»*/И. Ю. Мысоченко. — Краснодар, 2007. — 20 с.

11. Ротанова, Н. М. Обучение школьников речевым средствам комического на уроках русского языка: дис. на соиск. ученой степени канд. пед. наук: 13.00.02. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)». — М., МГПУ, 1993. — 210 с.
12. Телятникова, О. Н. Художественный текст комической направленности в аспекте его интерпритации/О. Н. Телятникова // Известия самарского научного центра РАН. — 2009. — Т. 11, 4 (6). — с. 1613–1618.
13. Тимошенкова, Т. М. Юмор и сатира в творчестве О. Генри/Т. М. Тимошенкова, Т. А. Азарова. — Х.: ХГУ имени А. М. Горького, 1989. — 11 с.
14. Самохина, В. А. Современная англоязычная шутка/В. А. Самохина. — Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2008. — 356 с.
15. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми/О. О. Селіванова. — К, 2008. — 712 с.
16. Pritchett, V. S. The Tin-openers/V. S. Pritchett // The new statesman and nation, 1957. — P. 783–784.
17. Vries, P. Introduction. Three men in a boat: to say nothing of the dog by Jerome K. Jerome/P. Vries. London: Time Incorporated. — 1964. — P. 15–19.

An Analysis of the poetic qualities of Bunin's short story «Light breathing»

Тан И Хон, профессор

Ляонинский педагогический университет (г. Далянь, Китай)

Матназаров Тимур Уткирович, студент;

Ручина Александра Викторовна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Bunin is one of the most gifted Russian poets, short story writers, and translators of the 20th century. His short story «Light breathing» is the story he was most proud of in his later years. As well as expressing Bunin's opinion on the problem of the nature of the relationships between an individual person and the vast universe, it also expressed his personal aesthetic. In this short stories Bunin successfully combined poetic feelings and psychological reality. In the following analysis of «Light breathing»'s plot and poetic language, I will attempt to analyze the poetic manner of Bunin's writing.

Keywords: Bunin, the non-linearity of the plot, narrative details, Language of poetry

Bunin is one of the most gifted Russian poets, short story writers, and translators of the 20th century. Due to the fact that his work carried on the classical Russian prose traditions, he became the first Russian writer to be rewarded the Nobel Prize in literature. He honed to perfection his short stories' artistic value. While Bunin was well-known in literary circles as a poet, his skill of writing prose exceeded his art of writing poetry. Due to his tendency to write poetry, all of his novels had a unique and artistic style. His short story «Light breathing» is the one he was most proud of in his later years. As well as expressing Bunin's opinion on the problem of the nature of the relationships between an individual person and the vast universe, it also expressed his personal aesthetic. In the following analysis of «Light breathing»'s plot and poetic language, I will attempt to analyze the poetic manner of Bunin's writing.

1. The non-linearity of the plot

In the short story «Light breath» Bunin uses a poetic manner of narration. The story is about a student named Olya, whose life suddenly ends. The narrator intentionally uses a non-linear narrative thread. The story opens at funeral,

where people are throwing earth into a fresh grave. The narrator then describes the setting up of an oak cross. The only thing in the middle of this cross is Olya's portrait. The thing that is most noticeable on this portrait is Olya's amazing eyes (a). The narrator then describes her adolescence: she has already turned into a beautiful young lady, who is known as the most beautiful girl in her school, and she is in love with one of her fellow students (b). The narrator then describes the last winter of the heroine's life and her private talk with the school principle (c). One month passes by, when a Cossack officer shouted «Olya is dead» at the railway station (d). From the diary we find out that last summer the principle's brother Malutin came around and he and Olya had a physical relationship (e). Then the narrative turns to the classroom teacher remembering the heroine's talk about 'the light breath' (f). According to a linear narrative, the sequence of events should be: b, f, e, c, d, a. The non-linearity of narration and the sudden changes of scenes are two of Bunin's characteristic features. The episode where the life of the heroine was suddenly and cruelly ended by the Cossack, was written in only one sentence. This kind of intentionally non-linearity was used by Bunin in order to shade this episode and that is how the author emphasized that this story is full

of the lightness of breath and of a slight melancholy. Because of the above mentioned details the plot is both vivid and life-like. One critic of the short story said: «I cannot say that the short story is a short story, it is a revelation that fills you with the fear and love of life. It is also the author's sorrowful and peaceful reflection. It is an epitaph for the young girl's beauty». Although the novel has its beginning, culmination and conclusion, the author still doesn't describe the whole process of events. Instead, he describes the main reason why the whole situation happened and from the separate episodes the whole plot is gathered together. The author thereby achieved the effect that excites the reader, and makes him or her think about the great variety of reasons of why it has happened.

In his short stories Bunin successfully combined poetic feelings and psychological reality.

2. Narrative details

The poetic manner of Bunin's works is also expressed in the layers of narrative detail. In «Light breathing» Bunin created a unique and sad atmosphere, which is felt throughout the whole story. In the beginning of the story the sky is grey, trees are stripped of their leaves, and the cold wind is blowing. These details create an atmosphere of sorrow. Then there is description of the heroine's beauty (slender body, small waist, well-proportioned legs, breasts, etc.). The beauty of her physical movements are emphasized (nobody could dance, ice skate or run like she did). The above mentioned details make the readers of the novel imagine the heroine's life and think about what will happen next.

Even though the life of such young girl was suddenly interrupted (Olya was shot by a Cossack officer on the platform), the author does not create an atmosphere of tragedy. Beyond all this, there is the question of the light breathing and what it signifies. Although it is April, and we read of the gray fields and a cemetery surrounded by a white fence, there is still the hint of spring coming in the sound of the bird's sweet song, and a woman teacher lost in deep thoughts. The teacher remembers how she accidentally heard a conversation between Olya and her friend about what beauty should include: «besides the pitch-black eyes, the gentle blush on cheeks, the slender and graceful stature, the main thing is — light breathing! I have just the same, listen, how I sigh — is it?» This light breathing covered over Olya's capricious nature, open hypocrisy, and the flaws of her feebleness and despotism. There is also light breathing in the natural world; in white clouds that are piled upon one another, in the cool

spring wind. Such details allow the whole story to be filled by a faded melancholy, from which it is impossible to escape. Light breathing is an eternal act of sorrow, which does not have the capability to disappear; it forces people to worry and not to forget. The details of creation are also a special poetic feature of Bunin short story.

3. Language of poetry

The language of Bunin's short story has a neat verse and hidden meaning. It also has light and simple prose, and the whole has a rich sense of rhythm and musicality. It contains scintillating witticisms, and stirs people's memories. In 1912, Bunin, during an interview in the «Moscow newspaper» said he refused to divide literature into poetry and prose. He believed that poetry and prose must come together to mutually enrich each other. Bunin wrote that «The concise speaking of the language of poetry needs to be close to natural speech».

Я крепко заснула,/но тотчас же проснулась
.../Нынче я стала женщиной!/Папа, мама и Толя,/все
уехали в город, я осталась одна./Я была так счастлива,
что одна!

Я утром гуляла в саду, в поле,/была в лесу,/мне ка-
залось,/что я одна во всем мире,/и я думала так хо-
рошо,/как никогда в жизни.

Теперь это легкое дыхание/снова рассеялось в мире/,
в этом облачном небе,/в этом холодном весеннем ветре.

In fact, while reading his story we can feel that the rhythm is slow, there is a clear melody in some places, and the rhyming has some similarities to poetry. Because of this, we can say that Bunin is a poet. All his life, Bunin continued to work at the intersection of prose and poetry. Even during the last years of his life, when he no longer wrote poetry, he still translated the work of European poets. We can say that from the very beginning to the end, he had the character of the poet. He saw the world through the poet's eyes; with the poet's feelings he came to perceive the world; he used the personal experiences of the poet to express the inner feelings of the world. Bunin desired that his short stories be read aloud, with a sense of poetic rhythm to them. «Light breathing» is an example of this. The story not only merges elements of poetry, but also elements of drama. It is as if the story has a chaotic plot, but also a unified artistic structure. Omitting even one phrase, one might destroy its sense of artistic integrity. So the Bunin story inherited the best traditions of Russian literature, including Pushkin and Turgenev, and at the same used a non-linear plot, strong emotions, musical cadence and other poetic features.

References:

1. И. А. Бунин Собрание сочинений в шести томах (1987). Москва: Художественная литература.
2. Dai Cong, Ren Zhong Translators (1983). The Selected Works of Bunin. Hefei: Anhui's Peoples Press.

К вопросу об изафетных конструкциях (существительное — существительное) в персидском языке

Хасан-заде Резван, аспирант;
Валипур Алиреза, кандидат филологических наук, доцент
Тегеранский университет (Иран)

Как известно, во всех языках мира словосочетания служат базисным материалом в построении того сообщения, которое передается говорящим в высказываниях и предложениях. Все словосочетания состоят из синтаксем, которые при помощи имеющихся в том или ином языке синтаксических отношений и способов связей лексически и грамматически вступают друг с другом в синтаксическую связь, в результате чего выражают атрибутивно-определятельные, объектные и обстоятельственные значения.

В персидском языке существуют разные способы синтаксической связи, одним из которых является изафетный способ, при помощи которого образуются соответствующие изафетные конструкции. Изафетные конструкции — это такой способ подчинительной связи именных словосочетаний в персидском языке, при котором подчиняющее слово, находящееся на первом месте, связывается с последующим, подчиненным словом, при помощи изафета, т.е. безударного грамматического показателя *-e* (после гласного *-ye*). [5, с. 838] Данный показатель в грамматике персидского языка именуется грамматистами как «показатель изафета». [7, с. 111] Таким путем осуществляется связь определения с определяемым словом, например: کتابِ برادر *ketāb-e barādar* ‘книга брата’; کتابِ جالب *ketāb-e jāleb* ‘интересная книга’; خواندنِ کتاب *xāndan-e ketāb* ‘чтение книги’. Как видно, синтаксемы в подобных словосочетаниях могут принадлежать разным частям речи, таким как имя существительное, прилагательное, инфинитив и т.п. По мнению Ю.А. Рубинчика изафетные словосочетания представляют собой самый распространенный тип словосочетания в персидском языке. [4, с. 344–345]

Как уже было отмечено, изафет имеет особый неударный показатель атрибутивной связи и находит обязательное звуковое оформление при помощи гласного звука *-e*, примыкающего к предшествующему слову в словосочетании. [3, с. 87] Например: داستانِ بلند *dāstān-e boland* ‘длинный рассказ’; مردِ عاشق *mard-e āšeq* ‘влюбленный мужчина’; محیطِ زندگی *mohit-e zendegi* ‘жизненная среда’; زنِ ناشناس *zan-e nāšenās* ‘незнакомая женщина’.

В приведенных примерах первый компонент словосочетания — определяемое слово оканчивается на согласную букву и соответственно изафетный показатель остается «только звуком» — *e* и на письме никак не отображается. Однако, если определяемое слово в изафетном словосочетании оканчивается на гласную букву *ā*, *u* или на *hā-ye havvaz* (как в изолированном положении *-ā*, так и в соединении *-ā*) в функции гласного звука

-e согласно закономерности вокализма персидского языка изафетный показатель находит свое графическое отображение дополнительной буквой *ی* *-ye* [10, с. 16]: فردایِ آن *fardā-ye ān ruz* ‘на следующий день’; آپارتمانهایِ فرنگی *āpārtēmānha-ye farangi* ‘европейские квартиры’; آهوئیِ دشت *āhu-ye dašt* ‘степной газель’; خواننده یِ روزنامه *xānande-ye ruznāme* ‘читатель газеты’; پسرخاله یِ مادرم *pesarxāle-ye mādaram* ‘двоюродный брат моей мамы’.

В персидском языке среди изафетных словосочетаний также различают *простые и сложные*. Простое изафетное словосочетание состоит из двух слов: کیفِ برادر *kif-e barādar* ‘портфель брата’. Сложное изафетное словосочетание образуется из сочетания трех, четырех и более слов: دوستِ باوفایِ من *dust-e bāwafā-ye man* ‘мой верный друг’. Сложные изафетные словосочетания именуются как «изафетная цепь» [6, с. 102–103]: صدایِ سرفه *sedā-ye sorfe-ye pirmard* ‘звук кашля старика’ — изафетное словосочетание из трех компонентов; خانه قديمی *xāne-ye qadimisāz-e pedarbozorg-e man* ‘дом моего дедушки старой постройки’ — словосочетание из четырех компонентов.

Следует также отметить, что данные словосочетания носят самостоятельный характер, и компоненты этих словосочетаний в своем лексическом значении могут соединяться с другими словами, образуя совершенно новые свободные словосочетания. При этом если в одном сочетании то или другое слово являлся главным/подчиняющим, то в другом может стать подчиненным компонентом словосочетания. [8, с. 134] Например, в словосочетании همسایه کشور *kešvar-e hamsāye* ‘соседняя страна’ — слово *hamsāye* ‘сосед’ выступает в функции определения и стоит в постпозиции, хотя в словосочетании همسایه دوستِ ما *hamsāye-ye dust-e mā* ‘сосед нашего друга’ — является существительным, занимает препозицию и является главным членом словосочетания. Изафетные словосочетания являются именными, так как все их компоненты относятся к именным частям речи.

Необходимо также отметить, что в качестве главного слова в структуре изафетных словосочетаний, как правило, употребляются имена существительные, а в роли зависимого компонента выступают именные части речи. Помимо того, функцию главного члена способны выполнять неопределенные формы глаголов, т.е. инфинитивы, которые в персидском языке традиционно называются отглагольными именами [9, с. 215]: خواندنِ کتابِ من *xāndan-e ketāb-e man* ‘чтение моей книги’; تنظیم کردنِ قرارداد *tanzim kardān-e qarārdād* ‘составление договора’. Инфинитив обладает двоякой способностью и выступает также в роли

распространяющих членов изафетных словосочетаний: — *آرزوی کمک کردن به مردم ārezu-ye komak kardan be mardom* 'желание помогать людям'; *استعداد کار کردن estedād-e kār kardan* 'способность работать'.

Далее будут рассматриваться изафетные конструкции, в составе которых употребляются исключительно имена существительные. Такой тип словосочетаний в традиционной-школьной грамматике персидского языка именуется как *مضاف-مضاف الیه mozāf-mozāfon elayh*, т.е. словосочетания, которые образуются при помощи синтаксической связи «изафета» и состоят из двух существительных, которые вступают в связь при помощи звукового показателя *-e* или йотированного *-ye*. В подобных словосочетаниях первый компонент является подчиняющим словом, который именуется в грамматике персидского языка, как *مضاف mozāf*. Второй компонент является подчиненным словом и называется *مضاف الیه mozāfon elayh* (букв. компонент, добавляемый к мозафу), и в предложениях выступает в качестве определения (*متمم اسم motammem-esm*). [12, с. 579] В зависимости от лексико-грамматического разряда, а также семантики имен существительных, употребленных в составе подобных изафетных конструкций, данные словосочетания в персидском языке могут выражать различные атрибутивные значения. [1, с. 53] Исходя из характеристики данных значений, грамматисты персидского языка все подобные изафетные конструкции классифицируют на следующие типы [2, с. 123]:

1. Притяжательные (*ezafe-ye melki*): В персидском языке значение принадлежности всегда выражается при помощи притяжательных конструкций, где два существительных сочетаются при помощи показателя изафета (*-e*) и между ними устанавливается синтаксическое отношение, выражающее принадлежность второго компонента к первому. Иными словами в них устанавливается отношение между собственником и имуществом (предметом). В качестве второго компонента в подобных конструкциях выступают одушевленные и в большинстве случаев собственные имена существительные, обозначающие лица. В подобных конструкциях *مضاف الیه mozāfon elayh* обозначает собственника, а *مضاف mozāf* — предмет, принадлежащий собственнику. В качестве примера обратите внимание на следующие словосочетания *باغ علی bāq-e Ali* 'сад Али' (сад, принадлежащий Али); *کتاب محمد ketāb-e Mohammad* 'книга Мохаммада' (книга, принадлежащая Мохаммаду) и т.д. [11, с. 362]

В русском языке данные конструкции выражаются при помощи несогласованного определения, выраженного в основном родительным падежом (Р. п.) без предлога, а в некоторых случаях при помощи согласованного определения, выраженного притяжательными прилагательными, которые образуются от слов, обозначающих лица. Например: *خانه ی پدر xāne-ye pedar* в русском языке употребляется как 'дом отца' или 'отцов дом', 'отцовский дом'.

2. Относительные (*ezafe-ye taxsisi*): В персидском языке существуют относительные изафетные кон-

струкции, которые лингвистами трактуются как словосочетания, состоящие из двух имен существительных, которые сочетаются друг с другом при помощи показателя изафета *-e* и в них первый компонент предназначен для второго, и относится к нему. Такие изафетные конструкции в персидском языке называются *اضافه ی تخصیصی ezafe-ye taxsisi* (букв. относительные изафетные конструкции). [11, с. 362] В качестве примера обратите внимание на следующие конструкции: *پنجره ی کلاس panjare-ye kelās* 'окно аудитории'; *آینه ی حمام āyne-ye hammām* 'зеркало ванной'; *کلید در kelid-e dar* 'ключ от двери' или 'дверной ключ'; *اتوی مو otu-ye mu* 'выпрямитель для волос' или 'выпрямитель волос' и т.д. Как видно, в данных конструкциях, первый компонент относится ко второму, и предназначен для него: слово *آینه āyne* (зеркало) относится к слову *حمام hammām* (ванная), т.е. речь идет о зеркале, которое предназначено для ванной комнаты.

Относительные изафетные конструкции на первый взгляд сходны с притяжательными вышеуказанными конструкциями, однако они отличаются тем, что в притяжательных конструкциях второй компонент (*mozāfon elayh*) представляет собой собственные имена лиц, либо другие одушевленные существительные, обозначающие название животных. [11, с. 362] Например, в притяжательной конструкции *کتاب محمد ketāb-e Mohammad* 'книга Мохаммада', речь идет о книге, которая принадлежит лицу, которое зовут Мохаммад, тогда как в относительной изафетной конструкции *کتاب درس ketāb-e dars* 'учебная книга', в персидском языке речь идет о книге, которая предназначена для слова *درس dars* в значении 'учеба', а слово *درس dars* представляет собой неодушевленное имя существительное.

В русском языке данные конструкции выражаются при помощи несогласованного определения, выраженного различными падежными и предложно-падежными конструкциями, а в некоторых случаях при помощи согласованного определения, выраженного относительными прилагательными. Например: изафетная конструкция *آب چشمه āb-e češme* в русском языке употребляется как 'родниковая вода' или 'вода из родника'; или же изафетная конструкция *پول عروسی pul-e arusi* в русском языке употребляется как 'деньги на свадьбу' или 'свадебные деньги'. В некоторых случаях употребляются конструкции при помощи различных предложно-падежных форм: *کتاب فیزیک ketāb-e fizik* 'книга по физике'; *خبر ارتحال xabar-e erteħāl* 'весть о кончине'; *نامه ی اکتبر nāme-ye oktobr* 'письмо от октября'; *بلیط سینما belit-e sinamā* 'билет в кинотеатр' и т.д.

3. Изъяснительные изафетные конструкции (*ezafe-ye tozihi*): В персидском языке существует особый тип изафетных конструкций, в котором первый компонент словосочетания относится к нарицательным именам существительным, определяющим род или вид второго компонента, выраженного собственным именем существительным. Иначе говоря, в подобных конструкциях второй компонент словосочетания является наименованием первого компонента, которое поясняет и добавляет дополнительную информацию о первом компоненте: *کشور*

ایران *kešvar-e irān* ‘страна Иран’ (или же просто «Иран» без слова *страна*); خلیج فارس *xalij-e fārs* ‘Персидский залив’; قله سهند *qolle-ye sahand* ‘вершина Саханд’ и т.д. [11, с. 363]

В русском же языке данные конструкции в основном выражаются при помощи согласованного определения, а в ряде случаев при помощи приложения и родительного падежа без предлога: Например: изъяснительная изафетная конструкция دولت ایران *doulat-e irān* в русском языке употребляется как ‘иранское правительство’ или ‘правительство Ирана’; или же изафетная конструкция قرارداد شانکهای *qarārdād-e šankhāy* в русском языке употребляется как ‘Шанхайский договор’; روزنامه ی پراودا *ruznāme-ye prāvda* ‘газета «Правда»»; رودخانه وولگا *rudxāne-ye volgā* ‘река «Волга»»; ماه مه *māh-e meh* ‘май месяц’; کتاب جنگ و صلح *ketāb-e jango solh* ‘книга «Война и мир»»; میدان انقلاب *meydān-e engelāb* ‘площадь Революции’ или ‘площадь «Революция»’.

4. Изафетные конструкции, выражающие материал, из которого сделан тот или иной предмет (ezāfe-ye bayāni): В персидском языке для выражения материала, из которого сделан тот или иной предмет, употребляются изафетные конструкции, именуемые как اضافه ی بیانی *ezāfe-ye bayāni*, которые состоят из двух имен существительных. Первый компонент в подобных словосочетаниях обозначает предмет, а второй компонент — материал или вещество, из которого сделан тот предмет. Например: لباس ابریشم *lebāse abrišam* ‘шелковое платье’ или ‘платье из шелка’; کیف چرم *kif-e čarm* ‘кожаная сумка’ или ‘сумка из кожи’;

Как видно в русском языке данные конструкции в основном выражаются при помощи согласованного определения, а в ряде случаев при помощи предложно-падежной формы родительного падежа с предлогом **из**: Изафетная конструкция مدال برنز *medāl-e boronz* в русском языке употребляется как ‘бронзовая медаль’, а в некоторых контекстах — как ‘медаль из бронзы’, образованная в ре-

зультате синтаксического эллипсиса: ‘медаль, которая сделана из бронзы’.

5. Сравнительные изафетные конструкции (ezāfe-ye tašbihi): Показатель изафета в персидском языке способен устанавливать между двумя именами существительными определительно-сравнительные отношения. В подобных изафетных конструкциях первый компонент (мозаф), как правило, уподобляется второму компоненту. Например: روی ماه *ruy-e māh* ‘лицо, подобное луне’ (красивое как луна). Как видно, данные изафетные конструкции выражаются в русском языке, как правило, при помощи языковых средств выражения сравнительных отношений, такие как *словно, подобный, как* и т.п., а иногда при помощи согласованных определений, выраженных относительными прилагательными: لب لعل *lab-e laal* ‘рубиновые губы’; چشم آهو *čašm-e āhu* ‘глаза, как у оленя’ (по красоте).

6. Метафорические изафетные конструкции (ezāfe-ye esteāri): В персидском языке существуют изафетные конструкции, в составе которых первый компонент употребляется в переносном значении и представляет собой метафору. Например, в следующем предложении, слово даст употреблено в переносном значении и означает «события»: دست روزگار مرا از دامان مادر جدا کرد. *dast-e ruzegār marā az dāmāne modar jodā kard*. ‘Жизненные события разлучили меня с матерью’.

7. Изафетные конструкции, выражающие имя-отчество (ezāfe-ye tašbihi): В персидском языке существуют изафетные конструкции, которые также состоят из двух имен существительных. В составе данных конструкций первый компонент является сыном или дочерью второго компонента [11, с. 361], например: حسن علی *hasan-e ali* ‘Хасан сын Али’; مریع فاطمه *maryam-e fāteme* ‘Марьям дочь Фатимы’. В русском языке данные конструкции могут выражаться при помощи форм и суффиксов, выражающих отчество: احمد محمد *ahmad-e mohammad* ‘Ахмад Мохаммадович’ (Ахмад сын Мохаммада).

Литература:

1. Батэни, М. Р. Описание структуры грамматики персидского языка. — Тегеран: Амир-Кабир, 1997.
2. Вахидиан Камяр Т. Грамматика персидского языка (1). — Тегеран, САМТ, 2004.
3. Натель-ханляри, П. Грамматика персидского языка. — Тегеран: издательство «Тус», 2005.
4. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М.: Восточная литература РАН, 2001.
5. Рубинчик, Ю. А. Грамматический очерк персидского языка/Ю. А. Рубинчик // Персидско-русский словарь: В 2-х тт. 3-е изд. — М.: Русский язык, 1985.
6. Рубинчик, Ю. А. Современный персидский язык. — М.: Восточная литература РАН, 1960.
7. Солтани, А. и другие. Грамматика персидского языка. — Тегеран: издательство «Амир-кабир», 1995.
8. Талыбова, С. Э. Инновации в современном персидском языке. — М.: Журнал Восток, № 5, «Наука», 2006.
9. Фаршидвард, Х., Полное описание современной грамматики, — Тегеран, СОХАН, 2003.
10. Хаддод-адэль, Г. Введение в народную этимологию, — Тегеран: Тегеранский университет, 2003.
11. Шариат, М. Д. Грамматика персидского языка. — Тегеран, Издательство «Асотир». 1988.
12. Шафаи, А. А. Научная основа грамматики персидского языка. — Тегеран, НОВИН, 1984.

Языковая картина мира (на примере текстов букваря разных лет издания)

Ярошкевич Мария Александровна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

«С чего начинается родина? — с картинки в твоём букваре!» А с чего начинается знакомство с наукой, искусством и культурой? Конечно, с текста в том же букваре. Тексты знакомых каждому книжек с картинками являются яркими воспоминаниями из детства и, несомненно, отражают языковую картину мира. Учебник для обучения грамоте, первое пособие по развитию речи и логического мышления у детей — иллюстрированный букварь — является также важнейшим средством воспитания и социализации.

На Руси обучать читать и писать стали гораздо раньше, чем появилась первая книга, предназначенная для этого. Первоначально под азбукой понимался алфавит, приспособленный для обучения грамоте. Очевидно, что азбука древнее букваря. Букварем стали называть преимущественно печатные азбуки.

Появление букваря относится к XVI веку. В России первый учебник (азбука) был напечатан Иваном Федоровым в 1574 г., позже в 1634 в Москве появился букварь В. Бурцева.

В настоящее время начальная школа располагает целой серией азбук и букварей разных авторов. В качестве учебника букварь включает и специфические для своего времени модели воспитания личности. Эти модели воплощаются в языке и реализуются через язык. Таким образом, именно язык является основным компонентом социализации и средством ее достижения.

Условная ситуация из первого учебника помогает ребенку освоить социальные роли, ощутить себя членом социума. Можно считать, что первым этапом этого процесса является создание ассоциативного ряда, состоящего из именованных предметов и явлений окружающего мира, т. е. формирование фрагмента языковой картины мира.

Цель нашего исследования — проанализировать лексические единицы, которые являются репрезентантами важнейших концептов «родственники» и «профессия», представление о которых формируется у первоклассника в процессе социализации.

Материалом для исследования послужили лексемы, отобранные методом сплошной выборки из текстов «Русской Азбуки» 2001 г. (далее А) и «Букваря» 1992 г. (далее Б).

Игра и язык в Букваре и Азбуке как элементы социализации

Очевидно, букварь как учебная литература содержит специфические для своего времени модели воспитания благоумной личности. Эти модели воплощаются в языке. По мнению М. Юсселяра, язык и общество «связаны неразрывно и представляют собой единое целое, в той мере как они взаимосвязаны. Язык — это явление общественное, потому что общество без языкового общения немислимо» [Шестакова 2003, 75]. Как отмечал Л. С. Выготский, психическое развитие человека осуществляется через предметную деятельность, во-первых — через язык. [Беликов, Крысин 2001, 205] Именно язык является компонентом социализации и средством ее достижения. Социализация (от лат. *socialis* — общественный), процесс усвоения человеческим индивидом определённой системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества.

Социализация не осуществляется без овладения речью данной социальной среды.

Фундаментом процесса развития социализированной речи является игра. Игра как условная ситуация помогает ребенку освоить элементы социальных ролей, посредством которых осуществляется взаимодействие членов общества. Таким образом, ребенок ощущает себя частью данного коллектива. Исходя из выше сказанного, можно считать, что первым этапом социализации является образование ассоциативного ряда, строящееся из картин окружающего мира.

Выше сказанное подтвердим на примере сравнения первых страниц обозначенных книг.

На первой же картинке Букваря 1992 года читатель сталкивается с семантическим полем, ядром которого является лексема «учитель», имеющая не вербальное, а визуальное воплощение. Однако с первого взгляда видно, в какой мир попал читатель. На картинке дети окружают женщину, одетую в строгий классический костюм с книгой в руках. В памяти ребенка на подсознательном уровне формируется образ его воспитателя. Отметим, что слово «сказки» красуется на обложке книги некоего «воспитателя». В сознании ребенка возникают новые ассоциации, связанные с миром волшебства, интересных приключений, царящего добра, ласки и тепла. Таким образом, в мыслительном процессе соединяются две лексемы «воспитатель» и «сказки», что оказывается единым целым в семантическом поле «учитель», которое расшифровывается как путеводитель в интересный мир знаний.

С первых страниц Азбуки 2001 года дети соприкасаются с историей книги, алфавита. Перед их любопытным взором — великие славянские учителя — Кирилл и Мефодий. Далее ребенок вновь проникает (попадает) в привычный мир сказок.

Отметим, что в Букваре 2001 года яркие сказочные картинки сопровождаются пословицами и поговорками. Эти наблюдения помогают заметить, как меняются представления о языке и его роли. Слова как орудия социализации на уровне знака приравниваются к невербальным элементам — картинкам, что в совокупности приводит к образованию сложного многоаспектного информативного текста.

Велика роль языка в качестве руководящего начала в научном изучении культуры, ведь система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, обслуживающего данную цивилизацию. Язык же понимается Сепиром как своеобразный путеводитель в социальной действительности, так как он существенно влияет на представление о социальных процессах и проблемах. «Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе». В действительности же «реальный мир» в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы, которые и отражаются в создаваемых текстах.

Отражая социальные изменения, обновляется лексикон букварей. Этот процесс происходит за счет добавлений, происходящих в связи с изменениями общества. Уходят на второй план репрезентанты советской культуры, пополняя ряды устаревших слов. Выше сказанное подтверждает сравнение предлагаемых букварями профессий.

Так, в одном из одноименных текстах двух букварей «Кто кем станет» как в Б 1992 так и в А 2001 году употребляются профессии: строителя, слесаря, историка, космонавта. Вместо кассира в издании 1992 г. в 2001 — повар, а таксист исключается из списка без замены. Интересно заметить, что даже имена детей в этих текстах совпадают. В аналогичном тексте «Кто кем работает» первое предложение совершенно одинаково приводится в Б и в А: папа работает на заводе (за исключением имен: пата Толи/папа Тимы). Однако в Букваре 1992 г. папа на заводе собирает станки, а в А 2001 г. папа — конструктор. А мама вместо профессии воспитателя является доктором. Примечательно, что в Азбуке брат тоже работает, являясь музыкантом, что совершенно ново для Букваря 1992. Из списка профессий Б 1992 г. исключаются: пилот, капитан, сталевар, кассир, тракторист, а в А 2001 г. добавляется — мастер.

Результаты сравнений показывают, что в основном в данных книгах используются названия рабочих технических профессий.

Именно с помощью языка и выражаются представления языкового коллектива о стремительно меняющихся процессах действительности. Ведь концепт — это именно то средство, с помощью которого человек входит в культуру и влияет на нее.

Совершенно точно о взаимодействии культуры и языка сказал Эдвард Сепир в работе «Язык. Введение в изучение речи»: «Культуру можно определить как то, ЧТО данное общество делает и думает. Язык же есть то, КАК думают» [Сепир 1993, 193].

Сопоставительный анализ лексем репрезентантов концепта «Родственники»

Понятие концепта выступает ключевым при исследовании проблем языковой концептуализации действительности. Исходя из определений концепта под концептуализацией понимают совокупность аналитических приемов, используемых при исследовании и описании процессов познавательной деятельности. Каждая концептуальная система должна опираться на те значимые социальные, культурные, эстетические ценности, которые составляют картину мира определенной эпохи.

Обращает на себя внимание изменившееся соотношение в текстах букварей социальных ролей представителей, входящих в семантическое поле «родственники».

В Букваре 1992 года концепт «мама» представлен в следующих репрезентантах:

<i>Мама и папа — строители (Б, 59)</i>	профессия, занимаемое положение
<i>мама, Москва, мир (Б, 61; А, 89)</i>	слова на «м», которые часто употребляются;
<i>Мама — воспитатель (Б, 73)</i> <i>Мама — доктор (А, 113)</i>	занимаемая должность
<i>Мама заглядывает в корзину и называет горе грибом (Б, 79;)</i>	анализирует работу ребенка

Мама не может ответить на вопрос ребенка (Б, 113; А, 197)	т. к. сама не знает причину автомобильной пробки. Важно отметить, какую эмоциональную и интонационную нагрузку несет предложение: <i>мама тоже сказала, почему все стали?</i>
<i>пришла мать (мама), взяла коня, и стал конь ничей</i> (Б, 118; А, 220)	Мама решает спор

В азбуке 2001 кроме вышеупомянутых концепт «мама» формируется в следующих репрезентантах:

<i>с нами мама</i> (спела песенку про кота) (А, 91):	Может рассмешить, создать благоприятную обстановку. Интересно отметить, что данный концепт становится заголовком текста.
<i>Рады будут все: и папа, и мама</i> (А, 115)	мама член семьи, мнение которого ценят
<i>Мама говорит о дедушке</i> (А, 159)	дает характеристику дедушке, что влияет на формирование правильного отношения к члену семьи
<i>не надо к маме приставать</i> (А, 207)	в «Читалочке» к маме пристаёт ребенок с просьбой почитать ему. Это уже говорит о том, что мама занимается с ребенком, читает ему;
<i>...наша родина — матушка Россия. Матерь — потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку, как мать она защищает и бережет нас от всяких врагов</i> (А, 213)	ярко изображается образ матери
<i>...села с мамой посидела...</i> (А, 230)	В стихотворении «Помощница»

Таким образом, концепт мама в букваре 1992 г имеет шесть различных репрезентаций, а в азбуке 2001 г — десять. Концепт «папа» формируется в следующих репрезентантах

Букварь 1992 г:

<i>Папа — строитель, работник на заводе, водолаз...</i> (Б, 55,59,71,73; А, 109,113)	Концепт «папа» используется для указания на профессию, занимаемую должность и т. д.
<i>Папа купил Пете пенал</i> (Б, 58; А, 85)	Папа обеспечивает семью

В азбуке 2001 года добавляются информация о папе:

<i>...хвалил меня отец</i> (1, 179)	отец хвалит сына за работу — оценка деятельности сына
<i>Рады будут все: и папа, и мама</i> (2, 115)	папа член семьи, мнение которого ценят
В стихотворении Б. Заходера «Два и три» папа показан мудрым, умеющим понять своего ребенка и научить его правильным поступкам (3, 234)	(предоставляет самому вынести урок из затейливой ситуации). Он вступает в игру с сыном по его же правилам, наглядно показывая нравственный урок.

О *бабушке* в Букваре говорится лишь то, что *внучка* интересуется ее грамотностью (Б,104; А, 165). Лексема *дедушка* встречается лишь в контексте, где он показан старым и беспомощным, что даже *внук* смеется над ним (Б, 93; А, 143)

В азбуке 2001 г. мы узнаем о *бабушке*, что она вместе с мамой отдает все лучшее детям, а взамен и благодарности часто не получает (А, 233). А *дедушка*, наконец-то, увенчан лаврами: он представляет героя, о котором даже мама говорит: «сам стар, а душа молодая» (А, 159).

Что касается *брата* и *сестры*, то в Букваре о них говорится лишь в одном контексте — *вместе тесно, а врозь скучно* (Б, 119; А, 221). В азбуке лексема *брат* встречается в предложении «*все люди — братья*» и при знакомстве с профессиями, где *брат* — *музыкант* (А, 214,113).

Итак, как в А, так и в Б представлена традиционная модель семьи: мама, папа, двое детей (брат, сестра). Однако именно в А семейным отношениям уделяется больше внимания, чем окружающему миру с его меняющимися усло-

виями. На этом основании можно предположить, что детям 21 века нужно было дать образец семьи, что еще не требовалось детям 20 века.

Результаты исследования приводят к заключению о том, что первые учебные книги, несомненно, воплощают социокультурный колорит эпохи. Отражая социальные изменения, обновляется лексикон букварей. Уходят на второй план лексические маркеры советской культуры, пополняя ряды устаревших слов. Обращает на себя внимание изменившееся в текстах первых книг соотношение социальных ролей лиц, входящих в семантическое поле «родственники».

Учебники для первоклассников являются уникальным хранилищем культуры и источником сведений о жизни страны, народа, выполняя функции не только обучения грамоте, но и формирования и воспитания думающей личности. Достижению этих целей и должен отвечать отбор текстов и лексических единиц. Таким образом, тексты данных книг являются средством формирования языковой картины мира ребенка и, следовательно, лингвокультурными объектами исследования.

Литература:

1. Беликов, В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика М., 2001
2. Большая Советская Энциклопедия М., 1978
3. Букварь, М., 1992
4. Валгина, Н. С. Теория текста М., 2003
5. Маслова, В. Лингвокультурология М., 2001
6. Материалы международной научной конференции //Социальные варианты языка — 2 Нижний Новгород, 2003
7. Русская Азбука М., 2001
8. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи М., 2001
9. Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. Н. Ушакова М., 2000

ФИЛОСОФИЯ

И. А. Ильин — философ и эссеист

Малинин Сергей Алексеевич, ассистент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена публицистической стороне творчества великого русского философа И.А. Ильина. В статье рассматриваются наиболее значимые произведения Ильина, в которых автор пытается выразить свое отношение к проблемам и событиям своего времени и дает заветы будущим поколениям.

Ключевые слова: зло, грех, «поющее сердце», традиция, нравственность.

Иван Александрович Ильин не только великий русский философ — правовед, но и одаренный писатель, публицист и эссеист. Его работы по религиозно — идеалистической философии это система публицистических и эссеистических произведений автора. Среди эссеистических сочинений мыслителя особое место занимают такие работы как: «О сопротивлении злу силою», двухтомный сборник статей «Наши задачи», «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», «Путь к очевидности». Стоит отметить, что наиболее важное значение среди этих работ имеет монография «О сопротивлении злу силою». Написанная в далеком 1925 году, она сохранила пафос, логику философствования автора, трезвость мысли и глубокое, искреннее чувство долга перед Россией и любви к России. Произведение воспринимаются как череда долгожданных признаний русскому народу, который растерялся и замер в губительном промедлении и ожидании своего будущего, без высказанных слов и совершенных поступков.

И.А. Ильин вырабатывает определенную активную позицию борьбы со злом. Этой теме автор посвящает тематику всех работ представленных выше. Работа Ильина «О сопротивлении злу силою» это ответ на противохристианское толстовское учение «о непротиивлении». Произведение написано в духе древнерусской православной традиции, не только не воспрещающей, но и призывающей верующего человека к активному сопротивлению злу. Сопротивлению не только словом, но и делом, в том числе с оружием в руках, даже, если такое сопротивление окажется противоречием шестой заповеди Божьей «Не убивай» [1, с. 169.] и будет связано с лишением жизни человека, совершающего безнравственные и противозаконные поступки. Монографию «О сопротивлении злу силою» можно условно разделить на четыре части, каждая из которых посвящена подпроблеме, но в целом решает главный вопрос, поставленный в работе —

«Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом?» [3, с. 34]. В начале произведения идет уточнение поля исследования, рассмотрение таких категорий морального сознания как зло и добро и окончательная постановка проблемы. Вторая часть посвящена развешиванию постулируемых толстовцами идей «непротиивления» и «всепрощения». В третьей части содержится начало решения проблемы. Замена ложных и трусливых ценностей толстовства истинными чувствами и моральными нормами. В заключительной части работы находится ответ на поставленную проблему. Дается окончательное разграничение таких стержневых понятий произведения как грех и неправедность.

Неправедность это более широкое понятие чем грех. Грех это — осознанный выбор человеком наихудшего из возможных вариантов поведения вследствие своей слабости. Греховен человек легко и бессовестно предающийся злу. Отказ от противодействия злу силой, бросающий слабых беззащитными, по мнению Ильина, есть грех. Напротив, сопротивление, ставшее причиной смерти носителя зла это поступок неправедный, коим является любое убийство, но не греховный. На пути человек всегда происходят конфликты, праведного разрешения которых нет. К их числу относятся войны, казнь преступников. Ильин заявляет: «Что можно и должно ответить на этот вопрос, когда его ставит нравственно благородная душа, ищущая в своей любви к Богу и Его делу на земле религиозно верного волевого ответа на идущий извне напор зла? Ответ, добытый нами, звучит несомненно и определено: физическое пресечение и понуждение могут быть прямо религиозною и патриотическою обязанностью человека; тогда он не вправе от них уклониться» [3, с. 177]. Люди должны знать, дабы избежать греха непротиивления, необходимо идти по пути «меньшего зла» не-

праведности, которая сможет физически остановить носителя зла и защитить жертв преступления.

Система, которую И. А. Ильин создал в работе «О сопротивлении злу силою», была направлена на решение определенных социальных, морально — нравственных, культурных задач в эссеистике философа. Продолжением эссеистики Ильина являются книги религиозно — философского толка: «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», «Путь к очевидности» и двухтомный сборник статей «Наши задачи». Эти произведения есть результат сведения автором идей в области философии, этики и политологии в единое целое, которое явилось объектом эссеистики автора.

«Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (1958 г.) это одно из самых удивительных произведений И. А. Ильина. Эта богословское сочинение посвящено традиционным для философской эссеистики «бессмертным» вопросам любви и ненависти, жизни и смерти, нравственности, духовности, справедливости. Ильин отмечает: «Сердце поет не от влюбленности, а от любви; и пение его льется подобно бесконечной мелодии, с вечно живым ритмом, в вечно новых гармониях и модуляциях. Сердце приобретает эту способность только тогда, когда оно открывает в себе доступ к божественным содержаниям жизни и приводит свою глубину в живую связь с этими не разочаровывающими драгоценностями неба и земли» [2, с. 376]. Типичен для эссеистики и предлог «о», используемый Ильиным в заглавии каждой «бессмертной» категории. Свои рассуждения о философских категориях Ильин сменяет небольшими миниатюрами описательного характера. Они служат некими зарисовками к размышлениям философа. Ильин вспоминает: «Я полюбил облака еще ребенком... облака дают нам самозабвение, уводят нас от дневной заботы, смягчают и утоляют наш гнев, разрешают все судороги души, угашают ее жадность, рассеивают ее сумраки и смягчают ее упрямство, — столь бесстрастно и свободно их течение, столь кротко и благодушно их легкое естество» [2, с. 260].

Близка по духу и другая работа великого русского, сборник статей «Наши задачи» (1948—1954 гг.) — уникальное произведение, написанное в эмигрантский период жизни мыслителя, в он котором выразил богатство и глубину своих знаний о мире и о ценностях человеческой жизни, некоторое из них он считал истинными, другие ложными. Здесь Ильин более конкретно выразил свою политическую позицию относительно России и ее будущего. Ильин пишет: «Мы не смеем обещать от лица России — никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России, как поколение дряблкое и предательское» [4, с. 458].

Посредством сборника «Наши задачи», Ильин пытался показать основные проблемы российского государства первой половины 20 века. Каким тяжелым бременем легла на Россию власть большевизма. В этом произве-

дении Ильин видел «лекарство» от «недуга» охватившего Россию и русский народ. Автор, как традиционалист, ищет опору в национальной традиции, рассуждая о том, что России нужно воспитывать новые поколения людей. Ильин утверждает: «...нужно новое воспитание: в свободе и к свободе; в любви и к любви; в предметности и к предметности. Новые поколения русских людей должны воспитываться к сердечной и предметной свободе. Это директива — на сегодня, и на завтра, и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России» [5, с. 179]. Возвращение к традициям является актуальным, так как значение духовных традиций возрастает в условиях общественных трансформаций. Традиционность всегда была и будет жизненным основанием России заключает Ильин.

«Путь к очевидности» — одно из последних произведений И. А. Ильина подводящее итог его философской деятельности (напечатано в 1957 году после смерти философа). В произведении отсутствуют авторские тезисы и отдельные элементы описательного характера. И. А. Ильин осуждает современную ему западноевропейскую культуру в рационализме, в отсутствии духовных начал. Бездуховной западной культуре философ противопоставляет культуру подлинно православную, основанную на моральных ценностях доброты и любви. Любовь обуславливает законы воспитания. Ильин предъявляет жесткие нормы художественного совершенства, говоря о том что современное ему «модернистическое» искусство, лишено истинно духовно-нравственных начал. Такую же высокую меру Ильин предъявляет академической науке, пастырскому призванию, призванию врача и философа. «Политическому разврату», который сформулировал и провозгласил Маркс, Ильин выставляет христианские, православные требования. Ильин пишет: «Повсюду, во всем мире должен начаться постепенный духовный пересмотр наших душевных актов и наших предметных содержаний: в отдельных людях, и в малых кружках, в религиозных общинах, в философских обществах и в целых культурных движениях; люди будут сосредотачиваться на последних, священных истоках своей жизни; они будут созерцать жизнь своего сердца и судить о нем, — каково оно должно быть, и каким оно казалось в действительности, и чего ему недостает...» [2, с. 558].

В творчестве великого русского философа и публициста Ивана Александровича Ильина важное место занимают эссеистические произведения. Эссеистика Ильина это активная борьба и противостояние, вплоть до оружия в руках, православного христианина мировому злу. И. А. Ильин усматривает опору общества и государства в национальной традиции, акцентирует роль ее объективно — нравственных начал. Духовное формирование индивида определяет духовно формирование социально — политической сферы. Право определяет нравственность индивида и общества. Базисом социальной общности яв-

ляется нравственный человек. Ильин в своих работах пытается найти «лекарство» от революционных потрясений случившихся в начале 20 — ого столетия. Ильин заявляет о высочайшей значимости России в мировой истории

и необходимости русского человека прилагать все усилия для всестороннего развития российского государства. России нужно нравственное обновление для дальнейшего духовного прогресса.

Литература:

1. Библия. Библия православная. Российское библейское общество. 2006. — 1564 с.
2. Ильин, И. А. Собрание сочинений: В 10т. Т. 3./Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 1994. — 592 с.
3. Ильин, И. А. Собрание сочинений: В 10т. Т. 5. Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 1996. — 608 с.
4. Ильин, И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том 1/И. А Ильин; составление, предисловие и комментарии Ю.Т. Лисицы. — М.: Айрисс — пресс, 2008. — 528 с. — (Белая Россия).
5. Ильин, И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: в 2т. Т. 2/И. А Ильин; составление и комментарии Ю.Т. Лисицы. — М.: Айрисс — пресс, 2008. — 512 с. — (Белая Россия).

Молодой ученый

Ежемесячный научный журнал

№ 15 (74) / 2014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Каленский А. В.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4